

Содержание

История

<i>Марасанова В. М.</i> Контр-адмирал Михаил Федорович Белкин: военная служба и частная жизнь.....	5
<i>Борисова А. В.</i> Династическая политика Петра I.....	10
<i>Тихомиров Н. В.</i> Социалисты-революционеры Верхнего Поволжья в органах местного самоуправления в 1917 году.....	13
<i>Рябинина Н. В.</i> Зарубежная помощь детям Советской России в начале 1920-х годов.....	19
<i>Соловьев К. А.</i> Обитель Святителя Николы, что на Улейме, древний монастырь Ярославской земли – история, архитектура, современность, будущее.....	24
<i>Хохолькова Н. Е.</i> Имя как единица культурного кода афроцентризма.....	31
<i>Океке Обидозие Афамефуна Эндрю</i> Внешняя политика Нигерии: отношения с сопредельными государствами (1990– 2010-е гг.).....	36
<i>Медяков А. С.</i> Неожиданный друг: образ Османской империи на австрийских открытках Первой мировой войны.....	42
<i>Мудров С. Н., Гурьянчик В. Н.</i> Восстановление исторической памяти (по материалам деятельности Народного Союза Германии по уходу за военными могилами на территории Ярославской области).....	46

Право

<i>Лушникова М. В.</i> Межотраслевые связи трудового права: теория и практика.....	50
<i>Иванчин А. В.</i> Дорожная карта уголовной политики России на 2017–2025 годы: достоинства и недостатки.....	54
<i>Тарусина Н. Н.</i> Имя ребенка как одно из средств его индивидуализации.....	59
<i>Соловьев О. Г., Соколова О. В.</i> Регламентация ответственности соучастников преступления в международном уголовном праве.....	64
<i>Барахоева А. Р.</i> Юридические установки личности и проблемы правовой социализации.....	68
<i>Исаева Е. А., Соколов А. В.</i> Государственная поддержка правозащитных НКО (на примере Ярославской области).....	71

Психология

<i>Владимиров И. Ю., Маркина П. Н.</i> Объективный и субъективный тупик в процессе инсайтного решения.....	76
<i>Морозов И. М., Коровкин С. Ю.</i> Модели понимания в решении задач.....	81
<i>Жедунова Л. Г., Голубев И. А., Голубева О. С.</i> Переживание страха смерти в условиях интенсивного группового экзистенциального опыта.....	85
<i>Кашипов М. М., Медведева Ю. С.</i> Специфика креативности, мотивации и метакогнитивных процессов студентов разных научных направлений.....	89
<i>Субботина Л. Ю.</i> Профессиональная специфика регулятивных функций у психологов.....	94
<i>Саковская О. Н.</i> Ценностные детерминанты предпочитаемых копинг-стратегий.....	99
<i>Карabanов А. П.</i> Влияние временной локализации события на оценку его вероятности как фактор принятия решений.....	103
<i>Дополнительные сведения об авторах.....</i>	107

Contents

History

<i>Marasanova V. M.</i> Rear-Admiral Mikhail Fyodorovich Belkin: Military Service and Civilian Life.....	5
<i>Borisova A. V.</i> Dynastic Policy of Peter I.....	10
<i>Tikhomirov N. V.</i> The Socialists-Revolutionaries of the Upper Volga Region in Local Government Bodies in 1917.....	13
<i>Ryabinina N. V.</i> Foreign Aid to Children of the Soviet Russia in Early 1920s.....	19
<i>Solovyov K. A.</i> The Monastery of Saint Nikola at Ulama, the Ancient Monastery of the Yaroslavl Region – History, Architecture, Present, Future.....	24
<i>Khokholkova N. E.</i> The Name as the Unit of the Afrocentric Cultural Code.....	31
<i>Okeke Obidozie Afamefuna Andrew</i> The Foreign Relations of Nigeria with Neighboring Countries in 1990s – 2010s.....	36
<i>Medyakov A. C.</i> Unexpected Friend: Image of the Ottoman Empire on Austrian Postcards of the First World War.....	42
<i>Mudrov S. N., Guryanchik V. N.</i> Recovery of Historical Memory (according to the materials on German War Graves Commission on the territory of Yaroslavl region).....	46

Law

<i>Lushnikova M. V.</i> Inter-branch Links of Labor Law: Theory and Practice.....	50
<i>Ivanchin A. V.</i> Roadmap for the Russian Policy Against Delinquency for 2017–2025: Advantages and Disadvantages.....	54
<i>Tarusina N. N.</i> Child's Name as One of the Means for Individualization.....	59
<i>Solovyev O. G., Sokolova O. V.</i> Regulation of Responsibility of Accomplices of a Crime in the International Criminal Law.....	64
<i>Barakhoeva A. R.</i> Legal Attitudes of the Person and Issues of Legal Socialization.....	68
<i>Isaeva E. A., Sokolov A. V.</i> State Support of Human Rights NGOs (by an example of the Yaroslavl region).....	71

Psychology

<i>Vladimirov I. Yu., Markina P. N.</i> Objective and Subjective Impasse in Insight Problem Solving.....	76
<i>Morozov I. M., Korovkin S. Y.</i> Understanding Models in Problem Solving.....	81
<i>Zhedunova L. G., Golubev I. A., Golubeva O. S.</i> Experiencing Fear of Death in Conditions of Intense Group Existential Practice.....	85
<i>Kashapov M. M., Medvedeva Yu. S.</i> Specificity of Creativity, Motivation and Metacognitive Processes of Students of Different Scientific Fields.....	89
<i>Subbotina L.Y.</i> Professional Specifics of Regulatory Functions of Psychologists.....	94
<i>Sakovskaya O. N.</i> Value Determinants of Selected Coping Strategies.....	99
<i>Karabanov A. P.</i> Time Localization Impact on Evaluation of the Event Probability as a Decision-Making Factor.....	103
Contributors	108

ИСТОРИЯ

УДК 94(47)+908

Рассматривается история семьи военных моряков Белкиных и их связь с Ярославским краем. В ходе исследования предложено аргументированное обоснование причин переезда Белкиных в Ярославскую губернию, связанное с деятельностью губернатора Ивана Семеновича Унковского. Кроме того, обобщаются данные исторических источников и исследовательской литературы о личных и родственных связях Нахимовых, Белкиных и Унковских. Изучение военной службы трех поколений Белкиных от Отечественной войны 1812 г. до Первой мировой войны позволило полностью раскрыть их вклад в защиту Отечества, а также осветить ключевые события истории российского военно-морского флота XIX–начала XX вв.: морские сражения, оборону Севастополя, становление подводного флота.

Ключевые слова: военно-морской флот; оборона Севастополя; Михаил Федорович Белкин; Иван Семенович Унковский; Ярославская губерния.

The article considers the history of the naval mariners of the Belkin family and their links with the Yaroslavl Province. The research suggests substantial reasons for moving of the Belkins to the Yaroslavl Province, which was related to the activity of the governor Ivan Semyonovich Unkovsky. Besides, the article summarizes data on personal relations and family ties within the Nakhimov, Belkin and Unkovsky families based on primary sources and research literature. Studies of the military service of three generations of the Belkins during the period from the Patriotic War of 1812 till the First World War helped to reveal their contribution to the defense of the Fatherland and highlight key events in the history of the Russian Navy of the 19th – the beginning of the 20th centuries: naval battles, the Defense of Sevastopol, the establishment of the submarine fleet.

Keywords: Navy; Defense of Sevastopol; Mikhail Fyodorovich Belkin; Ivan Semyonovich Unkovsky; Yaroslavl Province.

В. М. Марасанова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: vmt@uniyar.ac.ru

Контр-адмирал Михаил Федорович Белкин:

военная служба и частная жизнь

Научная статья

V. M. Marasanova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Rear-Admiral Mikhail Fyodorovich Belkin:

Military Service and Civilian Life

Scientific article

Три поколения военных моряков Белкиных воевали за Россию от Отечественной войны 1812 г. до Первой мировой войны. Белкины имели родственные связи с семьями военных моряков Нахимовых и Унковских. В связи с этим обращение к изучению семьи Белкиных и Михаила Федоровича Белкина как ее наиболее выдающегося представителя дает возможность предложить не только новизну факта, но и новизну интерпретации семейной истории в связи с историей страны и с историей военно-морского флота. Поставленная тема имеет как генеалогическую, так и региональную «составляющую», поскольку после покупки земли

в Ярославской губернии с начала 1860-х гг. Белкины вошли в состав ярославского дворянства.

Личность Михаила Федоровича Белкина на региональном ярославском уровне практически не изучалась до тех пор, пока потомки Нахимовых в 2009 г. не выступили инициаторами установки памятного креста на кладбище в селе Введенье (в прошлом Введенское), где он похоронен вместе с младшим сыном Николаем. Это послужило основанием широкого обсуждения семьи Белкиных на сайте Ярославского историко-родословного общества, причем начавшаяся несколько лет назад дискуссия не прервалась до настоящего времени [1].

Дворянский род Белкиных ведет свою историю с XIII в. и внесен в дворянские родословные книги Калужской и Тамбовской губерний (часть VI – древние благородные дворянские роды); еще одна ветвь рода Белкиных относится к Рязанской губернии. Белкины находились в числе «фамилий дворянских, включенных в бархатную книгу», что ставит их в один ряд с наиболее знатными дворянскими фамилиями России [2, с. 21].

Тема проводимого научного исследования – три поколения рода (т. е. семья) Белкиных, живших в XIX–начале XX вв.: Федор Михайлович Белкин (род. в 1785 г.) и его супруга Екатерина Ивановна Энгельгардт, следующее поколение – контр-адмирал Михаил Федорович Белкин (1827–1909) с женой Варварой Степановной и третье поколение: их сыновья Федор (род. в 1869 г.) Николай Михайлович Белкин (1872–1909) и дочери Мария (род. в 1864 г.) и Анна (род. в 1870 г.).

В Российском государственном архиве ВМФ отложился фонд 1192 «Белкин Михаил Федорович, контр-адмирал (1827–1909). Белкин Николай Михайлович, капитан 2 ранга (1872–1909). Белкин Федор Михайлович, полковник Корпуса гидрографов (1869–?). Оп. 1». Фонд включает 13 дел с конца XVII в. до 1918 г. [3]. В них представлены биографические материалы: метрические свидетельства, свидетельства о происхождении рода Белкиных и их поместьях, послужные и формулярные списки, некрологи. Служебную деятельность Белкиных раскрывают приказы, предписания, вырезки из газет. Документальные материалы позволяют проследить основные вехи биографий и служебную деятельность Белкиных, а также уточнить даты и факты, по которым в литературе и особенно в Интернет-ресурсах присутствуют многочисленные разночтения.

Михаил Федорович Белкин стал военным по семейной традиции. Как указано в статье о Белкиных в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», «один из Б., Андрей Иванович, убит при взятии Казани 2 октября 1552 г. и имя его помещено в синодике Московского Успенского собора на вечное поминовение. Некоторые Белкины также были убиты в разных боях» [4, с. 196–197]. Эти «разные бои» продолжались из века в век, и особую воинскую славу Белкины снискали себе в XIX столетии благодаря Михаилу Федоровичу Белкину.

Старший Федор Михайлович Белкин в составе Кавалергардского полка участвовал в сражении при Аустерлице 1807 г.; в Отечественную войну 1812 г.

отличился в боях под Полоцком и Вязмой. Вышел в отставку «по болезни» в 1816 г. в звании полковника и в 1817 г. обвенчался с Екатериной Ивановной Энгельгардт. Они поселились в имении Белкино-Дольское в Малоярославецком уезде Калужской губернии. Федор Михайлович еще возвращался на государственную гражданскую службу, когда в течение нескольких лет исполнял обязанности старшего полицмейстера в Москве. Вряд ли можно согласиться с данными сборника биографий кавалергардов о том, что их брак остался бездетным [5, с. 128–129]. Потомок славных родов Александр Павлович Нахимов восстановил по архивным документам родословную Белкиных (Федор – Михаил – его дети Федор и Николай) [6]. Одна из сестер Федора Белкина, Екатерина, была замужем за Николаем Матвеевичем Нахимовым, крестным и двоюродным дядей вице-адмирала Павла Степановича Нахимова, а другая сестра, Варвара, – за Семеном Яковлевичем Унковским.

Михаил Федорович Белкин родился в Калуге. После окончания Морского корпуса в Санкт-Петербурге в 1844 г. поступил на действительную службу в 33-й флотский экипаж на Черноморском побережье России. Здесь он участвовал в боевых действиях против горцев и в 1850 г. был произведен в лейтенанты и получил орден св. Анны 4-й степени. Белкин принял участие в важнейших операциях Крымской войны под командованием адмирала Нахимова. В 1853 г. Михаил Белкин на линейном корабле «Чесма» участвовал в сражении при Синопе. Как известно, в результате сражения было уничтожено 15 из 16 турецких судов, а командующий эскадрой Осман-паша попал в плен. «За отличную храбрость и распорядительность во время боя при метком и быстром действии» Михаил Белкин был представлен Нахимовым к ордену св. Владимира 4-й степени и, наряду с другими, премирован годовым окладом.

После разгрома турецкой эскадры в войну вступили Франция и Англия и Севастополь был объявлен на осадном положении. Во время обороны Севастополя 1854–1855 гг. военные моряки геройски сражались на суше. Сооруженный на пятом бастионе люнет № 7 с пятью орудиями, которым командовал лейтенант Белкин, получил наименование «люнет Белкина» (люнет, от фр. lune – луна, означает открытое с тыла полевое укрепление из валов/брустверов со рвом впереди). На пятом бастионе часто присутствовал Нахимов. С конца сентября 1854 г. до августа 1855 г. люнет Белкина отбил мно-

жество вражеских атак и ни разу не был захвачен в бою неприятелем [7, с. 208]. За стойкость и мужество Михаил Белкин был представлен к орденам св. Георгия 4-й степени, св. Анны 2-й степени и св. Станислава 2-й степени с императорской короной. Пережившего осаду без ранений Михаила Белкина следует считать удивительным исключением из правила, когда гибли тысячи людей (по разным оценкам потери русской армии в Крымскую войну составили от 102 до 129 тыс. человек).

После окончания войны Михаил Федорович Белкин недолго командовал тендером «Копчик» и в 1857 г. вышел в отставку. В 1862 г. он приобрел более 300 десятин земли по обоим берегам реки Которосли в Ярославской губернии. Центром имения стало село Введенское (ныне Введенье). В состав владений Белкиных входили пустоши Коробова, Долбино, Акинцово, Ховронихаи Кузьмицова Ярославского уезда. Владения на реке Которосль близ Ярославля в настоящее время прилегают к базе отдыха «Белкино», и хотя бы в этом названии сохранена память о прошлых владельцах. Все четверо детей Белкина родились в Ярославской губернии.

Михаил Федорович Белкин принимал участие в работе ярославского земства; он избирался гласным Ярославского уездного земского собрания с 1865 по 1879 г., т. е. с момента создания и в течение первых пяти трехлетий. По поручению уездной земской управы в 1867 г. Белкин ездил в Санкт-Петербург по вопросам строительства железной дороги до Ярославля. Он считается одним из инициаторов устройства железнодорожной станции в Козьмодемьянске.

Почему был сделан такой выбор, ведь основные имена Белкиных находились в Калужской губернии? Дело в том, что в 1861 г. в Ярославль прибыл новый губернатор контр-адмирал Иван Семенович Унковский. Это единственный случай, когда начальником губернии стал не просто военный – такие случаи бывали и раньше, – а морской офицер. К тому же в его «активе» к этому времени уже было два дальних плавания в Японию [8, с. 229–244].

Белкины и Унковские были родственниками, и обе семьи владели землями в Калужской губернии. Как отмечалось выше, сестра Федора Михайловича Белкина вышла замуж за Семена Яковлевича Унковского. Таким образом, Иван Унковский и Михаил Белкин были двоюродными братьями. Семен Унковский служил вместе с Михаилом Петровичем Лазаревым, и тот оказал поддержку

Ивану Унковскому на начальном этапе его карьеры. Согласно послужному списку, «адъютантом к главному командиру Черноморского флота и портов» Иван Унковский был назначен 5 марта 1841 г. [9, л. 8–17]. Известны пересечения служебной карьеры Михаила Петровича Лазарева и Павла Степановича Нахимова: вспомним хотя бы Наваринское сражение 1827 г. [10, с. 59]. Многие военные моряки были связаны не только по службе, но и семейными, и дружеским узами.

После отъезда И. С. Унковского из Ярославля, когда в 1877 г. он принял обязанности почетного опекуна Московского присутствия Опекунского совета, Михаил Федорович Белкин тоже уехал в Санкт-Петербург. С 1880 г. капитан-лейтенант Белкин стал начальником военно-исправительной тюрьмы морского ведомства. Он участвовал в работе общественных организаций, занимавшихся сбором средств для российского торгового и военного флота. В начале русско-японской войны был создан Особый комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования. На собранные средства строились корабли и подводные лодки (первая отечественная подводная лодка «Дельфин» вошла в состав флота в 1903 г.). В 1905 г. при выходе в отставку Михаилу Федоровичу Белкину за заслуги перед Отечеством было присвоено звание контр-адмирала.

Сыновья Белкина пошли по стопам отца; окончив Морской корпус, они стали одними из первых российских офицеров-подводников. Федор Белкин (Белкин 1-й) проводил гидрографические работы на Черном море, Байкале, Балтийском море и побережье Северного Ледовитого океана. Помимо этого, он имел художественный талант, участвовал с картинами и зарисовками в художественных выставках; их каталоги находятся в фонде Белкиных в РГА ВМФ. Там же сохранились материалы изобретательской деятельности Ф.М. Белкина – проекты магистрального инструмента для съемки в закрытых местах, бесшумной мембраны, говорящего и записывающего телефона и др. В 1904 г. Федор Белкин стал командиром одной из первых отечественных подводных лодок «Налим». Лодку перевезли по железной дороге из Санкт-Петербурга во Владивосток, где был создан первый тактический Отдельный отряд подводных лодок под командованием лейтенанта Александра Владимировича Плотто. В этом отряде Белкин 1-й стал ротным командиром. Подводные лодки позволили избежать блокады порта Владивосток в русско-японскую

войну. В дальнейшем Федор Белкин командовал 1-м дивизионом подводных лодок Балтийского флота, а накануне Первой мировой войны в звании полковника перешел на должность начальника Главного управления подводного плавания.

Вслед за старшим братом в подводный флот пришел Николай Белкин (Белкин 2-й). 27 марта 1907 г. в Ревеле (Таллин) был создан Учебный отряд подводного плавания под командованием контр-адмирала Эдуарда Николаевича Щенсновича, в состав которого входили братья Белкины. С 1908 г. Николай Михайлович Белкин возглавил Отряд подводного плавания Черного моря из пяти подводных лодок.

Михаил Федорович Белкин умер в Санкт-Петербурге на 83-м году жизни в феврале 1909 г., а в мае того же года во время крушения подводной лодки в Севастополе трагически погиб его сын Николай. Из-за несогласованности действий с надводными кораблями подводная лодка «Камбала» была протаранена броненосцем «Ростислав» во время отработки ночных атак и затонула на глубину 58 метров. Капитан 2-го ранга Николай Белкин и все моряки погибли, спасся только командир лодки лейтенант Михаил Аквилонов, которого смыло за борт. Его приговорили к полугодовому заключению за неосторожное сближение с кораблями эскадры, но он трижды просил императора ужесточить ему наказание и, тяжело переживая гибель моряков, добился для себя лишения дворянства, звания и всех орденов. 9(22) сентября 1909 г. носовая часть «Камбалы» была поднята на поверхность и удалось найти тела двух офицеров – Николая Белкина и Дмитрия Тучкова – и 12 матросов.

Так в один 1909 год оборвались жизни и отца, и сына. Тела Михаила и Николая Белкиных были привезены в имение в Ярославской губернии и погребены на кладбище Троицкой церкви в селе Введенское (ныне Введенье) на реке Которосли.

Имена отца и сына Белкиных уже были закреплены в памятниках, но не все они сохранились до наших дней. Первым памятного знака удостоился Михаил Федорович Белкин – герой обороны Севастополя. Внимание общества к обороне Севастополя, адмиралу Нахимову и другим защитникам города получило новый импульс во время русско-японской войны 1904–1905 гг и в послевоенное десятилетие. В этот период внимание общества было привлечено к анализу причин поражения России на Дальнем Востоке. Между событиями русско-японской и Крымской войн прослеживались явные аналогии: осада Севастополя как базы

Черноморского флота союзниками и осада Порт-Артура японцами, героизм защитников и трагические последствия поражения, гибель флотов и эскадр, неспособность сухопутной армии выиграть сражение и спасти крепости от штурма и др. К 50-летию юбилею обороны Севастополя был открыт памятник защитникам люнета Белкина. На тыльной стороне памятника перечислялись части, защищавшие люнет. Этот небольшой памятник из серого гранита до сих пор стоит в Севастополе на кладбище Коммунаров. Имя Михаила Белкина также было увековечено на мемориальных плитах во Владимирском соборе Севастополя в числе 57 офицеров российского флота, получивших орден св. Георгия за участие в Крымской войне.

Что касается Николая Белкина, то в мае 1912 г., к третьей годовщине гибели «Камбалы», в Севастополе был установлен сооруженный на народные пожертвования монумент. На этом памятнике у рубки лодки над люком перед перископом склонял голову мраморный ангел; на доске были выбиты фамилии двадцати погибших моряков. Первым в списке значился «Н. М. Белкин 2-й капитан 2 ранга». Памятник сейчас практически утрачен.

Фамильный склеп Белкиных на кладбище в селе Введенье разрушен, но в мае 2009 г. в память о военных моряках рядом с действующей Троицкой церковью был установлен деревянный крест. Преподаватели и студенты Демидовского университета считают необходимым продолжить работу по изучению биографий Белкиных. Не менее важен поиск, приведение в порядок и благоустройство места их захоронения, тем более что издание «Русский провинциальный некрополь» сохранило полные тексты надписей на надгробных памятниках и указание места погребения:

Бѣлкинъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, отставной контръ-адмиралъ, † въ С.-Петербургѣ 12 февраля 1909, 83 л. Съсыномъ Н. М. Бѣлкинымъ (С. Введенское, что на Средней Которосли, Яросл. у.).

Бѣлкинъ Николай Михайловичъ капитанъ 2-го ранга, погибшій при крушеніи подводной лодки «Камбала» 30 мая 1909. Съ отцемъ М. Ѳ. Бѣлкинымъ (С. Введенское, что на Средней Которосли, Яросл. у.) [11, с. 116]. Предположительно место погребения Белкиных находилось слева от входа в Троицкий храм, ныне действующий.

Общественность и студенческие организации ЯрГУ им. П. Г. Демидова, совместно с депутатом Государственной Думы РФ Александром Сергеевичем Грибовым, работают над идеей уста-

новки памятного знака в честь героев Белкиных на ярославской земле. И, конечно, восстанавливать память о герое нужно прежде всего через жителей. Для этого планируется провести информационную кампанию, посвященную Белкиным: создать цикл телесюжетов, публикаций в газетах и журналах. Разрабатывается программа мероприятий, лекций и викторин для школьников. К работе готовы подключиться общественные организации, занимающиеся патриотическим воспитанием молодежи.

В целом проведенное исследование позволило уточнить и обобщить данные о военных морях Белкиных, их личных и семейных связях с М. П. Лазаревым, П. С. Нахимовым и И. С. Унковским. В биографии контр-адмирала Михаила Федоровича Белкина было три этапа: военная служба (1844–1857), семейная жизнь в ярославском имении, сочетаемая с работой в земстве (1862–1880) и, наконец, возвращение к службе в подведомственных учреждениях морского ведомства и в комитете Добровольного флота (1880–1905). На каждом этапе он достойно служил родине и общественному благу. Изучение биографий Белкиных позволило полнее раскрыть их вклад в защиту Отечества, а также осветить ключевые события истории российского военно-морского флота XIX–начала XX вв.: морские сражения, оборону Севастополя, становление подводного флота. Осмысление истории страны через историю семьи связало разные периоды и регионы, дополнило предмет изучения социально значимыми задачами. Обращение к данной теме имеет не только научное, но и практическое значение, поскольку актуализирует фиксацию исторической памяти о защитниках Отечества и восстановление мемориальных мест памяти.

Ссылки

1. Белкины (дворяне; Ярославская, Калужская губерния) // Форум Ярославского историко-родословного общества. URL: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=11197> (дата обращения: 26.10.2016 г.).

2. Долгоруков П. А. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: в 4 частях. СПб.: Типография Карла Вингебера, 1854. Ч. 1. 350 с.

3. Аннотированный реестр описей фондов Российского государственного архива ВМФ. URL: <http://new.rusarchives.ru/guide/rgavmf/1151-1200.shtml#1192> (дата обращения: 27.10.2016 г.).

4. Белкины // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 5: Буны – Вальтер. СПб., 1891. 494 с.

5. Белкин Федор Михайлович // Сборник биографий кавалергардов 1801–1826 гг. / под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1906. X с., 402 с.

6. Родословная заговоренного лейтенанта // Калужский край: историко-краеведческий форум. URL: <http://www.kalugakrai.com/forums/topic/3087-rodoslovnaia-zagovoryonnogo-leitenanta/> (дата обращения: 27.10.2016 г.).

7. Описание обороны Севастополя / составлено под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. СПб.: Типография Н. Неклюдова, 1872. Ч. 2. Отдел 2. 344 с.

8. Марасанова В. М. Адмирал И. С. Унковский – ярославский губернатор (по документам ГАЯО) // Отечественные архивы. 2004. № 5. С. 42–48.

9. Формулярный список Ивана Семеновича Унковского на 31 марта 1860 г. // Государственный архив Ярославской области. Ф. 79: Ярославское губернское правление. Оп. 5. Д. 1909.

10. Лапин В. В. Адмирал Нахимов в национальной памяти // Россия XXI. 2012. № 6. С. 58–85.

11. Николай Михайлович, вел. кн. Русский провинциальный некрополь. Т. 1: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгская губернии, монастыри Валаамский и Коневский. М.: Типография Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1914. 1008 с.

УДК 94(47)

В статье рассматриваются примеры реализации династической политики русского царя Петра I. Особое внимание уделено вопросам укрепления позиций и влияния российского государства на страны Европы в ходе заключения брачных союзов.

Ключевые слова: династическая политика; царь Петр I; внешняя политика; брачные союзы.

The article discusses examples of the dynastic policy implementations by the Russian Tsar Peter I. Special attention is paid to strengthening the position and influence of the Russian state on the European countries by means of marriage unions.

Keywords: dynastic politics; Tsar Peter I; foreign policy; marriage unions.

А. В. Борисова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Avb_hist@mail.ru

Династическая политика Петра I

Научная статья

A. V. Borisova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Dynastic Policy of Peter I

Scientific article

Внешнеполитическая деятельность российского государства в каждый исторический период имела свои особенности. Так было и в эпоху Петра I. Ситуация в стране к началу XVIII в. требовала активизации внешней политики, целью которой было не только включение новых территорий в состав государства и их юридическое закрепление, но и интеграция царствующего дома в более широкое династическое пространство. Статус царской семьи к началу XVIII в. претерпел значительные изменения, вызванные новыми внешнеполитическими условиями и задачами.

Социальная философия Нового времени предложила новый взгляд на роль государства и монарха в общественной жизни. Изменились методы ведения международных дел. Все большее значение стала иметь дипломатия и заключение военно-политических союзов. Особым направлением внешнеполитической деятельности явилась брачная дипломатия и обычай личных встреч правителей, высшей знати для урегулирования важнейших проблем внешней политики. Брачные союзы со времен средневековья были традиционным средством реализации внешнеполитических целей. Заключение подобных альянсов закрепляло условия международных договоров, подтверждало мирные намерения в отношениях между странами.

© Борисова А.В., 2017

Ключевым внешнеполитическим событием петровского царствования явилась Северная война. Победа русских войск под Полтавой имела не только военное, но и внешнеполитическое значение. Разгром шведской армии изменил ход Северной войны, а также направление европейской политики. К тому же времени относится начало сближения России с владетельными домами, расположенными вдоль Балтийского побережья. Этого требовали политические и торговые интересы державы, стремящейся упрочить свое положение на море. По замыслу царя новые династические связи должны были обеспечить России постоянную поддержку со стороны Австрии и германских государств на случай шведского или турецкого реванша.

С 1709 г. Россия становится полноправным политическим партнером ведущих европейских держав, стремительно приближаясь к статусу великой державы. Победы русского оружия в 1703–1709 гг. позволили Петру поставить перед Россией новую задачу – включить страну в европейскую политическую систему. Одним из средств достижения этих целей должны были стать династические браки. Петр, желая упрочить влияние России в Прибалтике, определил ближайшую цель – присоединить Курляндию к России. В самом герцогстве дела обстояли

неблагополучно. Во время Северной войны герцог Фердинанд встал на сторону Польши и после сражения у Спилве, в котором победили шведы, бежал в Польшу. Герцогство осталось без правителя.

В 1710 г. с согласия Курляндского дворянства восемнадцатилетний наследник герцогского престола Фридрих-Вильгельм был объявлен совершеннолетним и вступил в брак с племянницей Петра I Анной Иоанновной. Бракосочетание состоялось 31 октября в Петербурге, во дворце князя Меншикова. К огорчению царя Петра Алексеевича долгосрочным перспективам было не суждено осуществиться. Не успев вернуться в свои владения в начале 1711 г., Фридрих-Вильгельм скончался. По требованию Петра I Анна Иоанновна стала жить в Митаве под контролем русского представителя П. М. Бестужева-Рюмина. Он и управлял герцогством.

В 1711 г. был реализован очередной брачный проект. Царь Петр I женил своего сына Алексея на принцессе Шарлотте Кристине Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, свояченице германского императора. Переговоры о браке, начавшиеся еще в 1707 г., затянулись до 1709 г., когда Полтавская победа ясно показала, на чьей стороне будет успех в Северной войне. Герцог Антон-Ульрих оставил всякие сомнения и решил выдать свою внучку за русского царевича. Царевич Алексей, отправленный отцом в Германию учиться, имел возможность видаться с принцессой.

Брачный договор был составлен из 17 статей: после положений общего характера о любви и уважении между супругами царь обязывался за свой счет перевезти принцессу и ее двор в Россию, Шарлотта и все ее придворные сохраняли свое лютеранское вероисповедание. Царь обязывался выдавать принцессе на содержание двора ежегодно 50000 талеров. В случае смерти царевича содержание сохранялось и сама она могла, по желанию, остаться в России или уехать за границу. Царь обязывался приобрести для нее в Германии особое владение. Дети, которые родились бы от этого брака, должны были быть православными [1]. 14 октября 1711 г. в Торгау в Саксонии «добрым порядком», по выражению Петра, была отпразднована свадьба Шарлотты. В 1713 г. Шарлотта получила от российского императора титул кронпринцессы и в том же году прибыла в Россию.

События Северной войны заставили еще одного герцога – Карла-Леопольда Мекленбургского – искать поддержки у русского царя. Желая овладеть городом Висмаром, занятым в то время союзными

войсками, Карл надеялся, что царь поддержит его в случае женитьбы на одной из его племянниц. Герцог говорил, что он намерен жениться на Анне Иоанновне, герцогине Курляндской. Царь объявил посланнику герцога, что он может назначить в невесты любую из своих племянниц, а если тот будет настаивать на герцогине Курляндской, то сошлет Карла-Леопольда в Сибирь. Выбор пал на Екатерину Ивановну. Последовавшее соглашение выходило далеко за рамки обычного брачного династического контракта, поскольку царь в качестве приданого обещал герцогу шведский Висмар и передал в его распоряжение 10 полков русской пехоты для обуздания внутренней оппозиции. Карлу-Леопольду русские войска были нужны, чтобы одержать победу в конфликте с рыцарями. Карл-Леопольд предоставил, в свою очередь, территорию герцогства в полное распоряжение русского командования в качестве военно-морского плацдарма для борьбы со Швецией. Брачный договор дополнял союзнический договор, который позволял России размещать войска на севере Германии. В сущности, это был договор о переходе герцогства под протекторат России.

В брачном договоре герцог обязался обеспечить своей жене свободное отправление православной службы, выплачивать по 6000 ефимков шкатульных денег в год и закрепить за ней, на случай своей смерти, замок Гистров с 25000 ефимков ежегодного дохода. Петр I обещал дать ей 200000 рублей приданого. Кроме того, русский царь намеревался отнять у шведов Висмар с Барнеминдом, отошедшие от Мекленбурга по Вестфальскому миру. Столь сложная комбинация была направлена против установления английского военно-морского контроля над Балтикой (в случае поглощения Мекленбурга Ганновером).

Брак Екатерины Ивановны с герцогом Карлом-Леопольдом Мекленбургским был отпразднован в Данциге 16 апреля 1716 г. К этой свадьбе прибыл и польский король, некогда бывший другом Петра. С Августом в Данциг прибыли: его друг и слуга саксонец генерал Флеминг и несколько польских магнатов. С Петром были: граф Головкин, вице-канцлер Шафиров и Толстой; сюда же приехал и русский посол при Августе князь Григорий Долгорукий. Столь представительное собрание гостей было неслучайным. Русский царь стремился уладить несогласия. Петр наружно помирился с Августом, оба государя давали друг другу пиршества, однако к прежней дружбе вернуться не удалось.

Брак был желателен для обеих сторон. Мнение о варварстве русских было одной из причин того, что за царских принцесс долгое время не сватались. Теперь же царевна Екатерина соединялась браком со значительным германским владетельным князем, земли которого по своему географическому положению могли служить для пользы России [2, с. 19].

Грубый и деспотичный нрав мужа вскоре заставил Екатерину Ивановну просить Петра разрешить ей вернуться к матери Прасковье Федоровне. В 1722 г. она вместе с единственной дочерью Елизаветой (в православии Анной Леопольдовной) прибыла в Россию. Впереди был еще один брачный союз, надолго привязавший Россию к интересам небольшого германского государства Гольштейн [3].

Новый династический договор был задуман еще в 1709 г., а реализован в 1721 г. Речь идет о браке дочери Петра Анне и герцога Гольштинского Карла-Фридриха, сына герцога Фридриха IV и старшей сестры шведского короля Карла XII Гедвиги-Софии. Впоследствии Карл-Фридрих стал основателем новой российской династии Романовых-Гольштейн-Готторпов.

После Полтавской победы гольштейнский министр Георг-Генрих фон Герц разработал план сближения с Петром I. Средством для достижения желаемой цели был выбран династический союз. Он «предполагал женитьбу юного герцога на одной из великих княжон», то есть на какой-либо из трех племянниц царя или на его дочери Анне Петровне [4, с. 261]. Племянницы Петра I были старше герцога, и наиболее вероятной кандидатурой невесты оказалась Анна Петровна. В планы Герца входил и разрыв союза России и Дании. Очевидно, что это не входило в планы России, и Петр I отказался от предложенного брака [5].

Развитие внешнеполитической ситуации в Европе привело к неожиданным событиям. Перед испанским посланником кардиналом Альберони была поставлена задача заключить военный союз с Россией, скрепив его династическим браком инфанта Карлоса с дочерью царя Анной Петровной. Весной 1719 г. русская сторона рассмотрела предложение, но отстранение от дел кардинала в ходе политических интриг свело на нет и продолжение переговоров.

В данный период стараниями президента тайного совета герцога Шлезвиг-Гольштинского Карла-Фридриха, фактически главы его правительства графа Бассевича продолжается работа по сближению интересов герцога и России. Гольштинская партия при шведском дворе оказала молодому герцогу

поддержку, что выразилось в финансировании правителя; ему была назначена ежегодная субсидия в размере 25000 талеров. Кроме того, сенат был уполномочен заключить договор с Россией.

22 февраля 1724 г. был подписан мир между Россией и Швецией, который содержал секретную статью о Герцоге Гольштинском. Россия, Швеция и Дания согласовали возможность возвращения Карлу Шлезвигу. В итоге Карл прибыл в Россию, где женился на Анне Петровне. Бассевич писал: «Само собою разумеется, что его величество в то же время не откажет в надлежащем объяснении относительно приданого царевны, его дочери, и торговли между Россией и владениями гольштинскими. Соединение двух морей, как было предположено прежде, устроится легко» [3]. Свадьба состоялась уже после смерти императора Петра I.

Таким образом, длительная внешнеполитическая деятельность по расширению и укреплению территории молодой империи привела к значительным результатам. Победы русского оружия оформили не только территориальное, но и династическое пространство нового государства. Труды советников и дипломатов позволили России выйти на новые политические и торговые пространства. Важнейшим средством политики данного периода явились династические браки членов большой царской семьи.

Ссылки

1. Крылов-Толстикевич А. Н. Немецкие принцессы в России в XVIII – XIX вв. URL: <http://www.proza.ru/2012/11/18/404> (дата обращения: 25.02.2016).
2. Эйхгольц. Рассказ барона Эйхгольца (Из бумаж П. П. фон-Геца) [Извлечение] // Русская старина. 1875. Т. 12, № 1. С. 1–25.
3. Геннинг Фридрих Бассевич. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713–1725) / пер. с фр. И. Ф. Аммона; предисловие П. И. Бартенева // Русский архив, 1865. Изд. 2-е. М., 1867. URL: <http://www.bibliotekar.ru/reprint-81/index.htm> (дата обращения: 15.01.2016)
4. Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. 296 с.
5. Фридрих-Вильгельм Берхгольц. Дневник. Россия и Северная Европа первой четверти XVIII века в зеркале немецких источников. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Berhgoz/> (дата обращения: 04.03.2016).

В статье представлены перипетии борьбы за лидирующее положение в муниципалитетах региона Верхней Волги одной из ведущих политических партий в 1917 г. – партии социалистов-революционеров. Акцент сделан на предвыборную работу в органы местного самоуправления локальных организаций партии, на их взаимоотношения с другими российскими политическими партиями, приемах политической борьбы, применявшихся эсерами в ходе предвыборной работы. Рассмотрены итоги выборов и последствия для социалистов-революционеров их деятельности в местных органах власти накануне прихода к власти большевиков в стране в октябре 1917 г.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров; Верхнее Поволжье; борьба; городские думы; земства; выборы.

The article deals with the hardships of struggle of the socialist-revolutionary party for the leading position in the municipal organs of the Upper Volga in 1917. The attention is paid to pre-election campaign of the local party organizations to the municipal organs and relationships with other Russian political parties. The author points out to the methods of political struggle used by socialist-revolutionaries in the course of pre-election campaign. The focus is made on results of elections and consequences of the party's activity in the municipal organs on the eve of the bolsheviks' coming to power in October 1917.

Keywords: Party of Socialists-Revolutionaries; Upper Volga Region; struggle; City Dumas; zemstvo; elections.

Н. В. Тихомиров

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nvlad76@mail.ru

Социалисты-революционеры Верхнего Поволжья в органах местного самоуправления в 1917 году

Научная статья

N. V. Tikhomirov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Socialists-Revolutionaries of the Upper Volga Region in Local Government Bodies in 1917

Scientific article

Основные направления работы в органах местного самоуправления социалисты-революционеры стали определять весной 1917 г. В качестве реальной власти на местах эсеры рассматривали не Советы, в которых они имели значительное влияние на протяжении почти всего 1917 г., а городские думы, волостные, уездные и губернские земства, избранные демократическим путем. Получить в них большинство, а затем с помощью избирателей одержать победу на выборах в Учредительное собрание стало одной из главнейших задач для эсеров.

В апреле вопрос о будущей избирательной кампании в органы местной власти поставили костромские эсеры [1]. На одном из апрельских партийных совещаний тверские эсеры приняли решение «принимать участие во всех выборах

в местные учреждения: волостные комитеты, уездные земства, городские думы, исполнительные комитеты» [2]. 23 апреля на заседании тверского комитета партии эсеров (далее – ПСР) и представителей от районных эсеровских организаций было признано «желательным заключить блок с социал-демократами» [2, 26 апреля].

На ярославской губернской конференции ПСР 21–23 мая было принято решение «поручить губернскому комитету партии разработку вопроса о политике партии в органах местного самоуправления как земского, так и городского», «создать для рассмотрения этих вопросов специальную конференцию по вопросам земского и городского хозяйства» [3]. В процессе подготовки к выборам в думы и земства эсеры обсуждали вопрос о блоке с другими партиями. На той же губернской пар-

тийной конференции эсеры приняли резолюцию, в которой говорилось: «Признавая чрезвычайную важность работы социалистов-революционеров в муниципалитетах и что последние должны стать на страже интересов трудовой демократии, конференция признает необходимым, где это нужно, входить в соглашение с другими социалистическими партиями в целях проведения своих кандидатов», а «местным организациям предоставляется право выставлять кандидатами и не социалистов, доводя об этом до сведения губернский комитет партии, причем губернский комитет имеет право наложить вето» [3].

30 мая горком ПСР пригласил представителей всех социалистических партий, кроме большевиков, отказавшихся от совместного выступления на выборах в городскую думу, для обсуждения муниципальных проблем и вопроса о составлении избирательного списка. Однако блок социалистических партий в Ярославле так и не был создан. 18 июня местные эсеры заявили, что на выборах они будут выступать самостоятельным списком кандидатов [4, с. 204–207].

11 июня тверские эсеры опубликовали в «Тверском листке» обращение ко всем организациям социалистических партий в городе с предложением «образовать для проведения выборов в Тверскую городскую думу социалистический блок для составления общего списка кандидатов в гласные с целью избежать разбивки голосов демократических слоев населения города Твери и тем не дать торжества представителям буржуазии» [2, 11 июня]. Большевики отказались вступать в него, меньшевики идею не отвергали [2, 15 июня]. Во Владимире эсеры стремились договориться о создании блока с меньшевиками, что привело к распаду местной объединенной организации РСДРП, но эсеро-меньшевистского блока здесь так и не сложилось [5].

Начав подготовку к выборам, эсеры выступили как инициаторы кампании демократизации дум и земств. По сути, они требовали допустить в органы местной власти большее количество представителей социалистических партий еще до выборов. Таким образом, эсеры стремились упрочить свои позиции в этих органах до начала избирательной кампании.

В Ярославле кампания за демократизацию вылилась в противостояние эсеров с кадетами, имевшими большинство в местном, особенно

в городском, самоуправлении. Решения о демократизации принимались комитетами общественной безопасности, которые функционировали не только в губернских центрах, но и в уездах. Инициаторами таких решений были, как правило, лица, представлявшие Советы. Эсеры, в частности, утверждали, что без контроля Советов, в первую очередь Советов крестьянских депутатов, земства утратят свой авторитет в крестьянской среде.

Кампания демократизации уездных земств в Ярославской губернии имела следующие результаты: в Даниловском уездном земстве новых гласных – представителей социалистов – стало 38, осталось старых – 14, в Пошехонском новых – 56, старых – 18, в Романово-Борисоглебском новых – 24, старых – 13, в Ростовском новых – 44, старых – 23, в Рыбинском новых – 22, старых – 17, в Угличском – 20 и 6 соответственно [6].

В Ярославской городской думе, возглавлявшейся кадетами, эсеры, используя поддержку меньшевиков, не встретили сопротивления со стороны первых при принятии решения о демократизации. Но в губернской земской управе, где кадеты были в большинстве, противостояние с ними эсеров затянулось. Кадеты не отвергали идею о демократизации, но настаивали на таком способе ее проведения в губернском земстве, «который в губернии представит интересы уездов, а в уездах интересы волости» [6, л. 9 об.]. Был разработан проект, по которому старый состав земств должен был быть пополнен равным ему по численности новым, избранным уездными земствами. Эсеры выступили против этого проекта [7, с. 116].

Социалисты-революционеры вынесли этот вопрос на обсуждение в исполкоме губернского Совета крестьянских депутатов, где занимали господствующие позиции. 12 июня на заседании исполкома Совета под председательством А. Ф. Попова эсеры заявили, что «исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов <...> признал, что в состав земского собрания <...> должны быть обязательно включены кроме гласных от уездных земских собраний еще представители губернского Совета крестьянских депутатов, рабочих и солдатских депутатов, кооперативных союзов» [8]. Эсеры стали требовать предоставления шести мест губернскому Совету крестьянских депутатов, по 2 – каждому

уездному Совету крестьянских депутатов (суммарно 20 мест), по 2 – Совету рабочих и Совету солдатских депутатов, 4 – кооперативным союзам [8]. Это свидетельствовало о том, что эсеры стремились обеспечить себе большинство.

В итоге по предложению губернского комиссара Временного правительства кадета К. К. Черносвитова было принято решение 25 голосами при шести воздержавшихся принять ранее разработанный проект земской управы и дополнительно включить в состав земского собрания представителей «от указанных организаций» в том количестве, которое они требовали [6, л. 8–10]. Казалось, что проблема решена, но в июле она получила дальнейшее развитие.

Конфликт разгорелся с новой силой из-за того, что Ярославская губернская земская управа вовсе не стремилась выполнять распоряжение о дополнительном включении в состав земства представителей Советов и кооперативов. 16 июля управа попыталась провести земское собрание без представителей комитета общественной безопасности. Однако крестьянская земская группа во главе с эсером А. Н. Потехиным, связанная с комитетом, вновь настаивала на включении представителей от Советов и потребовала переноса собрания до их утверждения правительством. В сложившейся ситуации кадеты предложили собрание все-таки провести, но одновременно начать ходатайствовать перед правительством о включении новых представителей. Обращение к правительству было необходимо, так как по вышедшему ранее правительственному распоряжению губернской земства должны были состоять из равного количества старых и новых гласных. Крестьянская группа не приняла предложение, а 17 июля заявила о прекращении своей работы в губернском земстве. В результате кадеты сохранили за собой главенствующее положение в управе, назвав действия своих оппонентов «партийной иступленностью» [3, 22 июля]. Но эсеры были настроены решительно в деле решения проблемы в свою пользу, командировав в Петроград одного из своих лидеров Н. А. Мамырина. В Петрограде Министерство внутренних дел приняло сторону управы, заявив, что «пополнение губернского земского собрания представителями Советов не вызывается обстоятельствами дела» [9, с. 80]. В итоге эсеры сами пошли на компромисс. На заседаниях комитета общественной

безопасности 1 и 2 августа было заявлено, что, несмотря на то что управа поступила вопреки решению комитета общественной безопасности, последний «призывает губернскую земскую управу в дальнейшем к совместной работе, в особенности в деле выборов в волостные и уездные земства и в Учредительное собрание» [8, 6 августа]. Процессы демократизации проходили также и в соседних регионах [16].

1–4 июня проходило первое заседание обновленного Костромского губернского земского собрания, избравшего председателем эсера В. А. Дмитриева и троих новых членов управы – эсеров Я. П. Скороходова и Н. В. Силкина, а также меньшевика Е. Ф. Дебюка. Собрание сохранило трех прежних членов управы – кадетов по партийной принадлежности [10].

25 июня в Костроме прошли выборы в городскую думу. Их итоги не могли впечатлить эсеров, получивших всего 17 мест. Меньшевикам досталось 12 мест, кадетам – 11. Заметным был успех большевиков, которые теперь занимали в думе 34 места. На первом же собрании гласных новой избранной городской думы эсеры попытались создать прецедент. Они отказались участвовать в работе думы, объясняя это недостаточным количеством гласных от эсеров, и возложили ответственность за работу думы на социал-демократов [10, л. 38 об.].

В начале июля состоялись выборы в Тверскую губернскую земскую управу. По их итогам председателем местной управы стал лидер местных эсеров В. К. Вольский, членами управы от эсеров были избраны Осокин и Горшечников. На этих выборах эсеры шли в блоке с социал-демократами и народными социалистами [2, 2 июля].

Эсеры Ярославской губернии, помимо борьбы за влияние в земствах, проводили работу по выборам в городские думы. 20 июля в бывшем губернаторском доме, где на одном из этажей располагался их губком, прошла городская конференция: были намечены лица для участия в качестве представителей своей партии около избирательных урн в день выборов в городскую думу 30 июля. На каждый участок было определено по 4 человека [3, 29 июля]. 28 июля эсеры обнародовали свой список кандидатов в гласные городской думы, насчитывавший 103 фамилии. В него были включены все наиболее известные в губернии члены ПСР, активно заявлявшие о себе

в политической и общественной жизни. Интересны служебные данные внесенных в список. Так, например, Я. Т. Богачев, помимо того что являлся членом губкома ПСР, значился в списке как преподаватель средних учебных заведений. Начальник ярославской милиции И. Д. Блохинцев был подпоручиком, кооператором и председателем «Демократического союза квартиранимателей». Секретарь губернского комитета общественной безопасности И. П. Розов являлся помощником старшего нотариуса и председателем «Союза чиновников» [8, 28 июля].

Предвыборной тактикой эсеров вновь являлась критика кадетов, а последние, в свою очередь, отвечали тем же. Так, 22 июля на общем предвыборном собрании в думу, кадеты критиковали Я. Т. Богачева, что тот «вместо обсуждения задач городского хозяйства, счел возможным в полуторачасовой речи, склоняя на все лады два слова «революционная демократия», ограничиться повторением общих мест о войне, которую должна закончить демократия всех стран, причем причиной задержки окончания являются, с одной стороны, козни кадетов, а с другой, то <...> что товарищ Либкнехт еще не достаточно усвоил идеи русской демократии <...>» [3, 23 июля]. 28 июля на солдатском митинге кадеты критиковали эсера И. Н. Жирковича, который «доказывал, что по программе партии эсеров за землю не нужно будет платить тем, у кого она будет отбираться и что неправда, что ее может не хватить» [3, 29 июля].

В ходе предвыборной кампании в местные муниципалитеты эсеры стремились проводить активную агитационно-пропагандистскую деятельность. Ими устраивались митинги и лекции, на которых поднимались самые насущные проблемы того времени. Особую актуальность для эсеров имел земельный вопрос. В дискуссиях вокруг него главными оппонентами эсеров выступали, как правило, большевики. 10 июля в Костроме эсер и будущий известный экономист Н. Д. Кондратьев в городском театре сделал доклад по данной теме, а также выразил свое неприятие большевикам по их позиции необходимости захвата земель крестьянами [10, оп. 2, д. 32, л. 44].

Тверские эсеры называли большевиков «пустыми болтунами», выступавшими за захваты земель, стремившимися «разбудить самые низкие

инстинкты жадности» и «разбить крестьянское движение, поднять одних крестьян против других». Эсеры Твери подчеркивали, что «деятельность большевиков все время шла во вред народу и облегчала Германии ее задачи: подчинение России или заключение сепаратного мира» [2, 21 мая, 6 августа].

В течение июля–августа эсерами Иваново-Вознесенска и Владимира И. А. Саловым, И. Майоровым, Я. Лифшицем, Н. Мокеевым и другими проводились лекции на темы «Аграрный вопрос», «Текущий момент», «Городское хозяйство и демократия» [11].

В предвыборной работе эсеров имели место и курьезные случаи. Так, митинг эсеров Иваново-Вознесенска, который они были намерены провести 25 августа, был сорван большевиками. Эсеры в связи с этим отмечали, что «удалось сорвать митинг <...> не силами превосходства, а скорее тем расчетом, что социалисты-революционеры – народ более вдумчивый и осторожный. Не захотят в потемках цирка, переполненного народом, обострять страсти <...>». Эсеры из цирка, где планировалось провести митинг, ушли, «но не побежденные, а только умудренные своим славным прошлым» [11, 27 августа]. Был и другой случай, когда местный комитет ПСР в течение нескольких дней не получал газету «Земля и воля». Выяснилось, что «какой-то свой землячок <...> сфабриковал телеграмму и послал ее в редакцию газеты, прося <...> больше не посылать газеты, и подписал эту телеграмму каким-то «механическим заводом»» [11, 27 августа].

Итоги выборов в органы местного самоуправления в Верхнем Поволжье в целом свидетельствовали об успехе эсеров. На выборах в Ярославскую городскую думу эсеры получили 35 мест, но ненамного отставали меньшевики – 34 места. Большевики смогли занять здесь 12, а кадеты лишь 11 мест [3, 1 августа]. Эсеры вместе с меньшевиками вытеснили кадетов со всех руководящих постов в думе. Ее председателем стал Я. Т. Богачев. Одним из заместителей городского головы стал эсер А. Ф. Попов, в члены городской управы от эсеров были избраны И. П. Розов и А. Н. Колотухин [3, 19 августа].

Эсеры добились успеха на выборах в Ростове, Романово-Борисоглебске и Рыбинске. В Ростовской городской думе они получили 20 мест, а меньшевики и большевики, вместе взятые,

смогли добиться лишь 10 мест. Городским головой в Ростове был избран эсер Ф. О. Жаров [12]. В Рыбинске в июле в городскую думу было избрано 44 эсера и меньшевика, а большевиков – только 6 [13, с. 156].

Эсеры с меньшевиками в результате выборов имели большинство в городских думах в Кимрах Тверской губернии и Муроме Владимирской губернии [12, д. 46, л. 23, 59; д. 68, л. 33]. Эсеры также одержали победу на выборах во Владимире. В местной городской думе они получили 22 места, меньшевики – 10, кадеты – 15, большевики – 6, народные социалисты – 4 [14]. В Вязниках председателем думы стал эсер И. С. Волков, а городским головой – эсер В. И. Глотов [14]. В Иваново-Вознесенске в начале сентября городским головой был избран эсер С. А. Софронов [11, 3 сентября].

25 августа были обнародованы итоги выборов в Тверскую городскую думу. Тверь характеризовалась наличием различных районных организаций ПСР, которые выдвигали списки своих кандидатов в гласные, а уже затем был составлен общий эсеровский список, насчитывавший 75 человек [2, 2, 10 июля]. Но победа досталась большевикам, получившим 22 места в думе. Этот успех был относителен, так как эсеры отставали ненамного – 21 место, меньшевики смогли занять 15, кадеты – 12 мест [2, 25 августа].

Несмотря на то что большевики являлись одними из главных политических конкурентов эсеров, отношение последних к ним не было постоянно однозначно негативным. В большевиках видели не только врагов и германских шпионов, но и союзников по социалистическому лагерю. Эсеры были склонны к компромиссам с большевиками. Один из виднейших костромских эсеров С. М. Лотошников отмечал: «Мы готовы были прекратить споры с большевиками и говорили им, что для этого они должны сменить свою крайнюю тактику, они же этого не сделали<...> Если в земельном вопросе большевики не откажутся от своей тактики, то с ними не может быть единения и мы им скажем: «От деревни руки прочь» [10, л. 456].

Противоречивость позиций эсеров по отношению к большевикам была характерна и в последующее время.

Фактически постоянное межпартийное противостояние за влияние в местных муниципа-

литетах, а также в Советах, к сожалению, практически не позволяет судить о сколько-нибудь серьезной конструктивной деятельности эсеров в данных органах. Сами эсеры стремились, прежде всего, закрепиться в них, мирным демократическим путем получить в них большинство. Отдельные предложения, которые эсеры вносили на заседаниях в думах и управах, либо не имели принципиально важного значения, либо принимались с большим опозданием. Так, для обеспечения населения продовольствием и охраны порядка, в Ярославской городской думе 24 августа эсеры предложили решать данные проблемы по примеру Иваново-Вознесенска, где были организованы так называемые уличные комитеты. Их деятельность сводилась к тому, что «каждой улицей заведуют выбранные люди» и «ни один лавочник, ни один обыватель не продаст и не купит без ведома этого комитета» [15]. Еще 18 августа думская фракция эсеров обратилась в Иваново-Вознесенский горком ПСР с просьбой прислать проект учреждения и функций этих уличных комитетов [3, 19 августа].

Только лишь 14 сентября поступило предложение по поводу решения продовольственной проблемы от ростовского городского головы эсера Ф. О. Жарова. Он сообщил, что Ярославская губерния может получить лишь половину нужного ей хлеба, поэтому население должно было заранее запастись картофелем и овощами «ввиду чрезвычайного повышения цен на рынке понаехавшими спекулянтами-скупщиками». Предлагалось ограничить вывоз картофеля из Ростовского уезда, а вскоре он и вовсе был запрещен [6, л. 170–170 об, 171].

Однако часть эсеров, работавших в думах, понимала, что остановить разрастающийся кризис уже не представлялось возможным. Кроме того, они были крайне не удовлетворены деятельностью данных органов и стали складывать с себя полномочия гласных. Так, в Ярославской городской думе эсер В. Г. Головнин, складывая с себя полномочия гласного, мотивировал это тем, что «в думе происходят напрасные прения по вопросам очевидным и ясным» [3, 10 сентября, 2 ноября].

То, что эсеры наряду с меньшевиками во многих местностях контролировали власть, имело для них негативные последствия. Население связывало с ними надежды на скорейшее решение

самых насущных задач: завершение войны, преодоление продовольственной проблемы, решение земельного вопроса, выход из топливного и сырьевого кризиса. Однако надежды не оправдались. Указанные проблемы находились в конечном итоге в компетенции Временного правительства, где большую роль играли представители буржуазии, которые вовсе не стремились их решать.

Ссылки

1. Воля народа. Кострома. 1917. 26 апр.
2. Тверской листок. Тверь. 1917. 14 апр.
3. Голос. Ярославль. 1917. 27 мая
4. Спириин Л. М. Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. 334 с.
5. Голос народа. Владимир. 1917. 10, 14 июня
6. ГАЯО. Ф. 1527. Оп. 1. Д. 19. Л. 8 об.
7. Тихомиров Н. В. Партия социалистов-революционеров в 1917–1918 гг. (на материалах губерний Верхней Волги): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 231 с.
8. Крестьянское дело. Ярославль. 1917. 13 июня
9. Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М.: Наука, 1990. 262 с.
10. ЦДНИ КО. Ф.383. Оп.1. Д. 26 а. Л. 328.
11. Иваново-Вознесенск. 1917. 5, 12 июля, 22 авг.
12. РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 46. Л. 23, 59.
13. Очерки истории Ярославской организации КПСС, 1883–1937. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1985. 320 с.
14. Владимирские губернские ведомости. 1917. 20 окт. Ч. офиц.
15. Народное дело. Ярославль. 1917. 24 авг.
16. Кобзева Т. А. Местное самоуправление в Среднем Поволжье после Февральской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 55–69.

В статье анализируется ситуация, сложившаяся в Советской России в системе обеспечения детей в начале 1920-х гг. Рассматриваются причины, заставившие правительство обратиться за помощью к другим странам, виды и масштабы зарубежной помощи. Приведенный материал базируется преимущественно на архивных данных, прежде всего фондах ГАРФ. Наиболее ценной является информация, взятая из фонда Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК (Деткомиссии при ВЦИК). Этот межведомственный орган в своих отчетах давал достаточно объективные сведения в указанной области, имевшие подтверждения на местном уровне.

Ключевые слова: Советская Россия; социальная политика; охрана детства; зарубежная помощь; голод 1921–1922 гг.; период новой экономической политики.

The article analyzes the situation in the Soviet Russia in the system of social welfare for children in early 1920s. The reasons that forced the government to seek assistance from other countries, the types and extent of foreign aid are considered. The below material is based primarily on archival data, first of all, on the SARF collections. The most valuable are the data received from the archives of the special Commission established by the Central Executive Committee to improve living conditions of children (Detkomissiya of the Central Executive Committee). This interdepartmental body in its reports gave quite objective data regarding the topic above, which were acknowledged at the local level.

Keywords: Soviet Russia; social politics; child care; foreign aid; 1921–1922 famine; New Economic Policy period.

Н. В. Рябинина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: yarnatal2010@yandex.ru

Зарубежная помощь детям Советской России в начале 1920-х годов

Научная статья

N. V. Ryabinina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Foreign Aid to Children of the Soviet Russia in Early 1920s

Scientific article

В жизни каждого государства бывают периоды, когда ситуация в политической, экономической или социальной области настолько тяжела, что внутренние возможности не позволяют выйти из кризиса без серьезных потерь. В такое время страны нередко обращаются за помощью друг к другу. И чем дальше идет развитие мировой цивилизации, тем активнее становится взаимодействие стран, тем больше мы видим подобных примеров. Безусловно, не всегда оказываемая помощь бывает бескорыстной. Государства таким образом могут решать какие-либо свои проблемы, иметь экономические или политические выгоды в дальнейшем, в частности усиливать влияние в той стране, которую в данный момент поддерживают. Неслучайно многие политики считают, что обращение к зарубежным странам за помощью может являться лишь крайней мерой и ее следует использовать в наиболее сложных ситуациях, когда другие варианты исчерпаны.

В начале 1920-х гг. Советская Россия пережила тяжелейший этап в своем развитии. Закончилась Гражданская война. Для восстановления разрушенной экономики требовались средства, казна была пуста. Введение режима жесткой экономии сопровождалось сокращением расходов на социальные нужды. Наиболее уязвимыми в этой ситуации оказались люди, зависящие от материальной поддержки государства, в частности дети.

За первые годы Советской власти для детей была создана достаточно широкая (по сравнению с дореволюционным периодом) сеть учреждений разных типов – яслей, детских садов, очагов, детдомов, но теперь остро стоял вопрос относительно их содержания. В 1921 г. решено было перевести основные расходы по финансированию детских учреждений с центрального бюджета на местный. Утверждался принцип покрытия местных расходов местными же средствами [1–3]. Но в отдельных

губерниях также не было средств на указанные нужды. Закономерным следствием подобных решений стало резкое сокращение числа детских учреждений. В целом по РСФСР сеть дошкольных учреждений за 5-летие (с 1921 по 1925 г.) сократилась в 5 раз (до 19,7 % по отношению к 1921 г.), причем наиболее разрушительным был 1922/1923 г., когда было свернуто 3/4 всей сети. Так, в 1921 г. по РСФСР насчитывалось 4 254 дошкольных учреждения, в 1923 г. их осталось 1 197, а в 1925 г. 834 [4, с. 4, 39].

Резко сократилась и сеть учреждений по охране материнства и младенчества. Уже к концу 1922 г. по РСФСР число яслей уменьшилось на 37 %, домов матери и ребенка – на 36 %, консультаций для грудных детей – на 29 %. Характерно, что в то же время число домов ребенка возросло на 34 % [5, л. 15]. Данный факт указывает на то, что часть матерей, лишенных помощи в учреждениях открытого типа, была вынуждена подбрасывать своих детей, чтобы они попали в дома ребенка.

Сложившаяся ситуация усугублялась еще одной серьезной проблемой. Огромным бедствием для страны явилась небывалая засуха 1921 г. в ряде губерний Поволжья, Дона, Урала, Сибири, Северного Кавказа, Крыма, Украины, уничтожившая всходы озимых и яровых хлебов и оставившая местное население не только без хлеба, но и без семян для очередной посевной кампании. Положение в областях, охваченных голодом, было действительно угрожающим. Например, смертность среди детей грудного возраста доходила до 95 % [5, л. 16] да и более взрослое население находилось на грани вымирания и нуждалось в неотложной помощи. В источниках и исследовательской литературе приводятся разные данные о количестве голодающих. Первые статистические сведения публикуются уже в 1922 г. по итогам деятельности центральной и местных Комиссий помощи голодающим [6]. В сводных таблицах указаны сведения по 18 губерниям РСФСР и 5 губерниям Украины, наиболее пострадавшим от голода. Максимальное число голодающих, исходя из данного источника, приходилось на июль 1922 г. – 22 млн 559 тыс. человек, или 70,7 % от проживавшего там населения. Из них – 9 млн 894 тыс. детей и 12 млн 665 тыс. взрослых [6, с. 460]. Кроме этого, говорилось о губерниях частично пострадавших от голода.

В первом издании «Большой Советской Энциклопедии» (БСЭ), вышедшем с 1926 г., в статье С. Мстиславского приводится общее число пострадавших от голода людей – не менее 40 млн человек.

Указывается, что голод охватил 35 губерний с населением 90 млн человек [7, с. 463].

Государство имело весьма скудные возможности для оказания помощи. Основными ее видами стали отправка на места врачебно-питательных поездов, пропускная способность которых доходила до 6 000 человек в день, а также эвакуация детей в более благополучные в плане питания регионы [8, л. 88].

В 1921 г. в центре и на местах стали создаваться специальные Комиссии помощи голодающим. Кроме них, в губерниях действовали Эвакуационные комиссии, Детпродкомиссии. Силами этих органов на местах необходимо было создать целую сеть учреждений, приспособленных для оказания разного рода помощи детям Поволжья. Их сначала направляли в оборудованные врачебно-питательные пункты, детприемники, а затем – в специализированные или общие детские дома, дома ребенка, больницы. К апрелю 1923 г. в детских учреждениях, находившихся в ведении Наркомпроса, насчитывалось 293 655 детей из голодающих губерний, в учреждениях Наркомздрава (в том числе домах ребенка) – 23 231 ребенок [5, л. 60]. Однако возможности оказывающих помощь губерний были не безграничны. Нередкими были ситуации, когда эвакуированным детям отказывали в приеме или когда они попадали в условия, не лучше тех, из которых были взяты.

Кроме организованного вывоза, население двигалось в предполагаемые урожайные районы самотеком, и эта стихийная волна была гораздо значительнее и являлась новым источником беспризорности и преступности. Уровень детской беспризорности в 1921–1922 гг., по приблизительным подсчетам Деткомиссии при ВЦИК, составил 7 млн человек [9, л. 16]. «Улица полна беспризорными детьми, – говорилось в отчете Деткомиссии. – Здесь имеют место детское нищенство, детская торговля, преступность и проституция, доходящие до самых кошмарных форм и размеров. Поток беспризорных детей в поисках хлеба и крова перекатывается с одного пункта Республики в другой, проникая в самые отдаленные из них, как Туркестан и Сибирь» [5, л. 17].

Положение было критическим, и, несмотря на внешнеполитическую изоляцию, правительство вынуждено обратилось за помощью к другим государствам. Уже с лета 1921 г. стали поступать предложения от ряда стран о продуктовой помощи.

Но, как и по вопросу о масштабах бедствия, так и в данном случае существуют серьезные разночтения о размерах зарубежной помощи и ее значимости для нашей страны.

По данным центральной Комиссии помощи голодающим на 1 августа 1922 г. зарубежные организации предоставляли следующее количество продовольственных пайков: Организация общеевропейской помощи голодающим России, возглавляемая Ф. Нансеном, – 489 тыс., Международный союз помощи детям – 300 тыс., Американское общество квакеров – 278 794, Шведское общество Красного Креста – 119 тыс., Международный комитет рабочей помощи – 82 646, Итальянское общество Красного Креста – 67 792, Международная федерация профсоюзов – 45 094 [6, с. 336–337].

Наиболее значительную роль в этом процессе сыграла Американская администрация помощи (АРА) во главе с министром торговли США, будущим президентом страны (в 1929–1933 гг.) Гербертом Гувером. Данная организация была создана в 1919 г. для оказания помощи европейским странам, пострадавшим во время Первой мировой войны. Деятельность АРА в РСФСР продолжалась с 1 октября 1921 г. по 1 июня 1923 г. и определялась договором, подписанным в Риге 20 августа 1921 г. между Гувером (представителем США) и Советским правительством.

Первоначально АРА оказывала помощь только голодающим детям – открывала столовые, питательные пункты. С 1922 г. ее деятельность стала распространяться и на взрослых. В статье К. И. Ландера (уполномоченного Советского правительства при иностранных миссиях помощи голодающим в России), размещенной в первом издании БСЭ, приводятся следующие данные о размерах продуктовой помощи АРА: к концу 1921 г. она предоставляла 58 тыс. пайков для детей, в 1922 г. число детских пайков было увеличено до 5 млн, в июле–сентябре 1922 г. число пайков для взрослых также составляло примерно 5 млн. За время деятельности АРА в России ею было выдано 1 019 169 839 детских порционных и 795 765 480 взрослых, в общей сложности – 1 814 935 319 порционных [10, с. 190–192].

Указанные сведения подтверждаются центральной Комиссией помощи голодающим. В ее отчете говорится, что на 1 августа 1922 г. АРА поставляла пайки для 9 554 575 человек (для детей и взрослых в совокупности) [6, с. 336]. Но в документах Деткомиссии при ВЦИК, которую воз-

главлял Ф. Э. Дзержинский, содержатся иные данные. В них указано, что в начале 1922 г. в общей сложности иностранной помощью было охвачено 1 400 000 детей [5, с. 31], а к весне 1923 г. – 2 306 640 детей [5, с. 60]. Сообщается также, что сами пайки были существенно ниже нормы по калорийности, нередко составляя лишь 50 % от нормы. Но так или иначе это была значительная помощь. Внутренние возможности оказались намного скромнее. По установленному в 1921 г. государственному плану питания для детей, находящихся в детских домах Наркомпроса (в том числе для голодающих детей), было предусмотрено лишь 380 тыс. пайков, а реально еще меньше – от 208 110 до 244 220 [8, л. 166]. До весны 1923 г., когда значительно увеличилась помощь других стран, дефицит пайков составлял минимум 400 тыс. [5, л. 31, 60].

Поставки продовольствия являлись основным видом помощи со стороны зарубежных организаций, но не единственным. В Советскую Россию направлялись медикаменты, госпитальные принадлежности, одежда, обувь для детей. Только АРА снабжала до 14 тыс. различных учреждений: госпиталей, амбулаторий, детских домов и т. п. [10, с. 191].

Еще одной формой помощи стала эвакуация детей за границу. Она не была столь масштабной, как вышеуказанные меры, возможно, поэтому не нашла отражения в исследовательской литературе. Материалы об эвакуации содержатся в фонде Деткомиссии при ВЦИК (ГАРФ). В них указывается, что предложения такого рода стали поступать из ряда стран (Чехословакии, ДВР, Германии, Англии) с конца 1921 г. Но к таким предложениям относились весьма настороженно. Ставка делалась на эвакуацию в пределах страны – в более благополучные в плане питания регионы. По эвакуации за границу Деткомиссия приводит довольно скромные цифры – 2 тысячи детей решено было отправить в ДВР, 600 детей – в Чехословакию [8, с. 165]. Возможно, эвакуация велась и в другие страны, что косвенно следует из документов, но это были единичные случаи.

Со сбором нового урожая осенью 1922 г. ситуация в стране несколько улучшилась. Как отмечалось в декрете ВЦИК 7 сентября 1922 г., «острота голода притупилась, отпала та чрезвычайность и экстраординарность мер борьбы», в связи с чем центральную и местные Комиссии помощи голодающим решено было распустить, а вместо них

создать новые Комиссии для ликвидации последствий голода: содействия восстановлению разрушенных хозяйств, помощи беспризорным и др. [11]. Продуктовые поставки других стран стали сокращаться. В отношении эвакуированных детей начал проводиться обратный процесс – возвращение их на родину. Он касался как детей, отправленных в разные регионы страны, так и тех, кто был вывезен за рубеж. Относительно последних вопрос ставился более жестко. В 1922 г. представителями Деткомиссии при ВЦИК было проведено обследование условий жизни переданных на воспитание детей. Все они находились не в детских домах, а в отдельных семьях. Как говорилось в отчете, «условия жизни вполне удовлетворительные, временами прекрасные <...> Между опекунами и детьми установились отношения, не отличающиеся от таковых между родителями и собственными детьми. Все дети обучаются в школах, некоторые помимо школы обучаются ремеслам» [12, л. 57]. В качестве серьезного недостатка отмечались отдельные аспекты воспитания детей, которое они получали «в духе окружающей буржуазной среды». В частности, подчеркивалось, что, хотя преподавание религии в школах русским детям было запрещено циркуляром Наркомпроса, «влияние семьи в смысле привития детям религиозных верований устранить невозможно» [12, л. 58].

4 января 1923 г. состоялось первое заседание, созванное Наркоматом иностранных дел для обсуждения вопроса о реэвакуации русских детей на родину [12, л. 15]. Несмотря на ходатайства представителей стран, где находились дети Поволжья, в частности представителей Чешской Земской Комиссии, об оставлении детей еще на некоторый

срок, было принято решение о немедленном возвращении детей, имеющих родителей на родине и минимальной отсрочке для детей-сирот. Таким образом, первая группа детей прибыла в Россию 20 января 1923 г. [12, л. 15]. Твердость российской стороны, проявленная в данном вопросе, была продиктована, главным образом, идеологическими соображениями, а не реальной возможностью обеспечить этих детей, особенно детей-сирот. Дети были насильно вырваны из хороших условий, отлучены от приемных родителей и помещены в голодные и холодные детские дома. Следует также учесть, что многие из них, вывезенные из страны в дошкольном возрасте, как отмечалось в отчете Деткомиссии при ВЦИК, «сохранили весьма слабые воспоминания о родине, русскую речь совершенно забыли, вжились в семьях» [12, л. 58].

Однако, несмотря на приведенные факты, советское правительство не собиралось полностью отказываться от материальной поддержки со стороны других государств. Напротив, в конце 1923 г. при Президиуме ЦИК СССР был учрежден постоянно действующий орган, координирующий работу в данном направлении, – Комиссия заграничной помощи. Постановление о создании Комиссии было принято Президиумом ЦИК СССР 7 сентября 1923 г., а первое ее заседание состоялось 20 декабря 1923 г. [12, л. 126, 127]. В задачи Комиссии заграничной помощи входила легализация деятельности зарубежных организаций, преследующих соответствующие цели: их регистрацию, определение условий работы в СССР, оказание содействия. При Комиссии было образовано Объединенное информационное бюро для «снабжения заграничной необходимостью информацией» [12, л. 126, 127]. Одним из основных направлений зарубежной помощи стала ликвидация детской беспризорности.

Анализируя значимость и мотивы зарубежной помощи, исследователи приходят к разным выводам. В советский период авторы отталкивались от официально принятой точки зрения, которая менялась в зависимости от идейно-политической ситуации. Определенное недоверие центральная и местная власть испытывала к представителям зарубежных организаций еще в период оказания помощи. Об этом свидетельствуют материалы местных архивов, которые приводятся и в современных работах. Так, в 1921 г. Саратовским губкомом ВКП(б) было разослано циркулярное письмо, в котором констатировался факт намерения сотрудников иностранных организаций посеять смуту

Дети Поволжья в ярославской столовой (Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Фонд фотографий. Н4-00891)

в крестьянских массах и поднять их на открытое восстание против Советской власти. А на 13-й Саратовской губпартконференции, когда речь зашла о работе с заграничными миссиями, указывалось, что «цель <...> этих деятелей, помимо филантропии, дискредитировать Советскую власть в глазах всего населения» [13, с. 297].

Однако в первом издании БСЭ (1926–1947 гг.) в статье К. И. Ландера зарубежная помощь оценивается высоко, а приводимые статистические данные вполне реалистичны и подтверждаются другими источниками [10, с. 190–192], что можно объяснить временем публикации тома, где содержится информация, – 1926 год, когда политическая цензура была еще не так сильна.

Совершенно иная картина наблюдается во втором издании БСЭ (1950–1958 гг.). В частности, о деятельности АРА говорится, что она использовала предоставленные ей возможности «для шпионско-подрывной деятельности и поддержки контрреволюционных элементов <...>», что вызвало «решительный протест широких масс трудящихся Советской России» [14, с. 582]. Видимо, самый мощный протест выражали миллионы людей, спасенных этой организацией от голодной смерти.

В третьем издании БСЭ (1969–1978 гг.) признается, что «поставки продовольствия, медикаментов и других товаров оказали определенную помощь в борьбе с голодом», но далее повторяется мысль о шпионско-подрывной деятельности [15, с. 516].

В трудах современных авторов таких тенденциозных подходов мы уже не встретим. Исследователи подчеркивают значимость зарубежной помощи. В качестве недостатков указываются лишь некоторые формы ее оказания, например излишне строгий порядок работы учреждений АРА, нередко затруднявший реальную помощь детям. Так, в холодное время года большое количество детей не имело возможности посещать пункты питания из-за отсутствия одежды и обуви, а продукты из столовых на дом не выдавались. Зачастую больные дети, стоя в очередях, заражали других, многие получали обморожения. «Дети должны были доставляться родителями в зимние морозные дни за 3–4 версты полураздетые, голодные, боясь потерять паек за неявку» [16].

Наблюдались случаи злоупотреблений сотрудников зарубежных организаций, скупки ценностей, пьянства [13, 16].

Но отдельные негативные факты, с которыми старались бороться не только советские структуры,

но и сами зарубежные организации, не могут изменить отношения к оказанной помощи. Благодаря ей были спасены миллионы жизней. Этот опыт сотрудничества разных стран перед лицом беды, несомненно, является очень ценным. Он требует дальнейшего изучения, упорядочения статистических данных. Главное, чтобы в основе исследований лежало стремление к максимально объективному освещению проблемы, а не идеологические мотивы. Только в таком случае данный опыт будет способствовать дальнейшему плодотворному взаимодействию, а не конфронтации.

Ссылки

1. Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1921. № 62, ст. 446.
2. СУ. 1921. № 69, ст. 550.
3. СУ. 1921. № 80, ст. 691.
4. Народное образование в СССР (по данным текущих обследований) на 1 января 1922, 1923 и 1924 гг.: Краткий свод статистических данных за 5-летие, 1921–1925 гг. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1926. 525 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 168.
6. Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. М.: Издание ЦК Помгол. ВЦИК, 1922. 449 с.
7. Большая Советская Энциклопедия (БСЭ): в 65 т. 1-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1930. Т. 17. 812 с.
8. ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 8.
9. ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 252.
10. БСЭ. Т. 3. 1926. 800 с.
11. СУ. 1922. № 58, ст. 731.
12. ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 185.
13. Кнурова В. А. Деятельность Американской администрации помощи по ликвидации голода 1921–1922 гг. в Нижнем Поволжье // Вестник Архангельского государственного технического университета. 2006. № 6. С. 295–299.
14. БСЭ: в 51 т. 2-е изд. М.: Большая Советская энциклопедия, 1950. Т. 2. 656 с.
15. БСЭ: в 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969. Т. 1. 598 с.
16. Усманов Н. В. Американская помощь голодающим на Южном Урале в 1921–1923 гг. // Отечественные архивы. 2009. № 1. URL:<http://polit.ru/article/2009/02/19/ara/> (дата обращения: 20.01.2017).

УДК 94(47).081

В статье рассматривается история и становление архитектурного облика древнего Николо-Улейминского монастыря Ярославской губернии. Автор раскрывает историю основания обители, рассказывает о личности основателя монастыря и развитии архитектурного ансамбля. Помимо этого, в статье даётся попытка определить примерное время смерти преподобного Варлаама Улейминского. Автор рассматривает вопросы современного состояния монастырского ансамбля, реставрационных работ на его территории и возрождения обители как монастыря Русской Православной Старообрядческой Церкви. В статье ставится важная проблема современного развития обители как возможного центра древлеправославной культурной и духовной традиции.

Ключевые слова: Преподобный Варлаам Улейминский; Николо-Улейминский монастырь; г. Бари; г. Углич; князь Андрей Васильевич Углический; Русская Православная Церковь; Русская Православная Старообрядческая Церковь; Русская Древлеправославная Церковь; игуменья Варсонофия.

The article describes the history and architectural monuments of the ancient Nikolo-Uleyminskoy monastery in the Yaroslavl province. The author reveals the history of the monastery foundation, personality of its founder and the development of the architectural ensemble. In addition, the author attempts to estimate an approximate time of death of the monk Varlaam Uleyminskoy. The article considers the current state of the monastic ensemble, restoration works on site and the revival of the monastery as the monastery of the Russian Orthodox Old Believers' Church. Important problems of a modern development of the monastery as a possible center of the ancient Orthodox culture and spiritual tradition are raised.

Keywords: Monk Varlaam Uleyminskoy; Nicholas Uleyminskoy monastery; Bari; Uglich; Prince Andrey V. Uglichesky; Russian Orthodox Church; Russian Orthodox Old-Rite Church; Russian Old Orthodox Church; abbess of Barsanuphius.

К. А. Соловьев

*Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: solovyev.cyrill@yandex.ru*

**Обитель Святителя Николы, что на Улейме,
древний монастырь Ярославской земли
– история, архитектура, современность, будущее**

Научная статья

К. А. Solovyov

National research Moscow State construction University

**The Monastery of Saint Nikola at Ulama,
the Ancient Monastery of the Yaroslavl Region
– History, Architecture, Present, Future**

Scientific article

В Ярославской области сохранилось немало памятников древнерусской архитектуры и монастырских ансамблей, но в пределах Угличского края существует единственный полностью хорошо сохранившийся архитектурный монастырский ансамбль – это знаменитый Николо-Улейминский монастырь, история которого начинается в XV столетии.

Основание обители связывается с именем Пр. Варлаама Улейминского, память о котором празднуется дважды – 19 ноября и 11 мая в Соборе Ростово-Ярославских святых (рис. 1).

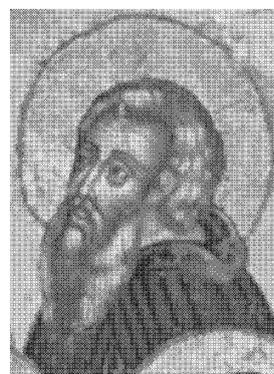

Рис. 1. Св. Пр. Варлаам Улейминский

© Соловьев К. А., 2017

Основным источником сведений о Варлааме Улейминском является «Угличский летописец» (2-я пол. XVIII в.), сохранивший фрагменты сказания о преподобном [1, с. 89–135]. Вероятно, его родным городом был Ростов Великий. В 1457 г. Варлаам отправился в паломничество ради поклонения мощам свт. Николая Чудотворца и во время своего паломничества посетил город Бари на юге Италии. «Здесь в городе ему является Святитель Николай и повелевает купить на рынке свой образ, вернуться с иконой на Русь и поселиться там, где будет указано. Варлаам исполняет повеление Святителя, приобретает образ за 3 серебряных монеты и отправляется в обратную дорогу. 9 мая 1460 г., в праздник перенесения мощей свт. Николая Чудотворца, Варлаам добирается до Углича и через несколько дней решает отправиться на свою родину в г. Ростов» [2, с. 112].

Примерно в 12 верстах от Углича Варлаам оказался в лесу вблизи слияния рек Улейма и Воржехоть. Почувствовав усталость, он сделал остановку. Поставив икону между ветвей одной из сосен, преподобный уснул. Проснувшись, Варлаам решил продолжить свой путь, но не смог взять образ Свт. Николая с дерева. Несколько раз он безуспешно пытался это сделать, но ничего не получалось. Смущенный Варлаам скоро снова уснул. Во сне ему явился свт. Николай и повелел поселиться на этом месте. Варлаам исполнил волю святителя. Так был основан монастырь Святителя Николая, что на реке Улейме.

Вскоре от образа начались исцеления и крестьяне соседнего села Дубровского и окрестных деревень стали приводить и привозить к чудотворному образу больных и увечных. Одновременно слава о Варлааме как о подвижнике благочестия стала распространяться по округе. Местные жители поставили Преподобному Варлааму келью, а для Чудотворного образа возвели деревянную часовню у ростовской дороги.

Четвёртый сын Великого Князя Московского и Всея Руси Василия II Васильевича удельный угличский князь Андрей Васильевич Большой, по прозвищу Горяй (13.08.1446–7.11.1493 гг.), чьё княжение в Угличе относится к 1462–1492 гг. прибыл на поклонение чудотворному образу Свт. Николая. По словам Угличского краеведа XIX столетия И. П. Серебренникова, «время его княжения, продолжавшееся около тридцати лет, составляет самый блестящий период в местной истории. Он построил в Угличе первые каменные сооружения — кирпич-

ный дворец (от которого уцелела одна престольная палата. – К. С.), кремлёвский собор Спаса-Преображения (разобран при Петре I. – К. С.) и Покровский монастырь (затоплен в советское время. – К. С.)» [3].

По приказу князя и с благословения святителя Трифона, архиепископа Ростовского, место, где находилась икона, было расчищено и в 1464 г. было начато строительство деревянного Никольского храма. Вскоре вокруг храма возник монастырь. Правивший Ростовской кафедрой в 1481–1488 гг. архиепископ Иоасаф¹ (Оболенский) назначил Варлаама строителем Никольского монастыря.

Грамота князя Андрея Большого Угличскому Богоявленскому (позднее Покровскому) монастырю, которая была выдана в середине 1470-х гг. XV в., и грамота от 18 сентября 1491 г., могут помочь в определении времени кончины Преподобного. Князь Андрей пожаловал Богоявленскому монастырю «свои земли, купленные в Городецком стану». «Так как князь дал вклад в Богоявленский, а не в Николо-Улейминский монастырь, которому он покровительствовал при жизни его основателя, можно предположить, что к этому времени преподобного Варлаама уже не было в живых. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что ни в одной из княжеских жалованных, данных и разъезжих грамот последней четверти XV–начала XVI вв. преподобный не упоминается» [4, с. 110–115]. «Есть мнение, что при погребении Св. Пр. Паисия Угличского (+ 6 июня 1504 г.) присутствовал игумен Варлаам. На этом основании ряд исследователей считают, что игумен Варлаам и есть Пр. Варлаам Угличский» [5, с. 14–16]. Однако представляется маловероятным отождествление преподобного Варлаама Угличского с игуменом Варлаамом, который участвовал в погребении Пр. Паисия Угличского. Известно, что в период паломничества в Бари в 1457 г. Пр. Варлаам Угличский был старцем и вряд ли мог дожить до начала XVI в.

Преподобный Варлаам Улейминский был погребен под спудом в соборном храме Николо-Улейминского монастыря, и его мощи до сих пор пребывают под спудом. В угличской иконографии «Избранные святые» преподобный изображается

¹ Архиепископ Иоасаф (в миру князь Иван Никитич Оболенский, или Савва-Исаак Михайлович Оболенский, — епископ Русской церкви, архиепископ Ростовский и Ярославский. Осенью 1488 года оставил кафедру и отошёл на покой в Ферапонтову пустынь (Прим. автора).

с XVII в., что говорит нам о его местном почитании после Смутного времени. Общецерковная канонизация Пр. Варлаама Улейминского подтверждена внесением его имени в Собор Ростово-Ярославских святых, празднование которому было установлено по благословию Патриарха Алексия I и решением Священного Синода от 10 марта 1964 г.

В 1563 г. при князе Юрии Васильевиче Угличском на месте деревянного Введенского храма была выстроена теплая каменная трапезная церковь во имя Введения Пресвятой Богородицы, а в 1589 г. при правлении в Угличе благоверного царевича Дмитрия Иоанновича – соборная во имя Святителя Христова Николая, высокая, каменная, со сводами, погребями, великолепно украшенная, куда был перенесен чудотворный образ. Обитель была окружена деревянной стеной. По грамотам государей Василия Иоанновича и Иоанна Васильевича она владела несколькими селами и деревнями. К началу XVII в. Николо-Улейминский монастырь находился в таком цветущем состоянии, что летописец называет его «дивным и прекрасным» [6, с. 318].

Вместе со всей Русской землей Николо-Улейминский монастырь пострадал в Смутное время. В 1612 г. монастырь был осаждён поляками, от которых в его стенах оборонялись две тысячи крестьян и монахов. Согласно летописи, когда, разграбив Углич, вражеские полки подошли к монастырю, монахи и жители села Улейма и других окрестных сел во главе с игуменом Варсонофием закрыли ворота и некоторое время выдерживали осаду. «Наконец ворота были пробиты. Братия и другие защитники монастыря закрылись в храме Введения, служили там литургию и причащались Святых тайн. Тем временем поляки обложили церковь дровами и угрожали сжечь ее со всеми находившимися там. Игумен Варсонофий, желая спасти мирных жителей, нашедших убежище в храме, вышел вместе с 27 иноками к врагам. Они были в парадном облачении, несли иконы и хоругви и шли с пением, желая усюветить поляков, чтобы они пощадили обитель и людей. Однако им не удалось образумить интервентов. Игумен Варсонофий и все монахи были зверски замучены врагами. Поляки сожгли храм вместе со всеми укрывшимися там людьми. Монастырь был разрушен и разграблен» [7, с. 60]. Последние защитники укрылись от врагов в стенах Никольского собора. В результате подкопа собор рухнул и похоронил под сводами сотни людей.

Ныне недалеко от западной стены трапезной церкви Введения находится братская могила жертв польско-литовской интервенции с памятником. «Интересно, что, когда шла реставрация Трапезной Введенской церкви, были обнаружены два зольника (слоя золы поверх глиняного замка фундамента храма). Считается, что тот слой, который шире, – это зола от сожженного храма. В этом слое земли находится прах жертв польских захватчиков. Таким образом, современный нам Введенский храм стоит, в прямом смысле слова, «на крови» мучеников Смутного времени» [8]. Восстановленный после этого разорения монастырь вместе с городом Угличем был вновь разрушен и разорён поляками из отряда пана Микульского. Игумен Иона и братия были убиты. Случилось это в 1619 г. во время царствования Государя Михаила Фёдоровича. Только после заключения в 1620 г. окончательного мира с Польшей монастырь смог начать восстанавливаться.

Строительство нового Никольского собора на подклете прежнего началось в 1620 г. Строительство затянулось, и он был освящён 9 мая 1677 г. Ростовским митрополитом Ионой Сысоевичем. По своей архитектуре Никольский собор близок по композиции и конструктивно к храмам Ярославля, в частности к Фёдоровскому кафедральному собору. Собор приземист и грузен. Этот пятиглавый храм имеет кубический объём с двумя приделами. В конце XIX в. к нему были пристроены паперть и колокольня (рис. 2).

Рис. 2. Никольский собор
Николо-Улейминского м-ря. 1620 г. Совр. вид

В XVII в. в обители прошли большие строительные работы. В 1678–1695 гг. была перестроена в камне Введенская церковь. Она включила в себя фрагменты построек XVI в. – трапезную палату

1563 г., покои настоятеля и келарскую, а также кухню, квасной и хлебный склады в подклете. Верх и низ церкви был соединён внутрискладным ходом, а для входа в жилые помещения используется замечательное по формам крыльцо «на два восхода», подобное крыльцу Благовещенской церкви села Тайнинского под Москвой и крыльцу Никольского собора Николо-Вяжицкого монастыря Новгорода (рис. 3, 4).

Рис. 3. Благовещенская церковь села Тайнинское. г. Мытищи. 1675-1677 гг.

Рис. 4. Никольский собор Николо-Вяжицкого монастыря г. Новгород Великий. 1681-1685 гг.
Фото К. А. Соловьева

Введенская церковь сохранилась до наших дней. В её декоративном убранстве можно видеть редкие «звездчатые» сандрики на фасадах и алтарных

апсидах. Они восстановлены в ходе современных реставрационных работ (рис. 5).

Рис. 5. Введенская трапезная Церковь. 1563-1695 гг. Алтарная апсида со звёздчатым сандриком.

В начале XVIII в. в монастыре появляется великая святыня – частица мощей Святителю Николаю. «Боярыня Прасковья Алексеевна Нарышкина – в монастыре Пульхерия (урождённая княжна Лыкова – Оболенская), вдова убитого во время стрелецкого бунта 15 мая 1682 года Ивана Кирилловича Нарышкина, незадолго до своего пострижения в монастырь в 1707 году пожертвовала Николо-Улейминскому монастырю частицу мощей Святителю Николаю, которую Царь Пётр Алексеевич привёз из заграничного путешествия в 1698 году. В 1713–1717 годах богатый купец Федор Верещагин в благодарность за чудесное исцеление на свои средства возвел вокруг монастыря каменные стены с башнями, существующие в настоящее время. Над западными въездными воротами была построена и украшена «со всем благолепием» стараниями того же Верещагина надвратная церковь Пресвятой Троицы» [9, с. 238] (рис. 6). Форма каменной ограды была подражанием крепостным стенам монастырей XVI–XVII вв.

Храмы монастыря неоднократно перестраивались в XVIII–XIX вв. В 1750, 1852, 1887–1888 гг. перестраивался Никольский собор. Так, в 1862 г. собор был расписан. В 1897 г. живопись поновлялась петербургским архитектором Ф. Е. Егоровым.

Рис. 6. Троицкая надвратная церковь 1713-1717 гг. Николо-Улейминский монастырь.

Введенская церковь реконструировалась в 1793 и 1863 гг. В 1870 г. она была расписана на средства крестьян Козловых из Улейминской слободы. В 1838 г. на средства петербургского купца Ф. Я. Ермолаева в церкви пристроена деревянная паперть. Храм был расписан в 1863 г. и реконструирован в 1891 г. Таким образом, к началу XX в. Николо-Улейминский монастырь был в образцовом и цветущем состоянии (рис. 7). Обитель являлась одним из духовных и культурных центров не только Угличского уезда, но и всего Ярославского края. Монастырь пользовался большой любовью угличан и жителей окрестных сёл и деревень и за красоту архитектуры и церковной службы, и за образцовое ведение хозяйства. Славились колоколами и монастырская звонница. Центральный колокол «Полиелей» весил 625 пудов, другой – 300 пудов. Их звон был слышен не только в Угличе, но и в Борисоглебских слободах. Помимо этого, монастырь играл важную роль в деле местного земского народного просвещения. До сих пор сохранилось каменное здание монастырского народного училища.

После 1917 г. монастырь неоднократно пытались закрыть, но, благодаря самоотверженной борьбе местных жителей и угличан, обитель смогла выжить и действовала до 1930 г. Известно, что в 1917 г. в селе Улейме проходили митинги в защиту монастыря. Келарь монастыря архимандрит Амвросий призывал верующих: «В случае закрытия храма буду бить в набат. Приходите отстаивать» [10]. С 1916 по 1930 г. настоятелем обители был архимандрит Павел (Павел Иванович Чистяков 1870– 20.08.1938 гг.). 4 мая 1931 г.

в храме Покрова Пресвятой Богородицы на Красносельской улице в городе Москве он был рукоположен в епископа Новоторжского, викария Тверской епархии. Хиротонию совершили Патриарший местоблюститель митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), архиепископ Хутынский Алексей (Симанский) – будущий Патриарх Московский и всея Руси. С февраля 1936 г. до 7 января 1937 г. епископ Павел управлял Ижевской кафедрой с титулом епископа Ижевского и Удмуртского. 9 октября 1937 г. арестован. 5 ноября приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. 20 августа 1938 г. скончался в лагере под Архангельском. Епископ Павел был реабилитирован 22 июня 1989 г.

Рис. 7. Литография 1840 г. Николо-Улейминский монастырь.

В 1930 г. обитель была закрыта. Благодаря сотрудникам угличского и ярославского музеев часть монастырских святынь и икон была перенесена в музей и сохранилась до нашего времени. Часть древних икон спасти не удалось, их распилили комсомольцы на столешницы для столов. Не удалось создать в Улейме на территории обители музей. Монастырь постепенно стал разрушаться. Под школу стали использовать Троицкий надвратный храм. Позднее в нём оборудовали хранилище для зерна, затем сливной пункт. В 1938 г. храмы обители стали использовать под лагерь заключенных. С 1941 по 1957 г. в обители располагались детский дом и детский психоневрологический дом-интернат. В связи с приближением в 1941 г. линии фронта с башен монастыря сняли кровли, и башни были переоборудованы в наблюдательные пункты. На северо-восточном, северо-западном и юго-восточном направлении

от монастыря копали противотанковые рвы. Все это ускорило разрушение обители. В результате подкопов юго-восточная башня была наполовину разрушена. В 1950 г. во время грозы молния попала в крест на Никольском соборе и он сгорел.

Только в 1960 г. Угличский реставрационный участок приступил к реставрационным работам. Благодаря самоотверженному труду автора проекта реставрации С. Е. Новикова и сотрудников реставрационного участка, архитектурный ансамбль Николо-Улейминского монастыря был спасён. К сожалению, были и утраты. Так, например, осыпалась роспись в Никольском соборе. Накануне начала реставрационных работ исчезло несколько решёток XVII в. из соборных окон. Уже во время реставрации Никольского собора был разобран южный придел, возведённый в 1887–1888 гг., как не соответствующий архитектуре XVII столетия. Однако удалось отреставрировать стены и башни монастыря, были восстановлены крыльцо на два входа у Введенского храма, древние наличники с редким «звездчатым» сандриком; отремонтировано крыльцо Троицкого храма, перекрыты главы Никольского собора и Введенской церкви, восстановлены позолоченные кресты. Реставраторы смогли восстановить крест на колокольне Никольского собора. Всё это было сделано в 1960–1964 гг. Почти тридцать лет архитектурный ансамбль Никольского монастыря находился в «законсервированном» состоянии. В 1992 г. началось его возрождение (рис. 8).

Рис. 8. Николо-Улейминский монастырь.
Совр. вид.

Удивительным образом монастырь был возвращён не Русской Православной Церкви, в которой он пребывал со времени раскола 1666 г., а старообрядцам Австрийского (Белокриницкого) согла-

сия, которые в настоящее время именуется Русской Православной Старообрядческой Церковью. В этом, наверное, есть какая-то историческая справедливость, если вспомнить о том, что в годы Советской власти был нанесён страшный удар по старообрядческому монашеству, от которого староверы до сих пор не оправались. В то же время это событие ставит ряд серьёзных проблем перед РПСЦ в деле сохранения архитектурного ансамбля Улейминского монастыря.

Самым важным в числе данных проблем является то, что в настоящее время старообрядчество поповских толков расколото на две крупные юрисдикции: Русскую Древлеправославную Церковь (бывшее так называемое беглопоповское согласие), Русскую Православную Старообрядческую Церковь (в прошлом Австрийское, белокриницкое согласие) – и в них практически утрачена традиция монашеского делания. Одной из главнейших проблем современных старообрядцев обоих поповских согласий является значительное оскудение монашества и монастырей. В настоящее время в Николо-Улейминском монастыре подвизается около 12 монахинь и послушниц. Значительная их часть люди весьма преклонного возраста. В настоящее время в среде старообрядцев часто можно встретить сетования по поводу «оскудения монашества», но создаётся впечатление, что люди только констатируют сей факт, но никак на него не реагируют, перелagая всю ответственность на плечи митрополии и местных епархий. Это, кстати, свидетельство определённого духовного кризиса современных старообрядцев. И это при том, что в Православной Церкви существует древняя традиция монашеского делания.

Историческая и архитектурная ценность Николо-Улейминского монастыря позволяет предложить несколько путей возрождения данной святой обители. Прежде всего есть замечательный опыт Московского Сретенского монастыря, в котором воспитанники (студенты) первого курса Сретенской духовной семинарии учатся и постоянно живут в Казанском скиту обители в Рязанской области.

Соприкасаясь со строгим монастырским уставом, часть молодых людей задумывается о принятии монашества. Это вполне естественный процесс. Русской Православной Старообрядческой Церкви стоит внимательно изучить этот опыт, благо что рядом с Улейминским монастырём сохранились здания бывшей церковно-приходской

школы и училища. Помимо этого, в Русской Православной Церкви при храме Покрова в Рубцово действует Патриарший центр древнерусской духовной традиции. Думаю, что отцу Иоанну Мироточивому и Митрополиту Корнилию, предстоятелю РПСЦ, стоило бы подумать об образовании рядом с Николо-Улейминской обителью центра древлеправославной культуры и музея современной старообрядческой иконы (как один из возможных примеров), не в ущерб, конечно, духовной и богослужбной жизни обители. Можно было бы превратить Улейминский монастырь в место пребывания Ярославского и Костромского архиепископа, то есть сделать это место как бы загородной резиденцией архиепископа. Что касается Ярославских областных властей, то они могли бы включить архитектурный ансамбль монастыря в определённые туристические схемы, тем более что настоятельница игуменья Варсонофия не против того, чтобы в монастырь приезжало как можно большее количество людей. Николо-Улейминский монастырь может стать важной площадкой для межцерковных контактов между Русской Православной и Русской Православной Старообрядческой Церквами. Это лишь некоторые возможные предложения по сохранению этого святого места. Сама история, архитектура и святость места этой обители может стать тем мостом, который поможет двум частям единой Христовой Церкви найти точки соприкосновения и начать более серьёзный межцерковный диалог.

Ссылки

1. Угличский летописец // Труды ЯГУАК. М., 1890. Вып. 1. С. 89–135.
2. Прп. Варлаам, основатель Угличского Николо-Улейминского мон-ря, и принесенный им из Бара-града образ святителя Николая // АСЭИ. 1964. Т. 3. № 79. С. 110–115.
3. Преподобный Варлаам – основатель Угличского Николо-Улейминского монастыря // ЯЕВ. Ч. неофиц. 1893. № 40–41.
4. Прп. Варлаам, основатель Угличского Николо-Улейминского мон-ря, и принесенный им из Бара-града образ святителя Николая // АРГ, 1505–1526 гг. М., 1975. № 7. С. 14–16.
5. О поставлении Никольской-Улейминской обители, когда и от кого начатся и кем и в какая лета создася // ЯЕВ. Ч. неофиц. 1896. № 9. С. 132–141.
6. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. 479 с.
7. Николо-Улейминский монастырь. Изд. Николо-Улейминского монастыря. Углич, 1995. 160 с.
8. Николо-Улейминский монастырь. URL: <http://vologdaotryad.narod.ru/Issledovaniya/Expeditzii/uleyuma.html> (дата обращения: 08.04.2017 г.).
9. Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786, 1795 гг. М., 2011. 471 с.

Статья посвящена американской версии афроцентризма – теории, основанной на идее центрального положения Африки и африканцев в мировой истории и культуре. В центре внимания автора – культурные коды афроцентризма и прежде всего концепт имени собственного, рассматриваемый как его структурная единица. В основу статьи положен доклад, представленный в рамках IX Лотмановских дней «Символ в системе культуры» (Эстония, Таллинн, 26–28 мая 2017 г.)

К л ю ч е в ы е с л о в а : имя; культурный код; афроцентризм; африкано-американцы.

The article is devoted to the American version of Afrocentrism (Afrocentricity) – a theory, grounded in the idea of the centeredness of Africa and people of African descent in the world history and culture. The author focuses on the Afrocentric cultural codes and the concept of the proper name, considered as its structural unit. The article is based on the report, which had been presented at the 9th Annual Juri Lotman Days “The Symbol in the Cultural System” (Estonia, Tallinn, 26-28 May 2017)

К e y w o r d s : name; cultural code; Afrocentricity; African Americans.

Н. Е. Хохолькова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: khokholkova@gmail.com

Имя как единица культурного кода афроцентризма*

Научная статья

N. E. Khokholkova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Name as the Unit of the Afrocentric Cultural Code

Scientific article

Афроцентризм – глобальная социокультурная парадигма, своего рода контрнарратив и одновременно мировоззрение. В его основе лежит идея о серединном положении Африки и африканцев в мировой истории и культуре. У истоков учения стояли выдающиеся ученые, писатели, общественно-политические деятели. В их числе мыслитель и дипломат афро-карибского происхождения Эдвард Блайден (1832–1912 гг.), американский просветитель Уильям Дюбуа (1868–1963 гг.), сенегальский историк Шейх Анта Диоп (1923–1986 гг.).

Отчетливо обозначившаяся в последней трети XX в. идея явилась резонансом концепции ориентализма, предложенной американским интеллектуалом палестинского происхождения Эдвардом Вади Саидом [1]. Глобальной целью афроцентристов можно считать формирование новой «модели мира», в центре которой находилась бы Африка и африканцы. На протяжении XX столетия теория разрабатывалась и подвергалась критике, развиваясь через периоды подъемов и спадов.

В настоящее время концепцию афроцентризма связывают с именем африкано-американца Молефи Кете Асанте (Артура Ли Смита Младшего), специалиста в области массовых коммуникаций, профессора Темплского университета (Филадельфия, США). В противовес распространенному во внешней среде названию он называет свое учение афроцентричностью: это «трансконтинентальная теория, согласно которой африканцы должны воспринимать себя как субъекты с собственным нарративом, а не как второсортный народ на периферии европейской истории» [2].

Афроцентризм включает в себя три элемента: теорию социально-культурных преобразований, практику и методологию исследований (африкологии). В рамках теории и практики афроцентризма разрабатывался и внедрялся особый культурный код, призванный приобщить африкано-американцев к корням, утраченным на протяжении столетий рабства и дискриминации.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)»

Культурный код афроцентризма – мультикомпонентная семиотическая система. В процессе ее создания использовалось несколько «исходных кодов»: мифологемы, идеологемы, знаки и символы многих африканских традиционных обществ, тщательно отобранные, интерпретированные и преобразованные М. К. Асанте и его коллегами. Афроцентричный код, существующий на двух уровнях, визуальном и вербальном, включил в себя древнеегипетские символы (анкх – символ вечной жизни; уджат – всевидящее око бога Гора), знаки адинкра, набор слов языка суахили (*Maafa* – «великое бедствие»¹, *umoja* – «единство», *ujamaa* – «братство» и т. д.). Самым универсальным, доступным и распространенным – ключевым – знаком афроцентризма стало имя собственное (*nomen proprium*).

Оним (имя собственное) представляет собой уникальный артефакт культуры, отражающий специфику общества и эпохи, внутри которых циркулирует. Имя выполняет не только номинативную и дейктическую функции (обозначает индивидуумов и указывает на них в процессе речевого акта), но и идентифицирующую и дифференцирующую (позволяет отождествлять индивидуума, различать и противопоставлять ту или иную личность другой).

Ключевыми задачами теоретиков афроцентризма стали реабилитация чернокожих американцев, устранение сформировавшегося за годы рабства и расовой дискриминации устойчивого комплекса неполноценности путем приобщения к утраченным африканским ценностям, а также конструирование и распространение нового паттерна идентичности африкано-американцев. В процессе формирования модели идентичности афроцентристы использовали две стратегии: установление тождества африкано-американцев с африканцами, и установление различий между чернокожими американцами и белыми американцами. Отрицание прежнего имени и принятие

нового стало одним из важнейших элементов становления новой идентичности.

Смена имени стала особым этапом имперсонализации – превращения утратившего свои корни, пережившего рабство и дискриминацию африкано-американца в «африканца», восстановившего связь с духовной культурой далеких предков. Философия принятия, практика выбора и использования аутентичных имен стали важными топосами афроцентризма. Замена европейского имени, доставшегося от хозяина-рабовладельца, достойным африканским – трансформация, обязательная для тех, кто разделял афроцентричные ценности, – не только выражала уважение к далеким предкам и готовность к обретению новой идентичности, но и являлась маркером причастности к особой криптоэстетике, принадлежности к сообществу.

Одной из ключевых задач афроцентристов стало формирование сообщества африкано-американцев, обращенных к своим африканским корням, разделяющих ценности и традиции африканских предков. Несмотря на то что данное сообщество, вопреки замыслу М. К. Асанте и его сторонников, оказалось немногочисленным и не имело четких границ, в среде его членов сформировалась особая эстетика, со временем широко распространившаяся за пределами круга приверженцев афроцентризма. Применительно к эстетической составляющей афроцентризма, подробно описанной в сборнике, выпущенном хореографом Кариаму Уэлш² [3], уместно использовать приставку «крипто-», поскольку она насыщена символами и знаками и претендует на сакральность.

Афроцентристы позиционируют себя как «хранители африканских традиций» на американской земле. Наследие предков, воспринимаемое ими скорее эмоционально и интуитивно (посредством «памяти крови» [3, р. XIII]), существует в виде вербальных и визуальных символов, связанных со сферой трансцендентного. Так, термин «Нзури», представляющий на первый взгляд лишь заимствованием из языка суахили³, выступает в качестве сложного элемента культурного кода, целой концепции эстетических ценностей, триединства «духа, ритма и энергии созидания» [3, р. 9]. Сохранять

¹ Термин «Маафа» трактуется афроцентристами как «геноцид черных», или «африканский холокост». Данная категория используется для описания трагических страниц истории африкано-американцев: массовой гибели их предков в ходе трансатлантической работорговли, продолжительной эксплуатации чернокожих людей, их физического и духовного угнетения. В 2009 г. режиссер Марк Кратчер ввел термин «Маафа 21», выпустив одноименный фильм о «геноциде черных в США в XXI в.».

² Кариаму Уэлш (родилась 22 сентября 1949 г.) – хореограф, автор панафриканского танца амфанда-лай, профессор Темплского университета, вторая жена М. К. Асанте.

³ -zuri (суах.) – красивый, прекрасный.

и ретранслировать африканские традиции, по мнению афроцентристов, – значит чтить культурный код: предпочитать узоры кенте, адинкра и адире – шотландской клетке [3, р. 8], а африканское имя – не африканскому.

Теория и практика афроцентризма, постепенное формирование его культурного кода тесно связаны с персональной историей их автора. Появление и развитие концепта изменения имени было обусловлено личным опытом М. К. Асанте. Его первая книга «Риторика Черной революции» [4] была опубликована в 1969 г. под именем, данным автору при рождении, – Артур Ли Смит Младший. После путешествия по Африке (Сенегал, Гана, Нигерия, Танзания, Эфиопия и Кения) в 1972 г. он «понял, насколько нелепо черному человеку носить европейское имя» [5, р. 716], и принял решение изменить собственное. Во время посещения библиотеки университета Аккры (Гана) Смит-Младший поинтересовался, есть ли в библиотечном фонде его книга «Риторика Черной революции». Книгу удалось найти, но библиотекарь считал, что ее автор – англичанин. Оскорбившись, А. Смит, чтобы подчеркнуть свое африканство, взял имя Молефи Кете Асанте, по его убеждению отражающее его происхождение [6]. Позднее он отмечал: «“Молефи” на языке суто⁴ означает «тот, кто соблюдает традиции», «Кете» — «тот, кто любит музыку» кете, Асанте — распространенная фамилия среди народа акан в Гане. Это имя было дано мне королем акан в Гане в 1972 году. Что до моего настоящего имени, Артур Ли Смит Младший — то оно вообще никак не отражает мою культуру, это просто распространенное имя среди африкано-американцев» [2].

В более раннем интервью он упоминал, что король даровал ему только фамилию – Асанте; имя Кете он позаимствовал у друга, который учился в то время в Калтехе (Калифорнийском технологическом институте) и носил титул одного из традиционных королей в Гане, а имя Молефи взял из солидарности с борьбой в Южной Африке [5, р. 717]. В мемуарах Асанте писал, что, еще будучи ребенком, отрицал имя, данное родителями. Он видел диссонанс в том, чтобы «иметь английское имя и не выглядеть как англичанин» [7, р. 3] и, подобно каждому мальчику на его улице, перепробовал множество псевдонимов. Первым стало имя Бадди, производное от имени дяди.

⁴ Суто (сесото) – язык, принадлежащий к языковой группе банту.

В 1973 г. А. Л. Смит официально изменил имя и стал Молефи Кете Асанте. «Я не выглядел как Артур Ли Смит и не вел себя как Артур Ли Смит. Даже несмотря на то, что написал пять книг под этим именем, я изменил его. Я никогда не думал об этом как о серьезной трансформации. Это казалось мне совершенно естественным» [5, р. 717], — говорил он.

Примеру М. К. Асанте последовали многие: учитель и коллега теоретика афроцентризма Рональд Мак-Кинли Эверетт начал именовать себя Моланой Ндабезитхой Каренгой, африкано-американский писатель Эверетт Ле Рой Джонс – Амири Баракой, известная джазовая певица Эбби Линкольн – Аминатой Мосеко. Со временем замена рабского имени на аутентичное (африканское) стала неотъемлемой частью афроцентристских установок. В 1991 г. М. К. Асанте опубликовал составленный им антропонимикон – «Книгу африканских имен» [8], адресованную африкано-американцам, желающим узнать правильный перевод и понять значение и практику использования того или иного африканского имени. Справочник был призван предотвратить ошибки, совершаемые африкано-американцами, ищущими свой путь к Африке. В предисловии автор привел историю одной африкано-американки, которая, желая дать дочери «африканское» имя, посмотрела на карту континента и нарекла девочку Родезией, не подозревая, что это слово – производное от имени Сесилия Родса, одного из «архитекторов апартхеида» [8, р. 8].

Словарь африканских имен М. К. Асанте выглядит предельно упрощенным по сравнению с изданиями, вышедшими в последующие годы. Он состоит из четырех разделов, посвященных северному, южному, западному и восточному регионам, и содержит около 1200 имен. М. К. Асанте акцентировал внимание на том, что использовал имена, распространенные преимущественно в западноафриканском регионе. Структура словаря не отличается сложностью, автор предложил лишь африканское имя и его значение:

«Идову – Рожденный/ая после близнецов» [8, р. 4]

«Мудива – Возлюбленная/ый» [8, р. 9]

«Нгози – Благословенная/ый» [8, р. 39]

В «Книге африканских имен» [8] автор группировал имена в соответствии с регионами их распространения, в отличие от многочисленных последователей, составляющих антропонимиконы

для каждого этноса. Он не писал, что имя «Идову» принадлежит народу йоруба⁵, «Мудива» пришло из языка шона⁶, а «Нгози» связано с традицией игбо⁷. В отсутствии атрибуции имени к конкретной культуре М. К. Асанте видел унификацию африканского опыта – панафриканистский подход. Он всегда мечтал о глобальной единой Африке, ввиду чего не видел противоречий в сочетании одним человеком самых разных африканских имен. Однако был против сочетания африканского имени с фамилией иного происхождения.

М. К. Асанте неоднократно отмечал, что всегда ненавидел фамилии, доставшиеся от рабовладельцев: Вашингтон, Уильямс, Джексон, Смит и т. д. По его мнению, в них нет ничего, кроме угнетения, позора, поражения и депрессии. Будучи специалистом в области массовых коммуникаций, М. К. Асанте придавал большое значение языку, естественному контексту, который он создает, «риторическим условиям и ситуациям» [9, р. 23]. С его точки зрения, посредством языка можно заменить негативный дискурс, навязанный западной цивилизацией, позитивным – африканским.

М. К. Асанте утверждал, что имя оказывает особый психологический эффект как на его носителя, так и на того, кто его произносит. В качестве примера он привел ситуацию собственной семьи: «Когда я обращаюсь к моей жене: “Кариаму, пожалуйста, подойти ко мне”, – я говорю с большим уважением: “Отражение Всемогущего⁸, пожалуйста, подойти ко мне”» [8, р. 10].

Африкано-американцу, приобщившемуся к ценностям африканских предков, следует выбрать новое имя, соответствующее той духовной культуре, к которой он принадлежит (принадлежность устанавливается посредством ДНК теста) или сам себя относит. По мнению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, имя мифологично. В статье «Миф – имя – культура» они указывали на то, что «...система собственных имен образует

не только категориальную сферу естественного языка, но и особый его мифологический слой» [10]. История имени обуславливает его онтологическую сущность. Миф имени, легенда, с ним связанная, воспринятая из конкретной африканской традиции или заново сочиненная, неизменно отражаются на этосе носителя онима.

М. К. Асанте предвосхитил набирающую популярность в среде африкано-американцев и африканских мигрантов тенденцию изобретения собственного имени. Большинство приверженцев афроцентризма изменили свои имена. В последующие годы появилось большое количество ресурсов – специализированные словари [11–13], сайты и блоги. Тенденция изменения (исправления) имени популярна в интеллектуальной среде до сих пор. Писатели африканского происхождения по мере роста их популярности обращаются к практике смены имени на более утонченное и аутентичное. Примером могут служить персональные истории не только Нгуги ВаТхионго, но и Тайе Селаси⁹ и НоВайолет Булавайо¹⁰. Последняя, при рождении получившая имя Элизабет Тшеле, взяла название столицы родной Зимбабве в качестве фамилии и положила идею переименования в основу своего дебютного романа «Нам нужны новые имена» [14].

В отличие от молодых писателей, обосновывающих смену имени контекстуально, как персональный выбор, вызванный определенными обстоятельствами, М. К. Асанте предпринял попытку подвести общее для всех представителей черной расы обоснование идеи изменения имени – «черный человек не может носить «белое» имя». Афроцентричная антропонимика не только стала одним из способов реализации коммуникативной интенции афроцентристов, заключающейся в выражении и подтверждении их связи с Африкой, она также образовала собственное семиотическое поле, вместившее культурно-исторический опыт целого континента.

⁹ Тайе Селаси (родилась 2 сентября 1979 г.) – писатель, фотограф, продюсер ганско-нигерийского происхождения, автор романа «Гана должна идти» (2013 г.), одна из основных идейных вдохновителей концепции афрополитизма.

¹⁰ НоВайолет Булавайо (Элизабет Зандиле Тшеле, родилась 10 декабря 1981 г.) – зимбабвийский писатель, преподаватель Стэнфордского университета. Ее роман «Нам нужны новые имена» был номинирован на Букеровскую премию в 2013 г.

⁵ Йоруба – наименование народа, проживающего в Западной Африке (на территории современных Нигерии, Бенина, Ганы и Того) и его языка.

⁶ Шона – язык группы банту, один из официальных языков Зимбабве.

⁷ Игбо – наименование народа, проживающего в юго-восточной Нигерии и их языка.

⁸ Кариаму – «та, что является отражением Всемогущего» [8, р. 26]

Ссылки

1. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: Русский мир, 2016. 672 с.
2. Африканская диаспора уникальна, потому что это не национальный союз: Интервью с М. К. Асанте // ThePrimeRussiaMagazine. URL: http://primerussia.ru/interview_posts/493 (дата обращения: 06.03.2017).
3. The African Aesthetic: Keeper of the traditions / ed. by K. Welsh-Asante. Westport: Praeger, 1994. 288 p.
4. Asante M. K. Rhetoric of Black Revolution. Boston: Allyn and Bacon, 1969. 189 p.
5. Turner D. An Oral History Interview: Molefi Kete Asante // Journal of Black Studies. 2002. Vol. 32, №. 6. P. 711–734.
6. Interview of Molefi Kete Asante for The History Makers on May 20, 2012. URL: <http://www.thehistorymakers.com/biography/molefi-kete-asante> (дата обращения: 27.03.2017).
7. Asante M. K. As I Run Toward Africa. Boulder: Paradigm Publishers, 2011. 235 p.
8. Asante M. K. The Book of African Names. Trenton: Africa World Press, 1991. 64 p.
9. Asante M. K. The Afrocentric Idea. Philadelphia: Temple University Press. 1987. 217 p.
10. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф—имя—культура. URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/myth-name.htm> (дата обращения: 06.05.2017).
11. Adebayo B. Dictionary of African Names Vol. 1: Meanings, Pronunciations and Origin. Bloomington: Author House, 2005. 120 p.
12. Stewart J. 1001 African Names: First and Last Names from the African Continent. N.J.: Citadel, 2000. 224 p.
13. Hodari A. J. The African Book of Names: 5,000+ Common and Uncommon Names from the African Continent. Florida: HCI, 2009. 343 p.
14. Bulawayo N. We Need New Names. L.: Vintage, 2014. 304 p.

В статье рассматриваются особенности взаимоотношений между крупнейшей по численности населения страной Африканского континента – Нигерией и ее непосредственными соседями – Бенином, Камеруном, Нигером и Чадом. Выявляются факторы, обуславливающие подъемы и спады в развитии взаимовыгодного политического и экономического сотрудничества.

Ключевые слова: Африка; Нигерия; Бенин; Камерун; Нигер; Чад; двусторонние отношения; экономическое сотрудничество; безопасность.

The article discusses particularities of the relations between the largest country of the African continent – Nigeria and its immediate neighbors – Benin, Cameroon, Niger and Chad. An attempt is made to identify factors which contribute to the ups and downs in the development of mutually beneficial political and economic cooperation.

Keywords: Africa; Nigeria; Benin; Cameroon; Niger; Chad; bilateral relations; economic cooperation; security.

Обидозие Афамефуна Эндрю Океке

*Институт Африки РАН
E-mail: locateobi@gmail.com*

**Внешняя политика Нигерии:
отношения с сопредельными государствами (1990–2010-е гг.)**

Научная статья

Obidozie Afamefuna Andrew Okeke

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

The Foreign Relations of Nigeria with Neighboring Countries in 1990s–2010s

Scientific article

С момента обретения независимости крупнейшая по численности жителей (около 190 млн чел.) африканская страна Нигерия заявила о себе как активный субъект мирового сообщества. Ей удалось создать «имидж» государства, мнение и позицию которого на мировой арене невозможно игнорировать. Достаточно высокий авторитет Нигерии в Африке и за ее пределами обусловлен рядом объективных и субъективных факторов. Географическое положение, обширные природные, материальные и людские ресурсы объективно позволяют ей претендовать на роль «ключевой» страны континента. Нигерия создала достаточно компетентный аппарат управления во внешнеполитической сфере и располагает одной из самых квалифицированных дипломатических служб и относительно сильной научно-теоретической базой во внешней политике среди стран Африки. Кроме того, приоритетные направления деятельности Нигерии за рубежом представляют собой систему, состоящую из нескольких уровней (подсистем), которые включают взаимодействующи-

щие друг с другом элементы, и носящую название системы «концентрических окружностей». Первый «внутренний круг» данной системы включает комплекс взаимосвязей Нигерии с государствами Западной Африки, второй – политику страны по отношению к остальной части континента, третий – политические контакты с неафриканскими государствами.

Непосредственными соседями Нигерии являются Бенин, Камерун, Нигер и Чад. Несмотря на то что эти государства населены родственными племенами, имеющими общую культуру и традиции, отношения между ними в годы независимого развития отличались недоверием, нестабильностью и нередко выливались в межгосударственные, пограничные конфликты и территориальные споры, что в первую очередь обусловлено тем, что соседями Нигерии – до 1960 г. британской колонии – являются франкофонные страны, в своей политике и внешнеэкономических связях ориентирующиеся на бывшую метрополию – Францию. Периодически возникают открытые конфронта-

ции между подразделениями силовых структур соседних стран и жителями приграничных районов [1], у которых годами формировался своего рода «осадный менталитет». В свою очередь, это обостряет проблему безопасности во всем западноафриканском регионе. На официальном уровне лидеры сопредельных государств неизменно проявляют «уважение» к своему более развитому во многих аспектах соседу, от которого они к тому же в значительной степени зависят экономически.

Благодаря экономическому потенциалу, огромным запасам углеводородных ресурсов, в которых нуждаются все страны региона, и военно-политической мощи, Нигерия вправе претендовать на статус «центра» координации совместных усилий по достижению западноафриканскими государствами подлинной экономической и политической независимости. Однако одним из препятствий на пути превращения Нигерии в реального «гегемона» в Западной Африке и на континенте остаются не до конца решенные территориальные споры с соседями.

Сложная многоплеменная структура и несоответствие государственных границ, произвольно прочерченных в ходе колониального раздела Африки, с линиями раздела между этническими конгломератами неоднократно становились поводом для возникновения конфликтных ситуаций, вплоть до вооруженных столкновений. Отношения между Нигерией и соседями постоянно также осложнялись территориальными претензиями со стороны последних, хотя характер взаимоотношений имел разный уровень напряженности: если с Бенином и Нигером подобные претензии не выливались в вооруженные столкновения, а конфликт с Чадом в 1983 г. удалось быстро погасить, хотя и не разрешить полностью из-за столкновения интересов сторон по поводу рыболовных и прочих ресурсов оз. Чад, то формально урегулированный в 2000-е гг. территориальный спор между Нигерией и Камеруном имеет более сложную историю.

До середины 1980-х гг. вторжения на территорию Нигерии армейских и полицейских подразделений соседних стран практически постоянно создавали повышенную напряженность на границах. Поэтому в середине десятилетия Нигерия предприняла усилия по урегулированию межгосударственных отношений, по возможности избегая пограничных конфликтов [2, р. 8]. Со всеми соседями, кроме Камеруна, был инициирован процесс

демаркации границ, что позволило разрешить некоторые территориальные «неопределенности».

Угроза национальным интересам и безопасности Нигерии продолжала исходить из спора с Камеруном по поводу принадлежности полуострова Бакасси и отдельных участков длиной (1680 км) и плохо маркированной границы. Ситуация усложнялась тем, что полуостров площадью примерно в 1 тыс. кв. км, расположенный в Гвинейском заливе и изрезанный многочисленными протоками, располагает большими запасами нефти (по оценкам – до 10 млрд баррелей) и газа на шельфе, а также значительными рыболовными ресурсами [3]. Роль полуострова в качестве источника углеводородного сырья в последние десятилетия возрастала по мере дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке.

В территориальных спорах с Камеруном Нигерия ссылалась на колониальные соглашения 1885, 1886, 1890 и 1893 гг., в соответствии с которыми устанавливалась граница между британскими и германскими владениями в регионе, причем Бакасси оставался под контролем Великобритании. Камерун обращался к англо-германскому соглашению 1913 г., согласно которому линия разграничения сдвигалась на запад и часть нигерийской территории (вместе с населением), включая Бакасси, передавалась Камеруну, остававшемуся колонией Германии до 1916 г., когда территория была занята англо-французскими войсками.

В 1922 г. Камерун был поделен между Великобританией и Францией. В 1960 г. Франция предоставила независимость принадлежавшей ей территории, которая стала называться Камерун. В 1961 г. на территории, контролировавшейся Великобританией, состоялся референдум. В соответствии с его решениями южная часть протектората присоединилась к Камеруну, а северная – к Нигерии. Линия границы между двумя странами «исчезала» в Гвинейском заливе – вблизи Бакасси. Но если принадлежность полуострова оставалась спорной, то фактическое администрирование, предоставление социальных услуг населению, поддержание порядка обеспечивала Нигерия.

Таким образом, граница между Нигерией и Камеруном устанавливалась сначала англо-германскими соглашениями (1885–1913 гг.), затем – Великобританией и Францией (1913–1960 гг.). Границам были присущи все те черты, которые в целом характеризовали искусственный раздел

территорий, однако если некоторые границы на континенте были определены достаточно четко, то между Нигерией и Камеруном она изначально не была прочерчена и неоднократно менялась.

Длившийся годами пограничный спор временами перерастал в вооруженные столкновения. В 1990-х гг. участились стычки на границе, в ходе которых тогда погибли в общей сложности около 100 человек. Обострение отношений, произошедшее из-за частых придинок и актов насилия, осуществлявшихся камерунскими жандармами в отношении нигерийских военных и гражданских лиц на Бакасси, достигло пика в конце 1993 г. Чтобы защитить своих граждан, 25 декабря Нигерия ввела на полуостров войска, а в феврале 1994 г. вооруженные столкновения чуть было не привели к полномасштабной войне между двумя государствами.

Военная акция нигерийского правительства предоставила Камеруну повод обвинить Нигерию в агрессии. В марте 1994 г. камерунцы обратились за помощью в разрешении территориального спора в Международный суд (МС) в Гааге. В декабре 1995 г. Нигерия выступила с протестом, оспорив компетентность суда при рассмотрении этого вопроса и правомерность просьбы Камеруна, но МС отклонил апелляцию, подчеркнув, что спор между Нигерией и Камеруном, по крайней мере относительно юридического обоснования границы, «имеет место». В начале 1996 г. вооруженные столкновения на полуострове возобновились.

Ситуация в регионе неоднократно была предметом рассмотрения в ООН, в том числе в Совете Безопасности, в феврале 1996 г. потребовавшего «соблюдать условия прекращения огня». В марте МС «предложил» сторонам не предпринимать никаких действий до постановления суда, но вооруженные столкновения на полуострове не прекратились [4].

После 8 лет судебного разбирательства, 10 октября 2002 г., МС решил спор в пользу Камеруна, к которому перешли полуостров Бакасси и некоторые оспаривавшиеся обеими сторонами районы бассейна оз. Чад. Для выполнения решения в конце 2002 г. под эгидой генерального секретаря ООН была создана Камеруно-нигерийская смешанная комиссия [5]. В июне 2006 г. в г. Манхассет (неподалеку от Нью-Йорка) было подписано пограничное соглашение, подтвердившее передачу Бакасси Камеруну. Однако два года

понадобились на то, чтобы решить вопросы, связанные с гражданским статусом населения, числом оставшихся на полуострове нигерийских полицейских, пограничников и представителей других силовых структур, возможностями переселения нигерийских бакассийцев на территорию Нигерии (число переселенцев достигло 100 тыс.) и т. д. Лишь в 2008 г. полуостров официально стал камерунской территорией, хотя большинство его населения по-прежнему составляют нигерийцы, сохранившие свое гражданство. Сенат Нигерии не признает решение МС как противоречащее конституции страны [6]. Более того, Нигерия продолжает нести большую часть расходов по администрированию и предоставлению жителям Бакасси услуг в сферах образования, здравоохранения, водоснабжения, поэтому представляется, что решение МС нельзя рассматривать как справедливое. Тем более что выиграл от него не столько Камерун, сколько Франция, получившая в результате передачи Бакасси почти неограниченный доступ к его нефтяным резервам.

Решение МС вызвало недовольство значительной части нигерийцев. Некоторые представители армейской верхушки предлагали защитить интересы Нигерии «силой», утверждая, что победа Камеруна повлечет за собой негативные последствия для Нигерии, играющей ведущую роль в сфере безопасности в Западной Африке. Действительно, теперь военно-морские суда, дислоцированные вблизи города-порта Калабар неподалеку от Бакасси, не могут выходить в Атлантический океан, не согласовав этот вопрос с Камеруном. Еще до судебного разбирательства президенты обеих стран взяли на себя обязательства принять вынесенный вердикт, каким бы он ни был, и хотя тогдашний президент О. Обасанджо, заинтересованный в сохранении благоприятного политического климата в регионе, вынужден был согласиться с решением Суда, столкновения между силовыми структурами не прекратились и отношения между двумя странами остаются «прохладными».

Решение, принятое в Гааге, не поставило окончательной точки в давнем споре, но в 2010-е гг. нигерийские лидеры вынуждены были переступать через трудности двусторонних отношений в связи с активизацией исламистской группировки «Боко Харам», начинавшей свою деятельность на территории Нигерии и позднее распространившей ее на сопредельные страны. В июле

2015 г. только что избранный президент Нигерии М. Бухари с официальным визитом посетил Камерун, который подвергался постоянным атакам исламистов, чтобы ослабить напряженность в отношениях и подтвердить необходимость взаимодействия двух стран в борьбе с терроризмом: еще в 2014 г. была создана военно-политическая коалиция в составе Нигерии, Бенина, Камеруна, Нигера и Чада, войска которых проводят совместные операции против «Боко Харам».

Деятельность исламистов привела не только к снижению уровня безопасности в регионе, но и к обострению отношений между Нигерией, которая выдавливает террористов со своей территории, и сопредельными странами, жители которых становятся жертвами. Острова на оз. Чад превращаются в базы боевиков, а островитяне подвергаются убийствам и грабежам; рост числа беженцев из Нигерии и внутренне перемещенных лиц в зонах деятельности «Боко Харам» способствует распространению преступности и ухудшению ситуации с продовольствием, так как из-за угрозы терактов местные жители не могут заниматься рыбной ловлей и земледелием, тем более что боевики все равно забирают продукты и сжигают деревни. Нередко беженцы выдворяются из Камеруна назад в Нигерию или задерживаются по подозрению в связях с исламистами [7].

Активизация «Боко Харам» в сопредельных с Нигерией странах произошла на фоне и без того нестабильной обстановки в Чаде и Нигере, связанной с деятельностью на их территориях «Аль-Каиды в странах Магриба» и внутренней политической нестабильностью. Перманентные политические конфликты между враждующими чадскими фракциями создают угрозу безопасности Нигерии, так как боевики нередко переходят границу в поисках убежища, совершают преступления на нигерийской территории и торгуют в регионе оружием. Причем Чад обвиняет Нигерию в поддержке мятежников, хотя именно Нигерия опасается экспансии конфликтов на ее территорию.

На протяжении многих лет источником разногласий между Нигерией и Чадом были претензии обеих сторон на отдельные участки территории, в т. ч. на острова на оз. Чад. В 1983 г. пограничный спор, вспыхнувший после нападения чадских солдат на нигерийский военный пост на острове Кайназара, обрел военные параметры, привел к закрытию границы и захвату нигерийскими

армейскими подразделениями нескольких спорных островов. Фактически Нигерия была вынуждена провести масштабную военную операцию, чтобы предотвратить вооруженные вторжения на свою территорию [8, р. 93].

В известной мере периодически вспыхивающие конфликты между нигерийцами и чадцами объясняются пересечением интересов двух стран в озерном бассейне и других богатых полезными ископаемыми пограничных районах. Предметом постоянных споров остаются права на отлов рыбы на оз. Чад; продолжаются столкновения между нигерийскими и чадскими рыбаками и охраняющими их солдатами. Не решена и проблема демаркации границ: вопрос осложняется тем, что многие острова на озере имеют плавучий характер и передвигаются с места на место, пограничные буйки также мигрируют и конфигурация «линии водораздела» постоянно меняется. Чтобы сохранять относительный мир в этом районе, правительство Нигерии оказывает соседу немалую финансовую помощь и нередко идет на уступки в локальных спорах.

В 2010-е гг. в чадско-нигерийских отношениях наметился существенный прогресс, объединивший две страны в противодействии «Боко Харам».

С другим соседом – Бенином – Нигерию связывают не только общая граница, но и общность языков (йоруба и бариба), а также активные миграции населения. Тысячи нигерийцев живут и работают в Бенине, множество бенинцев беспрепятственно прибывает в Нигерию в поисках заработка. У двух стран есть общие экономические интересы, причем, поскольку уровень экономического развития Нигерии выше, чем Бенина, последний больше заинтересован в экономическом сотрудничестве и нуждается в помощи со стороны соседей. В то же время стратегическое положение Бенина как регионального центра транзитной торговли делает его притягательным для нигерийских экспортеров и импортеров.

Между странами действует Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заключены соглашения об экономическом сотрудничестве и торговых преференциях. Развитию двусторонних связей способствовало строительство в Бенине с помощью Нигерии двух крупных промышленных объектов – цементного завода в г. Онигболо и фабрики по производству сахара в г. Сава.

Сформирован единый торговый рынок, согласованы процедуры таможенного и паспортного

контроля. Вопросы транзитной перевозки грузов через Бенин в Нигерию являются предметом частого обсуждения на встречах официальных представителей двух стран; действует соглашение о военном сотрудничестве, предусматривающее помощь Нигерии в подготовке бенинского военного персонала и совместное патрулирование сухопутных границ и территориальных вод [9]. В апреле 2002 г. правительства двух стран заявили в совместном коммюнике об отсутствии взаимных территориальных претензий.

Вместе с тем в отношениях между странами существуют проблемы, типичные для африканских регионов: граница не демаркирована, пограничный и таможенный контроль неэффективен. Между тем важную роль в хозяйстве Бенина играет «теневая экономика» – нелегальный контрабандный бизнес, основанный на сопредельности двух стран, позволяющей практически беспрепятственно ввозить в Нигерию реэкспортные товары и продовольствие и вывозить оттуда нефтепродукты. Масштабная контрабанда нефтепродуктов и таких товаров, как сахар, напитки, текстиль и моющие средства, создает угрозу развитию нигерийской экономики. Во время политических кризисов в Нигерии переход границы с Бенином становится легким способом «отступления» для нигерийских оппозиционеров. Помимо контрабанды и незаконных миграций, ситуацию осложняет деятельность бенинских жандармов в приграничных деревнях, собирающих – с применением насилия – с нигерийцев «налоги» и другие «взносы».

Отношения в сфере безопасности между двумя странами всегда фокусировались на вопросах границы и военных контактах, но всеми бенинскими правительствами Нигерия воспринималась как угроза безопасности из-за ее военного превосходства в Западной Африке – вплоть до того, что если Абуджа приобретала танки, то Котону – в ответ – противотанковые орудия. Видимо, таким образом Бенин пытался достичь «военного паритета» с Нигерией [10].

Главным препятствием на пути укрепления двусторонних связей остается «французский» фактор – то обстоятельство, что Бенин, как и другие соседи Нигерии, находится в зоне «присутствия» и влияния Франции в Западной Африке, сохраняя с бывшей метрополией тесные контакты не только в социально-экономической и культурной, но и в оборонной сферах. Большая

часть оружия и военного оборудования поставляется в Бенин из Франции по сниженным ценам и в соответствии с двусторонним военным соглашением, которое Нигерия рассматривает как угрозу своей безопасности.

Наиболее теплые и дружественные отношения сохраняются у Нигерии с Нигером. Страны связывает и этнолингвистическая общность: южные районы Нигера населены хауса, культурные связи которых с соплеменниками в Нигерии достаточно прочны. Обе страны никогда не обращались к оружию при разрешении пограничных споров, хотя нигерские вооруженные группы неоднократно вторгались на территорию «большого брата». Угроза безопасности Нигерии со стороны соседа минимальна. Нигер относится к числу беднейших стран континента, его территория подвержена постоянным сахельским засухам, и он в большей степени, нежели другие соседи Нигерии, зависит от ее материально-технической и гуманитарной помощи, а также возможности использовать ее транспортную и портовую инфраструктуру для осуществления экспортных и импортных операций. Кроме того, Нигерия является вторым по величине покупателем нигерских продуктов: мяса, рыбы, овощей, хлопка – и третьим (после Кот-д'Ивуара и Алжира) по значимости для Нигера поставщиком медикаментов и предметов первой необходимости.

Между странами действует соглашение, гарантирующее режим наибольшего благоприятствования в торговле; работает двусторонняя комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, ставшая первой такого рода комиссией с участием Нигерии. Важным инструментом двусторонних отношений является помощь, предоставляемая Нигерией в виде грантов, поставок продовольствия и в иных формах с целью преодоления последствий засухи и других стихийных бедствий. Нигерийская помощь обычно увязывается с собственными национальными интересами, в т. ч. с соображениями политической и экономической безопасности. Так, оказывая населению Нигера продовольственную помощь, нигерийское правительство стремится таким образом оградить свою страну от массового наплыва беженцев. Помощь Нигеру в строительстве объектов инфраструктуры отвечает обоюдным интересам и призвана облегчить товарооборот между странами. Весьма существенным является вклад Нигерии в развитие экономики Нигера, которому оказывалась помощь при строительстве электростанций и ряда промышленных объектов;

нигерийское правительство и отдельные компании инвестировали средства в горнодобывающую отрасль – в добычу железной руды, фосфатов, урана; гражданам Нигера предоставляется возможность обучаться в университетах Нигерии.

Вместе с тем развитие тесных двусторонних контактов омрачается расширением нелегального вывоза нигерийских нефтепродуктов в Нигер, где контрабандисты получают большую прибыль за счет разницы в курсах западноафриканского франка (КФА) и нигерийской найры. Кроме того, Франция остается крупнейшим донором Нигера и его главным экономическим партнером, что не может не накладывать отпечаток на внешнюю политику страны и ее отношения с Нигерией.

Фактором, способствующим сближению Нигерии с ее соседями, является общемировая тенденция к региональной и субрегиональной сплоченности при решении вопросов военно-политического и социально-экономического свойства. Стратегия интегрированного развития, охватывающая наиболее важные аспекты повседневной жизни пограничных общин, является ключом к решению вопросов безопасности и к расширению сотрудничества во многих сферах, поскольку именно в контексте интеграции необходимость в чисто технической демаркации искусственных колониальных границ и в выдвигании взаимных претензий, касающихся национальных интересов безопасности, утрачивает свою важность.

Ссылки

1. Океке О. А. Э. Нигерия: прозрачность границ и проблемы национальной безопасности // Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. 2016. № 4. С. 33–38.

2. Omede A. J. Nigeria's Relations with Her Neighbours // Studies of Tribes and Tribals. 2006. № 4(1). P. 7–17.

3. Президент Нигерии посетит Камерун в среду, 29 июля 2015 г. URL: <https://newinform.com/463-prezident-nigerii-posetit-kamerun-vo-vremya-prodolzhayuschih-sya-atak-boko-haram> (дата обращения: 06.05.2016).

4. Внутренние конфликты и расколы. URL: <http://www.hyno.ru/tom4/682.html>

5. Нестеркин В. Камеруно-нигерийский территориальный конфликт // Зарубежное военное обозрение. 2012. № 12. С. 13–15. URL: <http://www.militaryarticle.ru/zarubezhnoe-voennoe-obozrenie/2002-zvo/6899-kameruno-nigerijskij-territorialnyj-konflikt> (дата обращения: 06.09.2016).

6. Нигерия согласилась передать Камеруну полуостров Бакасси, богатый нефтью. URL: <https://utro.ru/news/2006/06/13/556086.shtml> (дата обращения: 07.09.2016).

7. Денисова Т. С. Нигерия: от Майтацине до Боко Харам // Восток (ORIENS). 2013. № 4. С. 70–82.

8. Nigeria and Its Immediate Neighbours: Constraints and Prospects of Sub-Regional Security in the 1990s / Ed. By: B. E. Ate, B. A. Akinterinwa. Lagos: The Nigerian Institute of International Affairs, 1992. 149 p.

9. Современные международные отношения в Африке. URL: <http://freebooks.site/uchebnik-mejdunarodnye-otnosheniya/sovremennye-mejdunarodnye-otnosheniya20945.html> (дата обращения: 16.10.2016).

10. Vogt M. Strategies for the Enhancement of the Security of Nigerian Borders // The Eagle Journal of the Nigerian Command and Staff College. Jaji: Nigeria, 1987. P. 39–40.

УДК 94(100) «1914/19»

В статье рассматриваются австро-турецкие отношения в годы Первой мировой войны. Автор анализирует попытки австрийской пропаганды создать позитивный образ Турции с помощью почтовых открыток.

Ключевые слова: Первая мировая война; Османская империя; Австро-Венгрия; пропаганда; открытки.

The article considers Austrian-Turkish relations during the First World War. The author analyses attempts of Austrian propaganda to create a positive image of Turkey with the help of postcards.

Key words: First World War; Ottoman Empire; Austria-Hungary; propaganda; postcards.

А. С. Медяков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

E-mail: alexandr.medyakov@yandex.ru

Неожиданный друг: образ Османской империи на австрийских открытках Первой мировой войны

Научная статья

A. S. Medyakov

Lomonosov Moscow State University

Unexpected Friend: Image of the Ottoman Empire on Austrian Postcards of the First World War

Scientific article

Происходящий на протяжении последних двух–трех десятков лет так называемый «визуальный поворот» затронул многие гуманитарные науки и области исследований. Одним из наиболее продуктивных является приложение методов визуальной истории к изучению проблем личной и коллективной идентичности, в частности национальной. Особенно резкие и контрастные формы национальная идентификация приобретает в моменты кризисов, особенно войн, когда ощущается потребность в создании ясной и, по возможности, даже *зримой* картины происходящего: кто является другом, кто врагом, что собой представляет и какие ценности отстаивает та или иная нация. В последнее время исследователи скорее фокусируются на изучении образа врага, в то время как «образ друга» часто выпадает из их поля зрения. Между тем он оказывается весьма важным с точки зрения потребностей собственной идентичности, а также политически – для упрочения союзных отношений и пропагандистской мобилизации населения.

Создание «образа друга» далеко не всегда является легким делом. Эффективность пропаганды © Медяков А. С., 2017

зависит от ее возможности опереться на уже существующие традиции восприятия и стереотипы, в противном случае требуются чрезвычайные усилия для экстренной разработки благоприятного образа желаемого союзника. Именно это происходило с австро-турецкими отношениями в годы Первой мировой войны. В настоящей статье ставится цель изучения социо-культурных и политических аспектов австрийского образа Османской империи в ходе Первой мировой войны, каким он предстает на открытках – наиболее массовом и разнообразном визуальном медиуме своего времени.

Создавая в годы Первой мировой войны образ турка-союзника или турка-врага, пропагандисты разных стран опирались не только на некий общий набор существовавших к тому времени европейских «турецких» клише, истолковывая их в позитивном либо негативном ключе, но и на специфические собственные традиции восприятия Османской империи и характер политических отношений.

Османская империя издавна играла важную роль в конструировании национальной и евро-

пейской идентичности, выступая в роли «главного «Другого» европейской системы государств на протяжении всей ее истории» [1, с. 71]. При этом взаимоотношения европейских государств с Турцией мыслились не как равноправные, а в русле ориенталистского дискурса, подразумевавшего отношения господства и подчинения.

Австрия исторически гораздо дольше и теснее соприкасалась с приграничной ей Османской империей, в результате австрийский вариант ориентализма отличался от классического западноевропейского: в австрийских контактах с Турцией прямые колониальные претензии играли меньшую роль, в то время как такие контакты были важны с точки зрения потребностей собственной идентификации; широкое распространение получила идея «культуртрегерства» [2, с. 36–37]. В целом создание позитивного образа «турка» сталкивалось здесь с гораздо большими трудностями, чем, например, в Германии. С одной стороны, ему противоречили глубокие традиции восприятия Османской империи как врага. Осада Вены 1683 г. являлась одним из главных исторических мифов государства Габсбургов, и празднование ее очередного юбилея в 1883 г. еще раз показало, что осаждавший австрийскую столицу Кара Мустафа по-прежнему оставался «архетипическим врагом» [3, с. 269]. Собственно политические взаимоотношения были омрачены сначала оккупацией Боснии и Герцеговины в 1878 г., а затем их аннексией Австро-Венгрией в 1908 г. Наконец, препятствием для австрийской пропаганды являлось и довольно острое соперничество с «германским собратом» за влияние в Турции [4]. Однако, с другой стороны, положительным трактовкам и восприятию воплощаемого Турцией ислама способствовало то обстоятельство, что благодаря обладанию Боснией и Герцеговиной в Австро-Венгрии он был в 1912 г. официально признан в качестве религиозной общины. Тем не менее вставшая перед австрийской пропагандой с началом войны задача была весьма сложной: требовалось резко порвать с прежним образом «турка» и трактовать его отныне как союзника и даже «друга». Открытки с их наглядностью, доступностью и массовостью играли в этом процессе значительную роль.

В Австро-Венгрии государственные органы пропаганды были задействованы в производстве и распространении турецких образов на открытках активнее, чем, например, в Германии. Так,

«Служба военной прессы», главного пропагандистского органа Австро-Венгрии, в целом ряде серий издавала открытки, повествующие об успехах турок на различных фронтах: «Тяжелое поражение англичан на иракском фронте», «Турецкие войска на марше на Батум» и множество других. Известный австрийский художник В. Краус был отправлен в Османскую империю с задачей создавать для потребностей пропаганды различные турецкие образы [5, с. 13].

Одним из адресатов пропаганды выступал сам новоявленный союзник. Австрийские открытки устремились в Турцию в качестве средства ознакомления местного населения с Австро-Венгрией как с сильным «собратом по оружию». Известно, например, что австрийский военный атташе в Константинополе получил из Вены 5 тыс. открыток с изображением начальника австрийского Генштаба Конрада фон Гётцендорфа [5, с. 31]. Но более важной задачей являлось донести до собственного населения позитивный образ неожиданного нового союзника, не ограничиваясь только его военной ролью. Для этого использовались традиционно эстетически и эмоционально привлекательные образы женщин и детей, разного рода позитивно трактованная восточная экзотика и т. д.

Однако главными сюжетами в австрийских открытках являлось «братство по оружию», союзническая верность. С этой целью бесконечно варьировались изображения трех глав государства, иначе говоря, политический и военный союз подавался в понятной трактовке «дружбы». С 1916 г. те же задачи начал выполнять новый мотив – «балканский поезд». Вступление Болгарии в войну 14 октября 1915 г. и последовавший затем разгром Сербии резко улучшили стратегическое положение Центральных держав, создав между ними прямую сухопутную связь. Самым наглядным ее свидетельством стал «Балканский поезд», запущенный между Берлином и Константинополем в январе 1916 г. Столь явный успех вызвал настоящий энтузиазм производителей открыток и разнообразные трактовки этого сюжета. Само понятие поезда подразумевало связь, соединение, сцепление, что сделало возможным новые образы прочности союза теперь уже четырех стран. В частности, на германских открытках их солдаты держат в руках вагончики экспресса либо даже сами его изображают [6, с. 314–315]. Австрийские производители открыток также откликнулись

на этот новый сюжет, в том числе предложив целую красочную серию [7].

Провозглашение 11 ноября 1914 г. турецким султаном в качестве халифа правоверных «священной войны» против Англии, Франции и России было встречено австрийской прессой с полным одобрением [8–10]. Связанные с этим ожидания наглядно выражает австрийская открытка «Турок зашевелился»: крепко зажатые в турецких кулаках нити уходят в Индию, Египет, Закавказье и Кавказ. Характерно, что «турок» изображен не в форме, т. е. не в качестве военного союзника, а в своей традиционной «восточной» ипостаси и снабжен соответствующими атрибутами. Однако австрийские правящие круги смотрели на вещи более трезво. Если в Германии мечтали о масштабном «революционизировании» всего исламского мира [11, с. 133], то в Австро-Венгрии ведущие эксперты по Востоку выражали сомнения в осуществимости подобных планов [4, с. 206]. Вместе с тем «священная война», безусловно, приветствовалась в более локальном контексте, в частности с точки зрения ситуации на Балканах. Так, одна из австрийских газет выражала надежду, что решение султана заставит албанцев выступить против воюющей с Австро-Венгрией Сербии [12]. Призыв султана к «джихаду» в Австро-Венгрии отозвался и более непосредственным образом. Именно на султанскую фетву о джихаде ссылались в своих проповедях имамы, вдохновляя мусульманских солдат-босняков австрийской армии на борьбу «против Москвы, извечного врага нашей веры», а также Англии, Франции и Черногории, будто бы устроивших заговор с целью уничтожения ислама [13]. Несомненно, что подобные призывы сказались на боевом духе и особой жестокости солдат-босняков [14, с. 115–116].

Тем не менее, несмотря на все усилия, эффективность австрийской протурецкой пропаганды в целом ставится исследователями под сомнение в силу живучести глубоко укоренившихся стереотипов [3, с. 291]. Это проявлялось и в открытках. Так, затруднительной оказалась апелляция к собственным прошлым военным успехам, столь напрашивавшаяся в условиях войны и осуществлявшаяся всеми воюющими странами. Однако в австрийском случае самые яркие и оставившие глубокий след в народной памяти победы были одержаны как раз над турками и воплощались в культовой фигуре знаменитого Евгения Саво-

йского. Одним из самых известных его подвигов было взятие в 1717 г. Белграда – столицы ныне противостоявшей Австро-Венгрии Сербии. Австрийская пропаганда попыталась использовать этот исторический факт – на одной из открыток тень Евгения Савойского призывает современных солдат «на Белград!» [15, с. 204]. Вместе с тем было общеизвестно, что противником Савойского выступали именно турки, что вызывает сомнения в действительности подобной подмены. Издатели открыток пытались также инструментализировать известную каждому австрийцу народную песню «Принц Евгений, рыцарь славный», в ряде открыток воспроизводя ее первый куплет, говорящий опять-таки о взятии Белграда. Однако каждый знал и второй куплет, со строчкой «всех-то турок разогнали». Ярче всего устойчивость старых восприятий и стереотипов демонстрирует открытка с первой строкой этой песни, на которой вполне традиционно изображен убитый турок и поверженный бунчук с полумесяцем [16]. Причем издал открытку официальный австрийский пропагандистский орган. В целом подобная непоследовательность самой пропаганды, как и сохранявшиеся массовые стереотипы, оказались серьезным препятствием для восприятия населением позитивного образа Османской империи. Об этом в том числе свидетельствуют личные тексты на открытках, которые, в отличие от многих других сюжетов, практически никогда не солидаризируются с предлагавшимися пропагандой изобразительными посланиями.

Ссылки

1. Нойман И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 336.
2. Feichtinger F. Komplexer k.u.k Orientalismus. Akteure, Institutionen, Diskurse im 19. Und 20. Jahrhundert in Osterreich // Born R., Lemmen S. (Hg.) Orientalismen in Ostmitteleuropa. Diskurse, Akteure und Disziplinen vom 19. Jahrhundert bis zum Zweiten Weltkrieg. Bielefeld: Transkript, 2014. S. 36–37.
3. Healy M. In aller «Freundschaft»? Österreichische «Türkenbilder» zwischen Gegnerschaft und «Freundschaft» vor und während des Ersten Weltkrieges // Cole L., Hämmerle C., Scheutz M. (Hg.) Glanz – Gewalt – Gehorsam. Militär

und Gesellschaft in der Habsburgermonarchie (1800 bis 1918). Essen: Klartext, 2010. S. 269.

4. Will A. Der Gegenspieler im Hintergrund. Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Loth W., Hanisch M. (Hg.) Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients. München: Oldenbourg, 2014. S. 214.

5. Tomenendal K. Das Türkenbild in Österreich-Ungarn während des Ersten Weltkriegs im Spiegel der Kriegspostkarten. Klagenfurt: Wieser, 2008. S. 248.

6. Медяков А. С. Первая мировая война на почтовых открытках. Киров: Издательский дом «Крепостнов», 2014. Т. 1. С. 413.

7. Österreichische Nationalbibliothek. URL: http://search.obvsg.at/primo_library/libweb/action/search.do?dscent=0&vl%281UI0%29=contains&tab=default_tab&srt=rank&ct=search&mode=Basic&dum=true&tb=t&indx=1&vid=ONB&fn=search&search=1&vl%28freeText0%29=Balkanzug

8. Neue Freie Presse. 1914. 17.12.

9. Wiener Zeitung. 1914. 26.11.

10. Fremden-Blatt. 1914. 26.11.

11. Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Charlottenburg: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1919. Bd. 2. S. 198.

12. Marburger Zeitung. 1914. 19.12.

13. Salzburger Volksblatt. 1914. 30.12.

14. Kollros E. Mit dem Pinsel an der Front. Österreichische Kriegskartenmaler erleben den Ersten Weltkrieg. Weitra: Bibliothek der Provinz, 2014. S. 300.

15. Медяков А. С. Первая мировая война на почтовых открытках. Киров: Издательский дом «Крепостнов», 2014. Т. 4. С. 467.

16. Historische Bildpostkarten. Universität Osnabrück. Sammlung Prof. Dr. S. Giesbrecht. URL: <http://www.bildpostkarten.uni-osnabrueck.de/displayimage.php?pos=-7503&bt=europeanaapi>

В статье рассматриваются результаты исследования пребывания немецких военнопленных на территории Ярославской области. Приведены сведения о количестве умерших немецких военнослужащих, находившихся в лагерях региона и об использовании их труда, выявлены места их захоронений. Статья посвящается памяти профессора М. Е. Ерина*.

К л ю ч е в ы е с л о в а : историческая память; немецкие военнопленные; Ярославская область; воинские захоронения; Великая Отечественная война; военные потери.

The article presents the results of the study of residence of German prisoners of war on the territory of Yaroslavl region. The article analyses data on the number of prisoners of war who lived in POW camps, usage of labor of prisoners of war. Due to the author's findings the burial places of prisoners of war were identified. This article is devoted to the memory of professor M.E. Erin.

K e y w o r d s : historical memory; German prisoners of war; Yaroslavl region; military burials; Great Patriotic War; military casualties.

С. Н. Мудров, В. Н. Гурьянчик

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны

E-mail: swag.07@mail.ru

E-mail: vit-gurjanchik@yandex.ru

Восстановление исторической памяти

(по материалам деятельности Народного Союза Германии по уходу за военными могилами на территории Ярославской области)**

Научная статья

S. N. Mudrov, V. N. Guryanchik

Yaroslavl Higher Military School of Air Defense

Recovery of Historical Memory

(according to the materials on German War Graves Commission on the territory of Yaroslavl region)

Scientific article

Более 70 лет прошло с момента окончания Великой Отечественной войны. Все меньше остается ветеранов, которые могли бы еще рассказать всю правду об этой народной трагедии, пусть даже нелицеприятную. С годами память о войне постепенно стирается, а значит, стирается и историческая память.

Память народа заключается не столько в помпезных торжествах, сколько в почитании тех, кто выжил и победил в кровавой бойне, в памяти о тех, кто не вернулся с фронтов. Сотни тысяч, мил-

лионы солдат, чьи имена безвестны, лежат в земле. Установить их имена, возможно, уже не удастся никогда, но увековечить память о них необходимо. Это долг живых перед павшими. К сожалению, долгие десятилетия государство не уделяло этому должного внимания. До сих пор на бескрайних просторах России покоятся останки тех, кто отстоял ее независимость в войне.

Кроме них, в российской земле лежат останки сотен тысяч немцев, итальянцев, венгров, румын — тех, кто в июне 1941 г. вторгся на территорию

* Михаил Егорович Ерин (29 мая 1940 г. – 9 июня 2014 г.) — советский и российский историк-германист, заведующий кафедрой всеобщей истории ЯрГУ им. П.Г. Демидова, профессор, доктор исторических наук, в 1990-е гг. — декан исторического факультета.

** Статья подготовлена при финансовой помощи и информационном содействии Народного Союза Германии по уходу за военными могилами.

Советского Союза и воевал на стороне фашистской Германии. Большинство из них погибли в ходе ожесточенных боев, но есть и те, кто умер по различным причинам в советском плену. Их имена также должны быть установлены, а останки преданы земле.

Долгие десятилетия история Великой Отечественной войны являлась мощным идеологическим инструментом советской пропаганды. Современная историческая наука все чаще в исследованиях концентрирует внимание на проблеме исторической памяти. Немецкий историк Й. Рюзен подчеркивал, что «воспроизведение прошлого является необходимым условием обеспечения человеческой жизни культурной рамкой ориентации, которая открывает будущую перспективу, основываясь на опыте прошлого» [1, с. 12].

В рамках восстановления исторической памяти представляет интерес деятельность Народного союза Германии по уходу за военными могилами, который был создан еще 16 декабря 1919 г. После произошедших политических изменений в Европе в 1990-х гг. Народный союз начал свою деятельность и на территории стран Восточной Европы. В России между тем немало как сторонников, так и противников его деятельности. Однако восстановление исторической памяти необходимо.

С 1992 г. в России при участии членов Союза и волонтеров восстановлено и построено 22 немецких солдатских кладбища, где захоронены более 100 тысяч погибших. Народный союз ухаживает не только за могилами погибших немецких военнослужащих на территории других стран, но и за советскими воинскими захоронениями на территории Германии (их 4085), где покоятся почти 660 тыс. советских граждан. Ежегодно около 1 млн евро идет на финансирование работ по уходу за крупнейшими советскими мемориалами, расположенными в Трептов-парке, а также в берлинских районах Тиргартен и Панков. В Германии большая работа была проведена по установлению личностей советских военнопленных. В 2008 г. были оцифрованы сведения на 900 тыс. советских военнопленных, на их основе можно установить в Германии могилы умерших.

В России Народный союз проводит работу по установлению захоронений немецких военнопленных. В советском плену находились свыше 3 млн военнослужащих Вермахта, из них 1,8 млн вернулись в Германию. Сотни тысяч немецких военнопленных до сих пор числятся пропавшими без вести, их судьба остается неизвестной.

В 2004 г. при участии Народного союза была начата работа по сбору сведений о немецких военнопленных и интернированных лиц на территории России. Лагеря для немецких военнопленных и интернированных лиц находились практически во всех областях европейской части Советского Союза, в том числе в Ярославской области. Как правило, военнопленные занимались восстановлением разрушенных в ходе войны объектов народного хозяйства. Следует подчеркнуть, что это не первый проект Народного союза Германии в Ярославской области. Прочные основы для сотрудничества были заложены еще в начале 1990-х гг., сразу после подписания международного соглашения о сотрудничестве между странами.

В 1993–1995 гг. под руководством одного из ведущих германистов России, профессора, декана исторического факультета Ярославского государственного университета (ЯрГУ) им. П. Г. Демидова Михаила Егоровича Ерина была проведена большая исследовательская работа, основной задачей которой было установление судеб немецких военнопленных в Ярославской области и их захоронений. В Государственном архиве Ярославской области были проведены поисковые работы документов и материалов, которые могли бы пролить свет на малоизученный вопрос. Результатом кропотливой деятельности стала систематизация хранящейся в архиве картотеки, был произведен подсчет контингента в целом, определено примерное количество умерших и похороненных военнопленных на территории Ярославской области, частично была воссоздана история 8 официальных кладбищ и судьба захоронений. Исследовательскому коллективу удалось установить контакты с местными жителями разных районов области, собрать воспоминания свидетелей присутствия и работы военнопленных в Ярославской области, выдвинуть ряд гипотез по изучаемой теме.

В практической плоскости работа М. Е. Ерина получила выражение в ряде публикаций. Главным результатом совместной работы ярославских ученых, администраций районов Ярославской области и Народного союза Германии стало создание двух мемориалов военнопленным, умершим и похороненным на территории области. В 2001 г. в 2 км от железнодорожной станции Чёбаково (Тутаевский район) и в 2007 г. недалеко от д. Котово (Угличский район) были созданы «сборные» кладбища военнопленных.

В 2015 г. Народный союз Германии по уходу за военными могилами запустил в Ярославской области пилотный проект «Захоронения немецких военнопленных на территории Ярославской области». Одной из поставленных целей было установление по документам и локализация на местности всех возможных мест захоронений немецких военнопленных на территории региона.

В настоящее время были обнаружены и впервые введены в научный оборот новые материалы федерального ведомственного архива – Российского государственного военного архива (далее – РГВА), касающиеся пребывания военнопленных на территории Ярославской области. В свете полученных данных возникла объективная необходимость проведения дополнительных исследований и уточнения уже имеющейся информации. Такая работа обусловила три основных направления деятельности: во-первых, требовалось по архивным документам установить как места расположения лагерей, так и имена находившихся там военнопленных; во-вторых, в районах предполагаемых лагерей локализовать возможные места захоронений умерших; в-третьих, определить основные объекты использования труда военнопленных и характер их трудовой деятельности.

На основании полученных данных было найдено и локализовано 23 места захоронений. Проведенная документальная работа позволила совершить поездки по местам предполагаемых кладбищ. Они были обследованы на предмет наличия признаков захоронений, сделаны фотографии, установлены координаты мест, составлено описание и история кладбищ, оценено их состояние на 2015–2016 гг.

Первые лагеря военнопленных появились на территории современной Ярославской области ещё до окончания Великой Отечественной войны. Самый первый лагерь под № 259 возник на территории Рыбинского района Ярославской области еще в октябре 1944 г. [2]. По мере приближения окончания войны число военнопленных росло, что повлекло за собой и увеличение количества лагерей, в том числе и в Ярославской области. Один за другим были созданы лагеря № 221, 282, 452, 276. Всего в разное время на территории области функционировало 5 крупных лагерей, несколько рабочих батальонов, около 40 лагерных отделений, а также один спецгоспиталь для военнопленных [3, с. 214–216].

Согласно подсчётам, сделанным профессором М. Е. Ериным на основании картотеки военнопленных, общее их число во всех лагерных отделе-

ниях и лагерях области составило 20 733 человека. Однако М. Е. Ерин полагал, «что многие карточки были утеряны, и <...> общее число пленных было значительно больше» [2].

Анализ архивных документов позволяет заключить, что лагеря и лагерные отделения располагались в основном в промышленных районах Ярославской области. Их дислокация определялась потребностью в рабочей силе на том или ином участке или объекте. «В Ярославле пленные работали на строительстве планетария, концертного зала, городского водопровода, малоэтажной школы. Они были заняты на строительном-восстановительных работах предприятий резиновой и химической промышленности, на лесозаготовках и других вспомогательных предприятиях треста «Ярославпромстрой». Кроме того, военнопленные трудились на погрузочно-разгрузочных работах теплоэнергоцентрали (ТЭЦ), на кирпичном, вентиляционном, регенеративном, асфальтовом, шинном заводах, на заводе «Красный маяк», на махорочной фабрике, мясокомбинате, молокозаводе, на предприятиях теплосети и на других объектах <...> Пленные телефонизировали центр г. Ярославля, возвели бетонный завод <...> жилые дома, дороги, участвовали в строительстве Московского проспекта, благоустройстве набережной.

Труд военнопленных использовался на лесоповале, торфопредприятиях, в карьерах выемки гравия, на прокладке автомобильных дорог, на стройках, заводах и фабриках городов Рыбинска, Переславля-Залесского, Углича» [2] – на тяжелых неквалифицированных работах. «Военнопленные внесли существенный вклад в восстановление и развитие народного хозяйства Ярославской области» [2]. Советское руководство опасалось возможных диверсий со стороны военнопленных и сбора сведений о реальном состоянии экономики, поэтому не допускало их к производственным мощностям, имеющим стратегическое значение в послевоенной экономике Ярославского края.

Жители Гаврилов-Яма, Варегово, Муравьево и других населённых пунктов вспоминают, что труд военнопленных не использовался на добыче торфа, которая велась вблизи названных населённых пунктов, так как в то время это топливо считалось стратегическим сырьём. Но они активно участвовали в создании инфраструктуры, обеспечивающей бесперебойное функционирование предприятий. Например, недалеко от Варегово военнопленные перенаправляли русло р. Максимки; из Гаврилов-Яма протягивали узкоколейную железную

дорогу к месту добычи торфа; в Ростовском районе работали на гравийных и песчаных карьерах.

Однако были и исключения. В числе военнопленных было много мужчин, имевших различные профессии и высокую квалификацию, хорошо знавших свое дело. М. Е. Ерин в своей статье пишет, что «среди военнопленных было немало рационализаторов». Подтверждением тому являются воспоминания жителя поселка Дунилово, работника электроотдела Дуниловского торфопредприятия Н. В. Филиппова о том, что военнопленные ремонтировали на Дуниловском торфопредприятии электродвигатели высокой мощности. При этом он подчеркивает, что они были хорошими специалистами.

Воспоминания старожилов о работе военнопленных в Ярославской области имеют одну общую характерную черту: в разных районах местные жители отмечают высокое качество самых различных работ, которые выполняли военнопленные, что действительно подтверждает их профессионализм. Так, жители Гаврилов-Яма в один голос утверждают, что железнодорожный мост для узкоколейной железной дороги, возведенный военнопленными через р. Лахость, был построен на совесть и прослужил долго, причем даже после закрытия торфопредприятия и демонтажа железнодорожного полотна.

Большинство военнопленных выполняло, как уже отмечалось, исключительно тяжёлые неквалифицированные работы, что в дополнение к низкому качеству медицинской помощи приводило к высокому проценту смертности. «Неудовлетворительная медицинская помощь, плохое продовольственное и хозяйственное обеспечение лечебных учреждений, особенно в первые годы плена, а также психологический стресс, тяжелый труд, холод, болезни являлись основными причинами высокой смертности» [2].

Профессор М. Е. Ерин отмечает, что наиболее высокого показателя смертность достигла в конце 1944–начале 1945 гг. и падала в летние месяцы; с весны 1946 г. процент смертности пошёл на снижение.

Исходя из содержания изученных архивных документов, работ М. Е. Ерина, его личного архива и диплома Н. В. Барановой, можно констатировать, что в проделанной работе осталось множество белых пятен, вопросов, на которые пока так и не нашлось ответов. Одной из ключевых проблем остается вопрос о количестве работавших и умерших военнопленных на территории Ярославской области в середине – конце 1940-х гг.

На сегодняшний день у нас нет точных данных о смертности военнопленных в лагерях. Имеющиеся источники называют различное количество умерших. По данным Департамента охраны памятников культурного наследия (далее – ДОПКН) области число умерших в плену военнопленных составило 1275 человек; в документах Российского государственного военного архива упоминается о 1282 умерших (ровно столько же получится, если суммировать данные, найденные в РГВА) [4]; М. Е. Ерин в статье в журнале «Отечественная история» пишет о 2259 военнопленных [2]; Н. В. Баранова в своей квалификационной работе – о 2077 умерших. Все это – общие цифры, в них учтены военнопленные всех национальностей. Немецких военнопленных, по нашим подсчётам, основанным на анализе списков из фондов РГВА и Государственного архива Ярославской области (далее – ГАЯО), в лагерях Ярославской области умерло 1732 человека [5]. Учитывая условия труда, уровень заболеваемости, травмы, педикулез, плохое питание, отсутствие гигиены и плохой уход за больными, цифра эта далеко не окончательная, а списки умерших требуют уточнения.

Дальнейшая исследовательская деятельность должна включать непосредственный анализ документов и материалов, проливающих свет на историю кладбищ, количество умерших и захороненных немецких военнопленных в Ярославской области во второй половине 1940-х гг., что позволит в конечном итоге хоть немного, но приблизить конец исторического забвения, приоткрыть правду, подарить кому-то надежду на историческую память. Ведь война не закончится, пока ее последний солдат не будет предан земле.

Ссылки

1. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 7. 392 с.
2. Ерин М. Е., Баранова Н. В. Немцы в советском плену // Отечественная история. 1995. № 6. С. 132–144.
3. Путеводитель по фондам РГВА. Москва; Бонн; Кассель; Берлин, 2010. 620 с.
4. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 2186; Д. 2179. Л. 8; Д. 2181 Л. 5–26; Д. 2177. Л. 6–17; Д. 2176. Л. 6–41; Д. 2184. Л. 6–34.
5. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Ф. Р-2826. Оп. 5. Д. 1–3,15–17,21–22, 24,29; Оп. 7. Д. 7–9,20,51,102

ПРАВО

УДК 340,112; 349.2

В статье дана авторская концепция межотраслевого правового регулирования на примере отрасли трудового права. Автором предложены и проанализированы формы межотраслевого взаимодействия: паритетное, субсидиарное и коллизионное межотраслевое регулирование. В качестве способов межотраслевого регулирования определены межотраслевые отсылки, рецепции, аналогия, отраслевой приоритет и др.

К л ю ч е в ы е с л о в а : трудовое право; гражданское право; административное право; межотраслевое правовое регулирование; межотраслевые связи.

The article gives the author's concept of inter-branch legal regulation by an example of the branch of labor law. The author proposed and analyzed the forms of inter-branch interaction: parity, subsidiarity and collision inter-branch regulation, named means for inter-branch regulation: inter-branch sending, reception, branch priority et al.

К e y w o r d s : labor law; civil law; administrative law; inter-branch legal regulation; inter-branch legal links.

М. В. Лушникова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: mvlushnikova@mail.ru

Межотраслевые связи трудового права: теория и практика*

Научная статья

M. V. Lushnikova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Inter-branch Links of Labor Law: Theory and Practice

Scientific article

Постановка проблемы. Концепция (теория) межотраслевых связей (межотраслевого правового регулирования), как и любая теория, является «ключом» к решению прикладных проблем правотворчества и правоприменения. В науке российского трудового права вопросы межотраслевого взаимодействия отдельных институтов отрасли не обойдены вниманием исследователей [1; 2]. В нашу задачу входит обоснование общих универсальных подходов к формированию отраслевой концепции оптимизации межотраслевых связей трудового права [3; 4, с. 236–245]. Между тем объективное ограничение объема данной статьи предполагает краткий, телеграфный стиль изложения материала с минимальным иллюстрированием основных положений.

Основание межотраслевого правового регулирования. Как любая система, система права предполагает межотраслевые (функциональные,

структурные и др.) связи, а равно интеграционное взаимодействие отраслей. Глубинной основой такого взаимодействия служит единство частных и публичных начал в правовом регулировании общественных отношений. Что касается трудового права и его места в системе деления права на частное и публичное, уместно вспомнить «наше все» в трудовом праве – Льва Семеновича Таля. Ученый выделял: 1) частное промышленное (трудовое) право, предметом которого служат отношения, связанные с хозяйской властью, нормативными (коллективными) соглашениями и трудовым (рабочим) договором; 2) публичное промышленное (трудовое) право, предмет которого составляют отношения, связанные с применением законов, касающихся условий охраны труда, организацией надзора за промышленностью и др. [5, с. 1–2; 6, с. 2–3]. Таким образом, основанием межотраслевого правового регулирования является единство

* Работа написана при финансовой поддержке ЯрГУ, проект ВИП-002.

© Лушникова М. В., 2017

частных и публичных начал в регулировании трудовых отношений. Заметим, что всем без исключения отраслям права присущи в разной степени единство публичных и частных начал в правовом регулировании. Трудовое право, имея неоднородную частно-публичную природу, взаимодействует с типичными представителями частного права, например гражданским правом и представителями публичного права, к примеру с административным правом. Названные отрасли имеют значительную сферу пограничного и совместного регулирования с трудовым правом.

Понятие и цели межотраслевого правового регулирования. Под межотраслевым правовым регулированием (межотраслевые связи) следует понимать совокупность правовых норм различной отраслевой принадлежности, объединенных единой целью и общим (смежным) предметом правового регулирования. Полагаю, что можно предложить следующие основные цели межотраслевого регулирования трудовых отношений:

1. Обеспечение межотраслевого взаимодействия в форме субсидиарного применения норм иной отраслевой принадлежности в правовом регулировании трудовых отношений. Иными словами, речь идет о регулировании трудовых отношений не только правовыми средствами данной отрасли права, но и в дополнение правовыми инструментами других отраслей. Например, одними только средствами трудового права невозможно обеспечить правовое регулирование института «Персональных данных работника» (гл.14 ТК РФ). В ТК РФ отсутствует определение персональных данных, очевидна отсылка к специальному административному законодательству об информации и информатизации и персональных данных;

2. Обеспечение совместного паритетного регулирования трудовых отношений нормами различной отраслевой принадлежности. Ярким примером совместного паритетного регулирования служит институт трудового права «Особенности регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства» (гл. 50.1 ТК РФ). Так, одним из оснований (юридических фактов) заключения трудового договора с названной категорией работников является наличие разрешения на работу или патента, разрешения на временное проживание, вида на жительство, выданных в соответствии с законодательством о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. Основаниями отстра-

нения от работы, прекращения трудового договора служат аннулирование или окончание срока действия вышеназванных разрешений;

3. Преодоление межотраслевых коллизий в правовом регулировании трудовых отношений. Речь идет именно о преодолении межотраслевых коллизий, а не об их устранении (восполнении), т. к. последнее – прерогатива законодателя.

Перечисленные цели межотраслевого правового регулирования определяют формы регулирования, каждая из которых содержит необходимый набор способов межотраслевого правового регулирования.

Формы и способы межотраслевого правового регулирования. В соответствии с вышеназванными целями выделим три формы межотраслевого правового регулирования:

- межотраслевое субсидиарное правовое регулирование;
- межотраслевое совместное паритетное регулирование;
- межотраслевое коллизионное регулирование.

Каждая форма включает в себя конкретные способы. В рамках отдельных институтов каждой отрасли права эти формы и способы могут пересекаться, взаимодействовать в целях эффективного регулирования общественных отношений.

Межотраслевое субсидиарное регулирование по своему назначению предполагает, что в правовом регулировании «первую скрипку» играет конкретная отрасль права (в нашем случае – трудовое право), а нормы других отраслей лишь субсидиарно, дополнительно привлекаются к правовому регулированию трудовых отношений. При этом привлечение норм другой отраслевой принадлежности к регулированию трудовых отношений имеет свои пределы. Пределами межотраслевого субсидиарного регулирования выступают основополагающие начала отрасли (в нашем случае – принципы трудового права (ст. 2 ТК РФ)). Субсидиарное применение норм иной отраслевой принадлежности допускается, поскольку не противоречит принципам трудового права. Субсидиарное межотраслевое регулирование проявляется, на наш взгляд, в следующих основных способах: межотраслевая отсылка к терминам и понятиям, межотраслевая рецепция, межотраслевая аналогия.

Примеров межотраслевых отсылок в трудовом законодательстве к терминам и понятиям иных отраслей права немало. Они должны применяться в трудовом праве в том же значении,

как и в материнских отраслях права, если иное не предусмотрено трудовым законодательством. Например, в ТК РФ к обстоятельствам, исключаящим материальную ответственность, причислены непреодолимая сила и крайняя необходимость (ст. 239). Основанием расторжения трудового договора (ст. 81 ТК) признается разглашение государственной, служебной, коммерческой и иной охраняемой законом тайны.

Межотраслевая рецепция (заимствование) юридических конструкций (институтов) иной отраслевой принадлежности возможна как полностью, так и частично, т. е. в адаптированном к трудовым отношениям виде. Первый случай можно проиллюстрировать институтом компенсации морального вреда (ст. 237 ТК РФ). Видимо, и размер компенсации можно определять с применением критериев ГК РФ: характера причиненных страданий; степени и формы вины причинителя вреда. Частичная рецепция гражданско-правовых конструкций имеет место с учетом особенностей правовой природы трудовых отношений. Так, в ТК РФ самозащита трудовых прав предусмотрена только для одной стороны договора и только в случаях (по основаниям), предусмотренных ТК РФ и иными федеральными законами (невыплата заработной платы, непосредственная угроза жизни и здоровью работника).

Межотраслевая аналогия – это особый способ межотраслевого регулирования, рассчитанного на преодоление пробелов в праве. По сложившейся традиции межотраслевая аналогия как способ преодоления правовых пробелов признается в частных отраслях права (ГК РФ, Семейный кодекс РФ, обслуживающие их ГПК и АПК РФ); в публичных отраслях не признается, а в ряде случаев прямо запрещается (УК РФ). Трудовое право имеет неоднородную частно-публичную природу. Но российский законодатель обходит молчанием вопрос о возможности применения межотраслевой аналогии. Но что означает подобное молчание – запрет или молчаливое согласие? С чем имеем дело – с квалифицированным молчанием законодателя или пробелом? Между тем судебная практика идет по пути применения межотраслевой аналогии. Яркий тому пример – институт злоупотребления трудовыми правами, о котором мы находим информацию в руководящем Пленуме Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового Кодекса РФ»[7]. Не будет исключением на практике и рассмотренные дел о защите достоинства работника в период

трудовой деятельности. В ТК РФ это заявлено в качестве принципа трудового права, правовой механизм такой защиты не определен. Волей-неволей придется обратиться к нормам гражданского законодательства. ГК РФ регламентирует защиту чести, достоинства и деловой репутации гражданина (ст.150,152 ГК), определяет способы защиты: опровержение сведений, удаление информации из сети Интернет и др. [8, с.121–263].

Межотраслевое паритетное правовое регулирование имеет иную природу и назначение. Здесь правовое регулирование трудовых отношений обеспечивается только на основе совместного применения норм различных отраслей права. При этом нормы права, задействованные в правовом регулировании трудовых отношений, не утрачивают своей отраслевой принадлежности, но объединены совместным предметом правового регулирования. Кстати, именно на этой основе также существуют, обособляются комплексное законодательство и комплексные институты. В качестве способов такого межотраслевого регулирования можно назвать сложные фактические составы возникновения, изменения и прекращения трудовых отношений; юридическую ответственность, установленную иными отраслями права, за нарушение трудового законодательства. Не исключаются и иные способы межотраслевого паритетного регулирования. Так, сложный состав юридических фактов характерен для трудовых отношений по предоставлению персонала (гл. 53.1 ТК РФ). Охрана трудовых отношений обеспечивается мерами не только отраслевой ответственности (дисциплинарная, материальная ответственность), но и административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности.

И, наконец, охарактеризуем последнюю из названных форм межотраслевого правового регулирования. Необходимость в коллизионном межотраслевом правовом регулировании возникает в результате конфликта норм, регулирующих одно и то же общественное отношение. Заинтересованные субъекты сталкиваются с проблемой выбора применимой нормы. В этой связи требуется нормативное обоснование для выбора. Межотраслевая коллизия еще только ждет своего решения. Ограничимся лишь некоторыми замечаниями в части способов коллизионного межотраслевого регулирования. В трудовом праве в самом первом приближении можно выделить два способа: способ отраслевого приоритета и способ легализации презумпции трудовых отношений.

Так, ТК РФ (ст. 11) закрепляет отраслевой приоритет в правовом регулировании служебно-трудовых отношений, в том числе и отношений по поводу службы в органах внутренних дел. В свою очередь, Федеральный закон от 30 ноября 2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] (ст. 3) предусматривает применение норм трудового права к отношениям, связанным со службой в органах внутренних дел только в случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами Российской Федерации. В силу рассогласованности названных нормативно-правовых актов правоприменители вынуждены прибегать к рассматриваемому способу коллизионного межотраслевого регулирования служебных отношений. Очевидно, что приоритет имеют нормы трудового права. Именно они признаются общими основными регуляторами служебно-трудовых отношений, а нормы служебного права являются специальными нормами. За примером далеко ходить не стоит. Так, названный выше Закон о службе в органах внутренних дел (ст. 30 п. 7) устанавливает возможность перевода сотрудника органов внутренних дел на нижестоящую должность в порядке наложения дисциплинарного взыскания. Однако применение этой нормы на практике будет означать восстановление сотрудника в правах в случае его обращения в суд за защитой. Суд при рассмотрении данной категории дел должен руководствоваться приоритетом международных норм трудового права об упразднении всех форм принудительного и обязательного труда и норм ТК РФ о запрете принудительного труда. Согласно ТК РФ (ст. 3) принудительный труд – выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания, в том числе в целях поддержания трудовой дисциплины, – запрещен.

Несколько слов скажем о втором способе межотраслевого коллизионного регулирования –

презумпции трудовых отношений. Согласно ТК РФ (ст. 19.1) неустранимые сомнения при рассмотрении судом споров о признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями толкуются в пользу наличия трудовых отношений.

В заключение отметим, что в данной статье рассмотрены лишь наиболее значимые, на наш взгляд, аспекты проблемы межотраслевых связей. Данная проблематика еще ждет своих пытливых исследователей.

Ссылки

1. Межотраслевая координация правового регулирования труда в корпоративных организациях / под ред. Н. Л. Лютова. М.: Буки Веди, 2016. 196 с.
2. Системный характер трудового права и права социального обеспечения: (Первые Гусовские чтения). М.: Проспект, 2016. 512 с.
3. Вестник трудового права и права социального обеспечения. Вып. 5: Оптимизация межотраслевых связей трудового права и права социального обеспечения / под ред. А. М. Лушниковой, М. В. Лушниковой. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 176 с.
4. Лушниковой М. В. Межотраслевое правовое регулирование: формы и способы //Связи в праве: проблемы теории, практики, техники/ под общ.ред. В. А. Толстика. Н. Новгород, 2016. С. 236–245.
5. Таль Л. С. Очерки промышленного права. М.: Тип. Г. Лиснера, Д. Собко, 1916. 127 с.
6. Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. М.: Московское научное изд-во, 1918. 224 с.
7. Российская газета. 2006. 31 дек., № 297.
8. Лушников А. М., Лушниковой М. В. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития. М., 2015. 272 с.
9. СЗ РФ. 2011. № 49, ч.1, ст.7020.

В статье анализируется Дорожная карта уголовной политики России на 2017–2025 гг., подготовленная Центром стратегических разработок и представленная в апреле 2017 г. на парламентских слушаниях в Совете Федерации. Автор оценивает данную концепцию отечественной уголовно-правовой политики, указывает на ее достоинства и недостатки. В целом же делается вывод, что подготовленная Дорожная карта – важный и нужный документ, содержащий массу прогрессивных положений и рациональных идей, реализация которых, вне всякого сомнения, придаст новый импульс развитию российского уголовного законодательства и уголовно-правовой доктрины.

Ключевые слова: дорожная карта; уголовная политика; УК РФ; криминализация; декриминализация; состав преступления; пенализация; достоинства; недостатки.

The article analyzes the Roadmap for Russian policy against delinquency for 2017-2025, prepared by the Center of Strategic Research and presented in April 2017 at parliamentary hearings in the Federation Council. The author estimates this concept of the national legal policy against delinquency and points to its advantages and disadvantages. On the whole, the conclusion is drawn that the prepared Roadmap is an important and necessary document containing a lot of progressive aspects and rational ideas, the implementation of which will, without doubt, give new reasons for the development of Russian legislation against delinquency and the national legal doctrine.

Keywords: roadmap, policy against delinquency, Criminal Code of the Russian Federation, criminalization, decriminalization, corpus delicti, penalization, advantages and disadvantages.

А. В. Иванчин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Дорожная карта уголовной политики России на 2017–2025 годы: достоинства и недостатки

Научная статья

А. V. Ivanchin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Roadmap for the Russian Policy Against Delinquency for 2017–2025: Advantages and Disadvantages

Scientific article

5 апреля 2017 г. на парламентских слушаниях, состоявшихся в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, Центр стратегических разработок представил концепцию уголовно-правовой политики на период до 2025 г. «Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.)» [1]. Постановка вопроса о необходимости принятия концепции российской уголовной политики отнюдь не нова. Современное состояние уголовного законодательства России характеризуется отсутствием четко обозначенных и принятых на соответствующем уровне концептуальных основ его формирования. Это порождает внесение многочисленных непоследовательных, а порой и противоречивых изменений в действующий УК. Поэтому есть все основания согласиться с тезисом авторов Дорож-

© Иванчин А. В., 2017

ной карты о том, что «единая уголовная политика (или по меньшей мере общая линия такой политики) на сегодня в Российской Федерации отсутствует, а тактическая уголовная политика находится в состоянии хаоса» [1, с. 4].

Очевидно, что исправление сложившейся ситуации немислимо без разработки и принятия программного документа, который бы определил хотя бы среднесрочную перспективу развития отечественного уголовного права. Именно по этой причине в 2012 г. по инициативе Общественной палаты РФ был разработан и после обсуждения одобрен, пожалуй, первый вариант такого документа в новейшей истории нашей страны, как «Концепция уголовно-правовой политики РФ» [2]. После этого различными рабочими группами и

коллективами предлагались собственные варианты подобных документов. Целесообразность разработки и предполагаемое содержание Концепции уголовной политики были обсуждены уже по инициативе Верховного суда РФ 2 марта 2017 г. в рамках научно-практической конференции «Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования», в которой довелось принять участие и автору этих строк. Таким образом, анализируемый документ – по существу очередной вариант Концепции уголовной политики, принятие которой давно назрело.

Надо признать, что составителями новой Концепции уголовной политики, названной ими «Дорожная карта», проделана большая работа. В качестве трех стратегических этапов развития и реализации уголовной политики в нашей стране до 2025 г. названы: 1) гуманизация законодательства и практики (2017–2018 гг.), 2) систематизация уголовно-правового поля (2019–2021 гг.) и 3) новая пенализация, т. е. пересмотр наказуемости деяний (2022–2025 гг.). Данные этапы предполагают постепенное видоизменение российского уголовного права и являются, по образному выражению разработчиков Дорожной карты, «его «ползучей» реформой» [1, с. 7].

Многие из положений, сформулированных авторами Дорожной карты применительно к каждому из этих этапов, заслуживают одобрения или, по меньшей мере, дальнейшего обсуждения. Так, трудно не поддержать рекомендации о расширении применения наказаний, альтернативных лишению свободы (о чем давно и убедительно говорится). Действительно, резервы уголовных штрафов и трудонаказаний (обязательных и иных работ) сегодня в России исчерпаны далеко не в полной мере (о чем, среди прочего, свидетельствует анализ зарубежного опыта) [3, с. 14–16]. Есть резон, на наш взгляд, и в последовательном внедрении принципа максимального благоприятствования лицу, впервые совершившему преступление. По мнению разработчиков Дорожной карты, в рамках проведения в жизнь данного принципа можно ввести запрет на назначение наказания в виде лишения свободы лицам, впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести.

Для систематизации уголовного законодательства предлагается обеспечить реализацию принципа системности в криминализации и декриминализации, а также использовать единую терминологию

как внутри уголовного закона, так и в его соотношении с иными нормативными актами. На необходимость соблюдения данных требований уже обращалось внимание в доктрине уголовного права [4, с. 71–72; 5, с. 33–34]. В соответствии с Дорожной картой в обозримой перспективе должна быть осуществлена также декриминализация ряда деяний, не представляющих большой общественной опасности. Более того, по мнению авторов, «уже сейчас может быть осуществлена декриминализация ряда деяний, не представляющих большой общественной опасности, с их переводом в административные правонарушения или с полной депенализацией и переносом решения спора в гражданско-правовую область. К числу таких норм могут быть отнесены, например, ст. 146, 147, 148, 171, 180 и некоторые другие УК РФ» [1, с. 47–48].

Значительное внимание уделено в Дорожной карте проблемам противодействия экономической преступности. По мнению авторов, «в отсутствие продуманной общей и частной уголовной политики реформирование экономического уголовного законодательства хаотично, «заплаточно», криминологически непродуманно и антисистемно (в смысле уголовного закона). Законодатель здесь руководствуется случайными велениями и прихотями игроков на поле правотворчества, послушно штампуя предлагаемые ими законопроекты без какой-либо внятной и качественной научной и профессиональной экспертизы» [1, с. 47]. Разработчиками Дорожной карты обоснованно обращается внимание также на недопустимость закрепления в Общей части УК РФ правил, которые должны были бы быть прописаны в Особой части (например, ст. 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности»). Ошибочность дислокации в Общей части УК нормы об освобождении от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях подтверждают и специальные исследования по этой теме [6, с. 145–148].

Наконец, авторы Дорожной карты небезосновательно ратуют за новую пенализацию. В ее основу, по их мнению, должна быть положена идея экономии уголовной репрессии. Современное общество не может преследовать наказанием все совершенные преступления – оно должно дополнять наказание иными мерами уголовно-правового характера, в особенности в приложении к незначительным преступлениям, не требующим жесткой репрессии. Развитие иных мер уголовно-правового характера

может двигаться в сторону пробации, медиации, восстановительного правосудия и т. п. Кроме того, как справедливо отмечается в Дорожной карте, в целом действующая система санкций статей Особенной части УК РФ, построенная изначально на выверенных моделях, в результате многочисленных поправок последних лет оказалась разбалансированной [1, с. 42]. Следует заметить, что представителями науки уголовного права давно обращается внимание на существующие дефекты в санкциях статей УК РФ [7].

Параллельно с вышеуказанными вопросами в Дорожной карте подчеркивается необходимость обсуждения и решения проблем и задач, которые ставят перед уголовной политикой XXI век и новые технологии. В связи с этим, по убеждению авторов анализируемого документа, «в рамках вызовов XXI века внимание следует сконцентрировать на следующих направлениях: 1) транснациональная преступность и меры противодействия ей (развитие механизмов процессуального сотрудничества, унификация при необходимости уголовного законодательства, разработка международных документов в этой сфере); 2) преступления, связанные с новыми технологиями (описание новых преступных деяний, методы противодействия им, пресечения и расследования); 3) новые технологии как эффективное средство контроля за преступностью на всех стадиях, начиная с допреступного поведения (безопасность в широком смысле) и заканчивая исполнением приговора суда (развитие альтернативных наказаний, исполнению которых должно способствовать внедрение новых технологий). Наиболее значимыми на сегодня являются второе и третье направления. Преступления новых (или высоких) технологий, по экспертным оценкам, с каждым годом увеличиваются в объеме преступного оборота. Наиболее распространены среди них в настоящее время преступления на финансовом рынке, однако уже сейчас просматриваются контуры будущих исключительно опасных деяний, связанных с агрессией на высокотехнологичные сферы жизни общества, такие как медицина, транспорт, национальная безопасность. И если корректировка уголовного законодательства в этой сфере представляется не очень сложной задачей, то выработка системных механизмов противодействия, пресечения и расследования таких преступлений — задача намного более сложная и дорогостоящая» [1, с. 50–51].

В завершении в Дорожной карте показана взаимосвязь уголовного права со смежными отрас-

лями криминального цикла. Авторы, как представляется, правы в том, что «уголовная политика в ее комплексном понимании предполагает также параллельный анализ и при необходимости корректировку уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства» [1, с. 52]. Действительно, уголовное право существует лишь в процессуальных формах и завершает свое существование в рамках институций уголовно-исполнительной системы. В связи с этим в Дорожной карте предлагается ряд частных корректировок УПК РФ, нацеленных на устранение обвинительного уклона в деятельности правоохранительных органов и судов. Среди перспективных шагов в сфере уголовно-исполнительного права предлагается, в частности, расширение круга лиц, отбывающих наказание в колонии-поселении, за счет облегчения порядка перевода в эти колонии, реформирование условий и порядка условно-досрочного освобождения от отбывания наказания за счет сокращения исходных порогов, смягчения условий освобождения в части обязанности возмещения причиненного вреда, смягчения требований ст. 175 УИК РФ.

В целом положительно оценивая труд разработчиков Дорожной карты, хотелось бы заострить внимание на отдельных принципиальных ее моментах, вызывающих желание подискутировать (спорить по частностям, разумеется, нет смысла — здесь, как обычно, много поводов для полемики).

Во-первых, отдавая должное трендовости наименования представленного документа («дорожная карта»), как раз дорожной картой его назвать сложно. Последняя в традиционном понимании есть пошаговый сценарий развития чего-либо, в нашем случае — отечественного уголовного права России. Анализируемый же документ даже по своей структуре не похож на четкий план стабилизации ситуации в сфере уголовного законодательства. В нем оценивается состояние уголовного законодательства и показывается неудовлетворенность уголовной политикой, рассматриваются предлагаемые специалистами варианты выхода из сложившейся ситуации и т. д. Намечены, правда, три временных этапа уголовной политики до 2025 г., но даже их выделение небесспорно. Непонятно, почему гуманизация предшествует систематизации, а последняя — пенализации? Эти содержательные процессы по приведению в порядок качества УК РФ вполне сочетаемы, и, более того, целесообразна их параллельная (синхронная) реализация. Да и сам перечень этих направлений повышения качества УК РФ вряд ли можно назвать

полным: есть потребность в устранении пробельности уголовно-правового регулирования, укреплении межотраслевых связей и т. д.

Но дело даже не в этом, а в том, что многие положения Дорожной карты напоминают «рассуждения вслух», когда авторы приводят доводы «за» и «против» той или иной идеи, различные мнения ученых и практиков. Показательны в этом плане мысли разработчиков Дорожной карты об уголовном проступке. С одной стороны, вроде бы они «за» его введение, цитируем: «право уголовных проступков должно занять свое особое место в структуре права публичных правонарушений в России», «к уголовным проступкам могут быть отнесены все преступления небольшой тяжести, а также выборочно преступления средней тяжести...» [1, с. 37–38] и т. д. И даже предложен в схематичном виде Модельный вариант Кодекса уголовных проступков. С другой стороны (также цитируем), «основной риск реализации этой идеи: создание права уголовных проступков может стать простым переименованием области уголовного права без значимого содержательного наполнения» [1, с. 37]. И итог: «Возможны несколько решений вопроса: 1. Отказавшись от введения уголовных проступков, четче разграничить сферу уголовного кодекса и кодекса об административных правонарушениях. Очевидным плюсом такого подхода является сохранение традиционной системы; минусом – отсутствие промежуточной категории криминальных деликтов... 2. Параллельно с введением категории уголовного проступка включить в эту категорию наиболее тяжкие административные правонарушения...» [1, с. 44]. Нетрудно видеть, что эти рассуждения мало напоминают Дорожную карту в строгом смысле слова, что, безусловно, не умаляет их научно-практической ценности.

Во-вторых, справедливо указав на генетическую взаимосвязь уголовного, процессуального и исполнительного права, авторы, на наш взгляд, не сделали главного вывода, который буквально напрашивается из их документа. На страницах Дорожной карты уголовной политики обсуждаются идеи подготовки и принятия новых УК РФ, УПК РФ и УИК РФ, анализируются доктринальные наработки в этой сфере [1, с. 16–20]. И хотя ее авторы с осторожностью отнеслись к самой идее разработки нового УК, очевидно, что реализация всех их предложений возможна либо путем принятия нового УК, либо новой его редакции. Однако фрагментарно, точечными правками полноценную гуманизацию и систематизацию с пенализацией не осуществить. В равной мере наивно,

по нашему мнению, рассчитывать на успех проводимой политики в сфере борьбы с преступностью, если она будет реализовываться путем модернизации только УК РФ. Убеждены, что требуется комплексная программа совершенствования всех Кодексов криминального цикла: либо разработка новых УК, УПК и УИК, либо новых их редакций в «пакете». Только принятие их «пакетным способом» позволит изменить ситуацию в лучшую сторону.

Так, в прошлом году автору этих строк довелось побеседовать с одним из разработчиков проекта Общей части нового УИК. На вопрос о том, на какую систему наказаний ориентировалась рабочая группа по написанию нового УИК (с учетом того, что идея уголовного ареста вроде бы себя изжила, три вида работ (исправительные, обязательные и принудительные) вкупе с ограничением по военной службе – неоправданный перебор трудонаказаний в лестнице наказаний и т. д.), был получен следующий ответ: действительно, в системе наказаний нужно многое модифицировать, но проект УИК рабочая группа вынуждена привязывать к существующей «системе координат», т. е. к УК РФ в его современной редакции. Комментарии, как говорится, излишни. И в любом другом вопросе – такая же картина. Например, если даже согласиться с введением в УК категории уголовного проступка (в необходимости чего есть большие сомнения), то нужно проработать и закрепить в УПК все особенности расследования и судебного рассмотрения дел данного рода, а в УИК – все особенности правового статуса осужденных за совершение уголовных проступков. Ясно, что обеспечить цельность подобного регулирования возможно лишь при комплексном (пакетном) подходе к совершенствованию законодательства криминального цикла.

В-третьих, в целом разделяя мнение разработчиков Дорожной карты о необходимости гуманизации УК РФ и практики его применения по ряду направлений, мы сомневаемся в целесообразности реализации отдельных чрезмерно гуманных авторских идей. В частности, авторами предлагается «ввести запрет на назначение наказания в виде лишения свободы... при совершении впервые преступлений в сфере экономики, а также иных преступлений, где в качестве криминообразующего признака используется имущественный ущерб (за исключением преступлений, которые были сопряжены при их совершении с общеопасным способом их совершения либо применением насилия или угрозой его применения)» [1, с. 34].

Как известно, гуманизм имеет две стороны: милосердие к преступнику и милосердие к потерпевшему. Порой одно экономическое преступление (пусть и впервые совершенное) имеет столь негативные материальные последствия для потерпевшего, что цель восстановления социальной справедливости, стоящая перед наказанием (ст. 43 УК РФ), может быть достигнута, как представляется, только посредством назначения реального лишения свободы. Одна финансовая пирамида «МММ» С. Мавроди чего стоит, а ведь им было совершено экономическое преступление без насилия, впервые и т. д., но данному масштабному преступлению присущ исключительно высокий уровень общественной опасности. Поэтому назначение С. Мавроди реального лишения свободы, на наш взгляд, было вполне справедливым и гуманным по отношению к потерпевшим судебным актом.

Из «свежих» примеров – дело бывшего главы ФСИН России Александра Реймера. 14 июня 2017 г. он был осужден к 8 годам лишения свободы (реально) за то, что в 2010–2012 гг. в составе преступной группы похитил более 2,7 млрд руб., предназначавшиеся для закупки «электронных браслетов» (в частности, стационарное устройство закупалось вместо 19 тыс. руб. за 108 тыс. руб.) [8]. Этот эпизод был квалифицирован по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Опять-таки перед нами экономическое преступление, совершенное впервые, без насилия и общеопасного способа. Но последствия его – ужасающие. Из бюджета страны похищено 2,7 млрд руб., в то время как, например, стоимость строительства одного детского сада составляет около 100 млн руб. И за такие масштабные преступления авторы Дорожной карты предлагают запретить назначать лишение свободы?

Думается, что подобное «заигрывание» с опасными формами экономической преступности имеет мало общего с задачами уголовного права. И принцип справедливости, и идея неотвратимости наказания, и задачи предупреждения преступности, и интересы потерпевших, в том числе государства, диктуют необходимость применения к опасным экономическим преступникам, пусть и впервые оказавшимся на скамье подсудимых, строгого наказания, предусмотренного санкцией уголовного закона, в том числе лишения свободы.

Иными словами, гуманизм не может быть огульным. Все инициативы, направленные на гуманизацию УК РФ, должны быть взвешенными, а предлагаемые ограничения в применении суровых мер

уголовной ответственности – разумными. Поэтому, в целом поддерживая идею гуманизации уголовной политики России, полагаем, что вопрос о формах и разумных пределах реализации этого направления политики, нуждается в дальнейшем всестороннем обсуждении. В частности, следует особое внимание уделить обсуждению вопроса о том, как обеспечить милосердное отношение к преступникам без ущерба интересам потерпевших.

Подводя итог, подчеркнем, что в целом представленная Дорожная карта уголовной политики – важный и нужный документ, содержащий массу прогрессивных положений и рациональных идей, реализация которых, вне всякого сомнения, придаст новый импульс развитию российского уголовного законодательства и уголовно-правовой доктрины.

Ссылки

1. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г. А. Есаков [и др.]. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 73 с.
2. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4. С. 4–12.
3. Иванчин А. В. Уголовно-исполнительное право: Особенная часть: учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2015. 48 с.
4. Соловьев О. Г. Проблемы модернизации норм о преступлениях в сфере экономической деятельности: критический анализ законодательной техники // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 69–72.
5. Иванчин А. В. Криминологико-композиционные правила конструирования состава преступления // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 3 (38). С. 31–34.
6. Князьков А. А. Конструирование и применение поощрительных норм в сфере уголовно-правового регулирования экономической деятельности: вопросы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2017. 272 с.
7. Кругликов Л. Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 110–113.
8. Уголовное дело в отношении экс-главы ФСИН Александра Реймера. URL: <http://tass.ru/info/3576619> (дата обращения: 16.06.2017 г.).

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблематикой присвоения и/или изменения имени и фамилии ребенка, в том числе анализируются соответствующие новейшие изменения российского законодательства, тенденции правоприменительной практики, необходимая и достаточная мера свободы родителей, усыновителей / удочерителей при принятии решения об имени.

Ключевые слова: ребенок; имя; фамилия; право родителей; ограничения.

The article deals with issues of giving and/or changing the name and surname of the child, and analyses the latest relevant changes in the Russian legislation, trends in law enforcement, the necessary and sufficient measure of liberty of parents, adoptive parents that they should have when making a decision on the name.

Keywords: child; name; surname; right of parents; restrictions.

Н. Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nant@univ.uniylar.ac.ru

Имя ребенка как одно из средств его индивидуализации

Научная статья

N. N. Tarusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Child's Name as One of the Means for Individualization

Scientific article

Индивидуализация ребенка, как и взрослого человека, осуществляется с помощью самых разнообразных характеристик – этических, юридических, экономических, психологических и т. д. В числе юридических – гражданство, национальность, вероисповедание, образование, состояние здоровья и др. Право ребенка на имя (отчество и фамилию) также является одним из средств индивидуализации его личности. В соответствии с нормой п. 1 ст. 19 ГК РФ под своим именем гражданин приобретает и осуществляет свои права и обязанности («Что в имени тебе моем ?...» – это не про юриспруденцию.) При этом по смыслу данной нормы имя человека, по общему правилу, состоит из собственно имени, отчества и фамилии. Разумеется, возможно полное совпадение у нескольких лиц всех трех элементов имени, но, как известно, дополнительно к ним действуют определенные юридические механизмы, позволяющие идентифицировать человека, в частности фиксирующие через запись в книге регистрации актов гражданского состояния связь ребенка с матерью, отцом, а также дату и место его рождения (ч. 2 ст. 15, ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»).

© Тарусина Н. Н., 2017

Обращение родителей ребенка в органы ЗАГС для государственной регистрации его рождения (и, соответственно, имени) является их обязанностью. Для ее реализации правилом п. 6 ст. 16 указанного закона установлен месячный срок, исчисляемый со дня рождения, однако ответственности за нарушение не только срока, но и самой обязанности не предусмотрено (как известно, в семейно-правовой сфере соотношение прав и обязанностей, в том числе родителей, не вполне явное и четкое). Семейноведами предлагается данный пробел устранить, а также расширить для особых случаев круг лиц, правомочных при неисполнении родителями рассматриваемой обязанности зарегистрировать факт рождения ребенка [1, с. 14–17].

Ребенок (а также и взрослый человек) может иметь имя, данное ему (ей) при крещении, которое может не совпадать со светским, однако указанный вариант развертывания событий юридического значения не имеет (за исключением канонического права, в том числе для лиц духовного звания; однако данная сфера выведена за границу государственной правовой системы). Следует при этом заметить, что, например, с русскими именами случился очевидный гендерный перекоп: в имени ребенка есть

указание только на отца (через отчество). Впрочем, этот перекося характерен и для других культурологических групп. Активным феминисткам, видимо, придется с этим смириться...

Российское законодательство, в том числе семейное, при официальном закреплении (регистрации) имени ребенка до недавнего времени полностью полагалось на родителей (в особых случаях – усыновителей/удочерителей – при изменении имени, а с ним отчества и фамилии для обеспечения тайны усыновления/удочерения (ст. 134 СК РФ), органы опеки и попечительства – в случаях спора между родителями о наименовании ребенка (п. 4 ст. 58 СК РФ). Буквальное толкование этого права не давало возможности органу ЗАГС отказать родителям в присвоении имени по мотивам неблагозвучности, нецелесообразности и т. п. В этой связи многие юристы (а с ними – и мы в других своих работах) приводили яркий пример «непослушания» данного органа, отказавшего в соответствующей регистрации. В семье художника и реставратора родился мальчик, которому в течение полутора лет не было официально присвоено имя – он отзывался на кличку «БОЧ», которую родители и полагали закрепить в официальном статусе, в чем им было Чертановским отделом ЗАГС отказано по мотивам ущемления права ребенка. Отец ребенка обратился сначала в районный суд, а затем и в Московский городской суд, которые последовательно не удовлетворили его заявление. В процесс были привлечены специалисты из Института русского языка РАН, которые признали избранное родителями имя БОЧ РВФ 260602 («Биологический объект человека рода Ворониных-Федоровых 26.06.2002 г. рождения») аббревиатурой. Судебные инстанции в этом случае, конечно же, руководствовались интересами ребенка [2, с. 52–54].

До внесения изменений по смыслу норм п. 2 и 4 ст. 58 СК РФ, а также ч. 2 ст. 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» определение имени ребенка действительно было абсолютной и исключительной прерогативой родителей. Как показывала практика, подобное нормативное решение следовало «ужесточить», предусмотрев и в СК РФ, и в Федеральном законе «Об актах гражданского состояния» основания к отказу родителям (и другим правомочным лицам) в официальном присвоении имени с учетом главного критерия – «соответствие интересам ребенка». В качестве примерного образца предлагалось принять положение ст. 69 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь:

в исключительных случаях отказ в присвоении имени возможен, если это противоречит нормам общественной морали, национальным традициям. Предложение о том или ином варианте ограничения «фантазии» родителей давно высказывались семейноведами [3, с. 65–71; 4, с. 128]. Правоприменительная практика прошлых лет опиралась на ведомственный акт Минюста РСФСР: для органов ЗАГС был рекомендован справочник личных имен, разработанный еще в 1957 г. и неоднократно переиздававшийся. Разумеется, в ситуации сегодняшнего дня подобное решение не вполне удовлетворительно, поэтому законодатель размышлял о более либеральных подходах, при которых удовлетворялись бы и амбиции родителей, и интересы ребенка.

«Благодаря» невниманию законодателя к обозначенной проблеме, правоприменительная практика знала примеры, когда, в отличие от приведенного ранее случая с ребенком по имени «БОЧ», органам ЗАГС на территории РФ все-таки приходилось регистрировать детей с весьма экстравагантными, неудобными в обращении в силу сложности их произношения именами. Так, в 1920–1960-е гг. встречались непривычные по звучанию, но «идеологически правильные» имена: Революция, Тракторина, Лапанальда (Лагерь папанинцев на льдине), Даздрапема (Да здравствует Первое мая!), Урюрвкос (Ура, Юра в космосе! – лозунг в честь полета Ю. Гагарина в космос), Перкосрак (Первая космическая ракета в космосе) и т. п. Однако со сменой идеологии интерес родителей к наименованию своих чад причудливыми именами не угас. По данным органов ЗАГС Ярославской области необычные имена получают до 40 % появившихся на свет малышей. Среди необычных имен, зарегистрированных на территории Ярославской области, присутствуют такие, как: в 2009 г. – Князь, Румяна, Царь, в 2014 г. – Нектарин, в 2016 г. – Ива, Добромир, Цветана, Яра, при этом они весьма причудливо сочетаются с вполне привычными отчествами: Эванджелина Ивановна, Радаслава Алексеевна, Вяфет Николаевич. В целом по Российской Федерации, начиная с 1998 года, отмечается своеобразный бум новоизобретенных имен, в результате которого появились нередко трудно произносимые, бессмысленно многословные детские имена. Так, согласно статистике московских органов ЗАГС за этот период родителями детям были присвоены имена: Николай-Никита-Нил, Христамриадос, Дельфин, Ярослав-Лютотор, Лука-Счастье СаммерсетОушен (у мальчиков); Апрель, Полина-Полина, Принцесса

Даниэлла, Заря-Заряница, Алёша-Каприна, Океана, София-Солнышко (у девочек). Органами ЗАГС г. Перми в 2007 г. были зарегистрированы Дантес, Принц Макарий, а в 2015 г. – Люцифер; г. Омска в 2011 г. – Медмия (составное от Медведев Дмитрий Анатольевич; в 2017 г. это уже вряд ли было бы возможно); г. Королева – Виагра; г. Екатеринбург в 2014 г. – Крым и т. д. Справедливости ради следует заметить, что Россия не является единственным новатором в изобретении необычных детских имен, однако это отнюдь не оправдывает буйной фантазии ее граждан.

В связи с очевидным культурным и национальным многообразием народонаселения Российской Федерации речь при этом не должна идти об установлении исчерпывающего перечня разрешенных имен. Законопроект, который был внесен в Государственную Думу РФ, предполагал определение неких границ родительской свободы в наименовании собственного чада путем установления запрета на использование в качестве имени цифровых, буквенных обозначений, числительных, символов или их любой комбинации, аббревиатур, ненормативной лексики, указания на ранги и должности.

Правда, в указанном документе присутствовали и настораживающие, с точки зрения обеспечения интересов ребенка, а также его семьи, положения. В частности, по действующему законодательству на регистрацию рождения ребенка закон отводит родителям месяц со дня появления его на свет (ч. 6 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»), однако не предусматривает последствий нарушения родителями этого срока. Наглядной иллюстрацией существования в законодательстве данного пробела является и ситуация с уже упомянутым ранее ребенком по имени БОЧ, который в результате противостояния родителей и органов ЗАГС до сих пор живет без российского свидетельства о рождении и российского гражданства. Из «официальных» документов у ребенка имеются только свидетельство о рождении и паспорт, выданные международной некоммерческой организацией – «Всемирное правительство граждан мира» (по крайней мере, по состоянию на середину 2017 г.). Согласно законопроекту в случаях, если в установленный законом срок родители не обратятся с соответствующим заявлением в ЗАГС, то регистрация рождения ребенка, в том числе и присвоение ему имени, становится прерогативой органов опеки и попечительства и осуществляется последними по правилам регистрации подкинутого (!) ребенка.

Разделяя в целом убежденность законодателя в необходимости урегулирования этого вопроса, полагаем, однако, что ссылка на положения о подкинутом ребенке в данном случае некорректна, поскольку пропуск родителями установленного для регистрации рождения срока сам по себе не свидетельствует об их отказе от своего ребенка и не лишает их родительских прав. Кроме того, бездействие родителей может быть связано с определенными уважительными обстоятельствами: необходимостью пребывания матери и (или) ребенка в медицинском учреждении, длительное восстановление здоровья женщины после осложненной беременности или сложных родов и т. п. Следовательно, и срок, пропуск которого влечет регистрацию рождения ребенка по инициативе органов опеки и попечительства, должен быть более продолжительным, например не менее 3 месяцев.

В итоге законопроект претерпел существенные изменения, был обсужден и принят обеими палатами Федерального Собрания РФ и 01.05.2017 г. подписан Президентом. В соответствии с ФЗ «О внесении изменений в статью 58 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» не допускается использование в имени цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов, бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы.

Не в полной мере отвечает такому критерию, как соответствие интересам ребенка, и норма п. 3 ст. 51 СК РФ. Ее редакция вроде бы подразумевает обязанность матери ребенка, рожденного вне брака (при отсутствии признанного или установленного отцовства), дать «указание» органу ЗАГС произвести так называемую фиктивную (номинальную) запись об отцовстве. Однако Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» и практика полагают данную конструкцию правом. Следовательно, в свидетельстве о рождении ребенка может оказаться незаполненная графа об отце. Поскольку у ребенка все же должно быть отчество, оно записывается по указанию матери (ч. 2 п. 5 ст. 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»). Не уверены, что подобная свобода решения обсуждаемого вопроса отвечает интересам ребенка.

Фамилия ребенка определяется фамилией родителей (ст. 58 СК РФ), а при разных фамилиях – их соглашением (если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации или не основано на национальном обычае).

При недостижении соглашения разногласия разрешаются органом опеки и попечительства. На практике, как правило, по сложившейся традиции родители-супруги склоняются к фамилии отца. Ранее присвоение двойной фамилии закон (п. 1 ст. 32 СК РФ) допускал только для супругов путем присоединения фамилии одного из них к фамилии другого. Соответственно, двойную фамилию ребенок мог получить, только если ее носителем являлся один из родителей. В настоящее время возможно присвоение ребенку двойной фамилии путем соединения фамилий его/ее матери и отца (в любой последовательности). При этом двойная фамилия ребенка может состоять не более чем из двух слов, соединенных при написании дефисом. Следует, впрочем, заметить, что в этом случае ограничения будут ожидать такого ребенка в будущем, когда он, достигнув взрослости, при вступлении в брак уже не сможет присоединить к своей двойной фамилии фамилию супруга.

Из смысла нормы п. 1 ст. 59 СК РФ явствует, что родители правомочны ставить перед органами опеки и попечительства вопрос об изменении имени (фамилии) ребенка до достижения им возраста 14 лет, при этом с 10 лет на это требуется согласие самого ребенка. В отношении фамилии ребенка следует также отметить, что потребность в ее перемене может возникнуть у родителей не только по причине сложности ее произношения или неблагозвучности, но и в связи с иными жизненными обстоятельствами. Так, например, на практике далеко не редки ситуации, когда мать, с которой ребенок остался после развода, при расторжении брака меняет фамилию на добрачную либо снова выходит замуж и в связи с этим принимает фамилию нового супруга, что, в свою очередь, не влечет изменения фамилии у ее ребенка. Вместе с тем наличие разных с ребенком фамилий создает матери определенные трудности в реализации своих родительских прав и в обеспечении интересов ребенка даже в достаточно рядовых жизненных ситуациях. В частности, при обращении за медицинской помощью (в том числе и в экстренных случаях), при оформлении социальных выплат, при оформлении ребенка в детское воспитательное учреждение возникает необходимость предоставления большего, чем обычно, количества документов для подтверждения родства с ребенком и своих родительских прав (дополнительно – свидетельства о расторжении брака или о заключении нового брака либо о перемене фамилии).

Согласно правилу п. 2 ст. 59 СК РФ в целях обеспечения интересов ребенка и проживающего с ним родителя для последнего предусмотрено право инициировать изменение фамилии ребенка на свою. Для этого он (она) должен обратиться в орган опеки и попечительства по месту жительства ребенка с соответствующим заявлением. По прямому указанию закона (п. 2 ст. 59 СК РФ) орган опеки и попечительства обязан разрешить этот вопрос, руководствуясь интересами ребенка. Согласия отдельно проживающего родителя на смену фамилии ребенка в данном случае не требуется, однако его мнение должно быть органом опеки и попечительства учтено. Это, в свою очередь, означает, что второй родитель извещается указанным органом о поступившем заявлении, наделен правом высказать свое к нему отношение, а орган опеки и попечительства со своей стороны – согласиться с его позицией или мотивированно отвергнуть при принятии решения. Вместе с тем на практике нередки случаи, когда органы опеки и попечительства по чисто формальным соображениям отказывают в удовлетворении заявления проживающего с ребенком родителя, основываясь на возражениях второго родителя, и рекомендуют обратиться с этим вопросом в суд. Следует при этом отметить, что по смыслу нормы п. 2 ст. 59 СК РФ учет мнения второго родителя не обязателен при невозможности установления его места нахождения, лишения его родительских прав, признании недееспособным, а также в случаях его уклонения без уважительных причин от воспитания и содержания ребенка. По смыслу предписаний п. 1–3 ст. 58 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» с 14-летнего возраста у гражданина появляется право на перемену любого элемента имени, с согласия родителей, решением органа опеки и попечительства, а при отсутствии согласия – решением суда. В соответствии с нормой п. 2 ч. 2 ст. 56 закона ребенок, без ограничения возраста (то есть по факту осознания нарушения своих прав и/или законных интересов), вправе обратиться за защитой в орган опеки и попечительства. Однако последний не может инициировать (по просьбе ребенка) решение проблемы о его имени (фамилии), хотя, как показывает административная практика, потребность в этом есть, например в случае особо неблагозвучной фамилии родителей¹. До 10 лет юридического основа-

¹ Ярославской практике известен случай, когда ребенок просил об изменении в фамилии хотя бы одной бук-

ния, видимо, нет. Поскольку с 10-летнего возраста ребенку предоставлено право на активное выражение своего мнения (в виде согласия) по ряду значимых семейно-правовых актов, может быть, целесообразно задуматься и о его праве ставить вопрос об изменении имени и/или фамилии перед органами опеки и попечительства, а последним дать право его решать? Конечно, позиция спорная. С одной стороны, неблагозвучных фамилий немало, ребенок должен носить фамилию родителей (отца, матери) и приучаться противостоять насмешкам сверстников. С другой стороны, невысока ли цена этого «стоицизма», не сформируется ли в результате выраженный неврастеник?...

Так, например, к Уполномоченному по правам человека Ярославской области обратился 15-летний подросток, пояснив, что по отцу носит фамилию «Тупицин» и хочет изменить ее на более благозвучную – добрачную фамилию своей матери. Однако бабушка по отцовской линии, которая после смерти родителей является его законным представителем (попечителем), на смену фамилии своего согласия не дает, мотивируя отказ тем, что тоже носит фамилию «Тупицина». Совершенно очевидно, что в данной ситуации в соответствии с положениями ст. 58 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» и ст. 56 СК РФ ребенок вправе самостоятельно обратиться в суд с иском о разрешении смены фамилии без согласия попечителя и суд, безусловно, встанет на его сторону. Однако очевидно и то, что использование судебной процедуры приведет к усугублению межличностного конфликта между бабушкой и внуком. В результате с помощью органов опеки и попечительства удалось убедить

вы, так как действующий вариант вызывал постоянные насмешки в школе. При этом родители не считали возможным вносить изменения в свою фамилию [4, с. 95–97].

бабушку дать согласие на перемену фамилии внуком, чтобы избежать утомительных судебных разбирательств.

Таким образом, обзор законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о необходимости дальнейшей эволюции правовых норм, регулирующих отношения по индивидуализации ребенка посредством присвоения ему имени (в широком смысле). Очевидно также и то, что все проблемы с помощью законодательства не снять, – неизбежно остается пространство для действия этических норм и обычая. А это предполагает иные, внеправовые, способы воздействия на родителей, усыновителей/удочерителей, с тем чтобы они при принятии решения об имени ребенка, в широких рамках оставленной им меры свободы, руководствовались разумом и истинной любовью, а не капризом и стремлением к оригинальности.

Ссылки

1. Пирогова Е. Е. Ответственность родителей за несвоевременную регистрацию рождения ребенка // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 14–17.
2. Тарусина Н. Н. О праве ребенка на имя // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 52–54.
3. Шершень Т. В. Актуальные проблемы реализации права на имя и перемену имени // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 65–71.
4. Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.
5. Тарусина Н. Н. Ребенок в пространстве семейного права. М.: Проспект, 2015. 144 с.

УДК 341.4

В статье анализируются содержательные аспекты построения конструкций института соучастия, фигур исполнителя, организатора, пособника и подстрекателя в международном уголовном праве, исследуются особенности толкования юридических признаков соучастников преступления в практической деятельности международных уголовно-правовых институтов.

Ключевые слова: международное уголовное право; уголовная ответственность; групповое преступление; соучастники; организатор; исполнитель; пособник; подстрекатель.

The article analyzes substantial aspects of creating institute of partnership patterns, figures of the performer, organizer, abettor and instigator in the international criminal law. Features of interpretation of legal signs of accomplices of a crime in practical activities of the international criminal-legal institutes are investigated.

Keywords: international criminal law; criminal liability; group crime; accomplices; organizer; performer; abettor; instigator.

О. Г. Соловьев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: olegsol1961@yandex.ru

О. В. Соколова

Ивановский государственный университет

E-mail: olgasokolova.067@mail.ru

Регламентация ответственности соучастников преступления в международном уголовном праве

Научная статья

O. G. Solovyev

P. G. Demidov Yaroslavl State University

O. V. Sokolova

Ivanovo state university

Regulation of Responsibility of Accomplices of a Crime in the International Criminal Law

Scientific article

Регламентация института соучастия, фигур соучастников в международном уголовном праве, в составах международных преступлений, в документах различных международных уголовно-правовых институтов имеет ряд специфических особенностей. Так, в национальном уголовном праве абсолютного большинства государств главной фигурой совершения преступления является исполнитель. В международном же праве ситуация в этом смысле несколько иная. Принято считать, что международное преступление характеризуется гораздо более серьезным уровнем его подготовки и осуществления, нежели общеуголовное.

Перед преступником стоят более сложные задачи по планированию преступления, обеспечению его исполнения, сокрытию возможных следов, трансграничных контактов и т. д. Следовательно, можно предположить, что в международном преступлении ведущую роль должен занимать, прежде всего, организатор, в отдельных случаях называемый преступным руководителем (англ. – criminalhead). Заметим, что по поводу фигуры организатора и руководителя в правовой доктрине не сложилось единой точки зрения. Ряд авторов, опираясь на положения ст. 6 Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных

© Соловьев О. Г., 2017

© Соколова О. В., 2017

преступников европейских стран оси, принятого 08.08.1945 года в Лондоне (Устав Нюрнбергского трибунала), предлагают данные понятия разделять, выделяя отдельные фигуры руководителя и организатора как самостоятельные. Основным критерием разделения данных фигур в соучастии предлагается считать, что организатор – лицо, которое *непосредственно организует* совершение преступления или покушение на него, то есть планирует совершение преступления, а руководитель – лицо, которое *непосредственно руководит совершением преступления* в качестве распорядителя преступной деятельности остальных соучастников [1, с. 145].

На наш взгляд, разделение соучастников на руководителя и организатора имеет достаточно условную грань. В подавляющем большинстве случаев одно и то же лицо берет на себя функции по разработке плана совершения преступления, а также непосредственно следит за исполнением этого плана. Учитывая изложенное, укажем, что нет необходимости в нормативном разграничении данных понятий, а потому будет рассматривать данный вид соучастника как единый. В литературе такая точка зрения представлена в основном в публикациях последнего десятилетия [2, с. 56].

Несомненно, организатор (руководитель) международного преступления несет основную (особую) ответственность за все то, что совершается под их непосредственным руководством. Данный довод подтверждается и мировой практикой привлечения к уголовной ответственности организаторов (руководителей) международных преступлений. Так, одним из ярких примеров такого является обвинение, предъявленное на Токийском процессе, подсудимому Того (который являлся министром иностранных дел Японии во время Второй мировой войны): «... будучи членом правительства, подсудимый нес ответственность за общую политику своего правительства, отдавал преступные приказы, руководил аппаратом министерства иностранных дел, давал преступные поручения своим подчиненным» [3, с. 56].

Напомним, как особая роль организатора в преступлениях против человечности была подчеркнута в речи, произнесенной Главным обвинителем от СССР А. А. Руденко на Нюрнбергском процессе: «Конечно, подсудимым, занимавшим высшие руководящие посты в гитлеровской Германии, не было никакой нужды самим своими руками расстреливать, вешать, душить, замораживать живых людей в виде эксперимента. Это делали по их указаниям

их подчиненные, палачи, выполнявшие, так сказать, черную работу, а подсудимым нужно было только давать приказания, выполнявшиеся беспрекословно. Однако преступная роль их от этого отнюдь не снижается. Организаторы международных преступлений во много раз опаснее, чем те, которых они воспитывали в духе человеконенавистничества и изуверства и от которых, спасая себя, теперь отрекаются...» [4, с. 67].

Другой немаловажной фигурой в совершении международного преступления является исполнитель. В доктрине и судебной практике международного уголовного права существует достаточно большое количество определений данного термина. Полагаем, что наиболее лаконичным и отражающим признаки такового соучастника является следующее понятие: исполнитель – это лицо, которое непосредственно совершило преступление или покушение на преступление самостоятельно или совместно с другими лицами. В отдельных случаях в функции соисполнения практика включает и руководство иными исполнителями, в том случае если данным лицом выполнен хотя бы один преступный эпизод [5, с. 120]. Действительно, очень часто исполнитель международного преступления зачастую действует не только сам, но и с помощью разветвленного исполнительного аппарата. На основании этого возникает двоякая ситуация – основной исполнитель преступления действует при помощи лиц, которые сами также выступают в роли исполнителей. В отечественной доктрине признается, что лицо может признаваться исполнителем, если выполняло часть элементов объективной стороны. Полноту участия его в различных, порой альтернативных, действиях мы учитываем с помощью средств индивидуализации ответственности. Напротив, в современной практике международных трибуналов подчеркивается, что исполнитель прямо или косвенно принимает участие в совершении преступления, которое выражается в его действиях индивидуально или совместно с другими лицами. При этом особого внимания заслуживает тот факт, что непосредственного участия исполнителя во всех актах преступного поведения не требуется [5, с. 123]. По сути, это означает в исполнительство могут включаться действия организаторов или пособников. При этом четкая грань между такими соучастниками порой отсутствует. Так, в делах о военных преступлениях исполнителем преступления признается как начальник (командир), отдавший незаконный приказ,

так и лицо, которое исполнило такой приказ. Международная практика привлечения к ответственности за выполнение незаконного приказа идет однозначным путем: освобождения от уголовной ответственности в таком случае не будет, однако данное обстоятельство может быть признано в качестве смягчающего наказание.

С фигурой исполнителя тесно связана личность подстрекателя к преступлению. С точки зрения международного права подстрекатель – это лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления или покушения на преступление различными способами (путем уговоров, подкупа, угроз и т. д.). Для признания лица подстрекателем к совершению преступления необходимо установить, что побуждение к совершению преступления в значительной степени должно было повлиять на поведение исполнителя. Исходя из описания фигуры подстрекателя, можно сказать, что он действует с желанием спровоцировать либо склонить к совершению преступления другое лицо или осознает, что его действия с большой степенью вероятности спровоцируют совершение преступления исполнителем. Международное уголовное право, как уже говорилось, не относит к действиям подстрекателя отдачу приказа, в связи с тем что подстрекательство исключает наличие связей «начальник–подчиненный» между подстрекателем и исполнителем преступления. В отдельных случаях эта связь может выражаться и не по служебной линии взаимозависимости лиц – материальной, родственной и т. д.

Международному уголовному праву чужда акцессорная теория соучастия. В международных преступлениях зачастую, как уже отмечалось, весь центр тяжести ответственности переходит от исполнителя к организатору (иногда и к подстрекателю), поскольку именно последние могут воссоединить весь механизм преступления, совершаемого несколькими лицами. Не играет роли и то обстоятельство, что кто-либо из исполнителей в совокупной деятельности не участвовал или не достиг желаемой цели. Отсюда вытекает решение вопроса об эксцессе исполнителя, под которым следует понимать преступные действия лица, которые выходят за рамки общего плана, утвержденного соучастниками, то есть совершаемые им вопреки существующей между соучастниками договоренности. В силу того, что основой соучастия является умышленная совместная деятельность, а при эксцессе ее нет, соучастники не могут нести ответственность за такие действия исполнителя,

о которых они не знали и на которые своего согласия не давали.

Еще одним видом соучастников является пособник в совершении преступления. Пособник – это лицо, которое содействует совершению преступления и в значительной мере влияет на совершение преступления. Современное международное уголовное право рассматривает пособничество в двух формах: 1) как некоторую форму физической помощи в совершении преступления, но вспомогательного характера; 2) как моральную (в отечественном праве *интеллектуальную*) поддержку, которая производит существенный эффект на совершение преступления.

Яркой иллюстрацией проявления данных форм является одно из решений Международного трибунала по бывшей Югославии в отношении Р. Крстича. Так, в июле 1995 год Р. Крстич, являвшийся в тот момент командиром корпуса «Дрина», был осведомлен о намерениях ряда членов Главного штаба Войска Республики Сербска осуществить массовые казни боснийских мусульман в области Сребреница. Р. Крстич знал, что Главный штаб имел недостаточно собственных ресурсов, чтобы осуществить казни, а также осознавал, что в случае использования ресурсов корпуса «Дрина» он вносил существенный «вклад» в убийства заключенных из числа боснийских мусульман. Действия Р. Крстича по предоставлению возможности использования ресурсов корпуса «Дрина» Международным трибуналом были расценены как пособничество в преступлении [5, с. 127]. Заметим, что в решениях международных судов неоднократно подчеркивался тот факт, что пособник должен понимать и осознавать, что он своим поведением помогает исполнителю совершить преступление, то есть он непосредственно знает о намерениях исполнителя. На проходящем в 1957 г. в Афинах VII Международном конгрессе по уголовному праву было рассмотрено много вопросов, непосредственно касающихся соучастия. В частности, в резолюции было отмечено, что пособником признается лицо, которое сознательно оказывает содействие умышленному совершению преступления до его осуществления, в момент совершения, после его совершения или оно вытекает из предварительного сговора [6, с. 151].

Тем не менее полагаем, что международные уголовно-правовые институты в своих решениях до сих пор точно не определились с тем, кого же считать пособниками в совершении преступлений. Так,

имеют место быть решения, в которых указывается, что «моральная и словесная поддержка» или даже «простое присутствие» на месте преступления в ряде случаев может быть достаточным для того, чтобы установить, что обвиняемый участвовал в совершении преступления в качестве пособника [7, с. 55]. Думается, что данная позиция недопустима, поскольку роль пособника всегда должна быть выражена в *значительном влиянии* на совершение преступления, в то время как банальное присутствие при его совершении на умысел и действия исполнителя повлиять практически никак не может. Нечеткие формулировки линий разграничения признаков соучастников международных преступлений, размытые границы дифференциации преступного и не преступного поведения соучастников «ретушируются» элементами политизации международных уголовных процессов и, соответственно, документов международного уголовного права.

Несмотря на довольно высокий уровень развития как доктрины международного уголовного права, так и практики международных трибуналов, одной из самых сложных остается проблема определения видов и форм соучастия в совершении преступления. Доктрина международного уголовного права насыщена разнообразными классификациями видов соучастия [8, с. 301]. Однако реально существующими следует признать три основных вида: простое соучастие или соисполнительство; сложное соучастие или соучастие с распределением ролей; преступная организация. Ряд международных преступлений, таких как подделка денег и ценных бумаг, контрабанда, работоторговля, зачастую совершается в форме простого соучастия, то есть в данном случае соучастники непосредственно выполняют действия, которые и образуют объективную сторону данных преступлений. Однако «чистое» соисполнительство встречается очень редко, поскольку наиболее распространенным видом в международном уголовном праве является соучастие с распределением ролей. В данном виде соучастия выделяются исполнители, организаторы (руководители), подстрекатели и пособники, которые объединены между собой единой целью. В этом случае все члены несут ответственность не за отдельные действия, которые совершаются каждым из них лично, а за всю преступную деятельность, в которой они принимали непосредственное участие, в том числе и в совместном причинении

вреда. Эти два вида соучастия соответствуют форме соучастия – группе лиц, которая общепринята доктриной международного уголовного права.

Третий вид – преступная организация – выступает одновременно и как вид соучастия, и как форма соучастия. Устав Нюрнбергского трибунала в статье 9 прямо указывает на существование такой формы соучастия в международном уголовном праве. Преступные организации, деятельность которых рассматривалась, в частности, Нюрнбергским трибуналом, характеризуются довольно значительным числом членов. В связи с этим обстоятельством в работе трибуналов возникает необходимость выделения из этого числа непосредственно тех людей, которые могут и должны рассматриваться как наиболее активные участники международных преступлений, а также дифференциации функций и роли конкретного члена организации и определения меры ответственности каждого из них.

Ссылки

1. Иногамова-Хегай Л. В. Международное уголовное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 495 с.
2. Гридчин А. А., Пашкевич А. В. Управление международным антитеррористическим сотрудничеством: монография. М.: Этносоциум, 2016. 268 с.
3. Колосов Ю. М. Ответственность государств и индивидов за нарушение норм международного гуманитарного права // Международное гуманитарное право. Актуальные проблемы: Труды Академии управления МВД России. М., 2000. С. 59–65.
4. Нарбутаев Э., Сафаев Ф. Курс международного уголовного права. Ташкент: Мехнат, 2006. 289 с.
5. Найер А. Военные преступления: Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. М.: Юрист, 2000. 368 с.
6. Кудрявцев В. Н., Пионтковский А. А., Строгович М. С. VII Международный конгресс по уголовному праву в Афинах // Советское государство и право. 1958. № 4. С. 148–152.
7. Кибальник А. Г. Некоторые проблемы понимания соучастия в решениях современных международных трибуналов // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 6. С. 3–6.
8. Костенко Н. И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М.: РКонсульт, 2002. 448 с.

УДК 340.13

В статье рассматривается правовая социализация как механизм формирования юридических установок личности. Механизм юридической установки личности представляет собой трансляцию нормативно-правовых предписаний в реальность посредством трансформации спроектированного в правосознании личности образа правовой нормы. В процессе правовой социализации человека формируется представление о неразрывной связи возможностей удовлетворения разнообразных индивидуальных потребностей с соблюдением правовых норм.

К л ю ч е в ы е с л о в а : юридическая установка; личность; правовая социализация; воспитание и образование.

The article considers legal socialization as a mechanism for the formation of legal attitudes of the individual. The mechanism of the legal setting of the individual is the translation of regulatory legal prescriptions into reality by transforming the image of the legal norm, designed in the sense of justice of the individual. In the process of legal socialization of a person a conception is formed about the inseparable connection between the possibilities of satisfying a variety of individual needs and the necessity to observe legal norms.

K e y w o r d s : legal attitude; personality; legal socialization; upbringing and education.

А. Р. Барахоева

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: ALL0521@mail.ru*

Юридические установки личности и проблемы правовой социализации

Научная статья

А. R. Barakhoeva

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Legal Attitudes of the Person and Issues of Legal Socialization

Scientific article

Одной из задач, стоящих перед современным российским государством и обществом, является интериоризация в сознание личности юридических установок и ориентаций. Их формирование – необходимое условие защиты гражданского общества и его правовой системы от хаоса, обеспечения эффективного их функционирования.

Ценности юридических установок личности заключаются в том, что они являются результатом осознанного восприятия права личностью как общеобязательного регулятора деятельности. Они обеспечивают осуществление личностью правомерного поведения в изменяющихся социально-экономических и иных сферах жизнедеятельности общества.

Цель исследования механизмов и особенностей образования юридических установок заключается в установлении способов и средств правовой социализации личности. Без существования позитивных юридических установок социализация была бы неэффективна, поскольку личность поте-

ряла бы способность закреплять в сознании интериоризируемые правовые ценности и нормативно-правовые предписания. Юридические установки как механизм целеудержания позволяют обеспечить включенность личности в социально-правовое пространство, определяя направленность ее поведения.

В теории права выделяют следующие функции правовой социализации:

а) интегрирующую – правовые ценности, нормы, правила поведения становятся частью сознания личности, результатом – правовое сознание, правомерное поведение;

б) адаптационную – способность личности функционировать в соответствии с социальными и правовыми нормами;

в) регулирующую – сформированные социально-правовые, психологические установки определяют направления деятельности личности;

г) созидательную – личность, обладая индивидуально-правовым опытом, в результате активной

деятельности развивает, создает правовые ценности и новую культурную среду в конкретном правовом пространстве [1, с. 14–15].

Правовая социализация направлена на то, чтобы включить личность в правовую систему общества в качестве юридического субъекта, обладающего необходимым уровнем правосознания, правовой культуры и социальной активности. Правовая социализация связана с формированием свойств и качеств, необходимых для саморегуляции поведения личности, ее адаптации к специфике социально-правовых ситуаций с целью включения индивида в ценностно-нормативную систему, обеспечиваемую юридической практикой [2, с. 138].

Под правовой социализацией понимается также «процесс правового развития человека, в результате которого происходит активное усвоение им социальных и правовых ценностей, на основе которого формируется осознанная система социально-правовых и психологически-правовых установок, определяющих поведение индивида в данном социуме и правовом пространстве» [3, с. 54].

Основная задача правовой социализации – это формирование у личности готовности к правомерному поведению при наличии высокого уровня ее юридической активности. «Целью же нравственно-правовой социализации является выработка адекватных и гармоничных позиций по отношению к праву и морали, привитие навыков законопослушного поведения и нравственного развития личности» [4, с. 99].

В ходе социализации и регуляции общественных отношений в правовой системе происходит взаимопроникновение элементов общей и правовой культуры, постоянное усовершенствование оценочного, мотивационного, социального и юридического механизмов поведенческих актов. Отдельные ситуационные мотивы перерастают в устойчивые и доминирующие юридические установки. В юридической сфере субъекты общественных отношений ориентируются не только на право и правосознание, но и на нравственные, экономические, политические, религиозные и пр. формы сознания и нормы [2, с. 106].

Дефектность правовой социализации может выражаться в юридическом идеализме (переоценке права), инфантилизме (легкомысленном отношении к требованиям права), нигилизме (активном неприятии нормы права) и других видах юридической антикультуры [5, с. 70–71].

Средствами, способами, формами и пр. осуществления юридической социализации являются правовое воспитание и образование личности в рамках семьи, школы, вуза, общественных организаций, социальных групп с помощью юридической литературы, законодательства, СМИ, Интернета и других социально-правовых, государственных и негосударственных институтов, учреждений и органов.

Правовое воспитание и образование формируют личность, ее юридические установки и сознание (самосознание), а также результаты их реализации – правомерные типы поведения. Недостаточность правового воспитания и образования, отсутствие необходимого контроля со стороны семьи и общественных учреждений приводят к тому, что молодежь создает свои субкультуры и пытается регулировать всю сеть отношений самостоятельно, игнорируя уже «наработанные» механизмы самозащиты.

Правовое обучение представляет собой специально организованный и управляемый процесс, направленный на освоение системы правовых знаний и предписаний, правильное понимание их содержания, умение самостоятельно применять юридические знания на практике, закрепление навыков юридического самообразования [6, с. 87]. «Целями же правового воспитания, – указывает А. А. Стома, – являются, прежде всего, привитие глубокого внутреннего уважения к праву, законам, законности и правопорядку, выработка убежденности в необходимости действовать строго в соответствии с полученными правовыми знаниями, образование прочного и устойчивого духовного правового иммунитета в отношении любых нарушений правовых норм» [6, с. 87]. На правовое образование и воспитание влияют экономический уклад жизни, политический и государственный режимы, юридическая психология и идеология, система права, нравственная атмосфера в обществе и другие социальные факторы [7, с. 62–67].

Таким образом, с одной стороны, правовая социализация в процессе юридического образования и воспитания направлена на формирование устойчивых правовых ценностей и установок, менталитета и правосознания личности, что формирует ее (личности) правовую активность и выбор вариантов позитивного поведения. С другой стороны, в процессе правовой социализации личности ее природные наклонности и приобретенные под воздействием нетрадиционных

субкультур позиции и ориентации должны замещаться качественными и оптимальными правовыми установками. В этом прослеживается бинарная связь между установками и социализацией личности в правовой системе общества.

Ссылки

1. Усимова И. П. Правовая социализация личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.
2. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структура, функции: монография. Ярославль, 2008. 200 с.
3. Томазова О. Е. Правовая социализация молодежи в современном российском обществе: дис. ... канд. юрид. наук. Р.-на-Дону, 2003. 190 с.
4. Ишкильдина Г. Р. Правосознание молодежи: проблемы становления и эволюции в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. 164 с.
5. Барахоева А. Р. Стереотипы правовых установок: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 177 с.
5. Стома А. А. Правосознание как фактор профессионального становления при подготовке офицерских кадров // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 1 (17). С. 85–89.
6. Строева О. А. Типологические свойства правосознания // Юридический мир. 2014. № 4. С. 62–67.

В статье приводится описание результатов исследования, направленного на выявление доли правозащитных НКО в некоммерческом секторе Ярославской области и анализ действенности нормативно закрепленных механизмов их поддержки. Акцентируется внимание на крайне небольшом проценте правозащитных НКО в регионе и незначительном объеме форм специальной поддержки, которые бы способствовали увеличению общественных объединений и некоммерческих организаций правозащитного толка. На основании проведенного исследования делается вывод, что низкое количество правозащитных НКО в регионе свидетельствует об относительно благоприятной ситуации в сфере соблюдения прав граждан.

Ключевые слова: правозащитная некоммерческая организация; объединения граждан; поддержка некоммерческих организаций; защита прав граждан.

The article describes the results of a study aimed at identifying the share of human rights NGOs in the non-profit sector of the Yaroslavl region and analyzing the effectiveness of normatively fixed mechanisms for their support. The authors focus on a very small percentage of human rights NGOs in the region and a small amount of special support forms that would contribute to the growth of public associations and non-profit human rights organizations. Based on the conducted research, the authors conclude that a low number of human rights NGOs in the region indicates a relatively favorable situation in the sphere of observing the rights of citizens.

Keywords: human rights non-commercial organization; citizens' associations; support of non-profit organizations; protection of citizens' rights.

Е. А. Исаева, А. В. Соколов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: elenia2000@mail.ru

E-mail: alex8119@mail.ru

Государственная поддержка правозащитных НКО (на примере Ярославской области)*

Научная статья

Е. А. Isaeva, A. V. Sokolov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

State Support of Human Rights NGOs (by an example of the Yaroslavl region)

Scientific article

Некоммерческие организации (далее НКО) являются наиболее яркими представителями институтов гражданского общества. Их количество, тематические приоритеты выступают ярким показателем наличия «болевых точек» социальной и общественной сферы жизни населения конкретной территории. Изучение данного аспекта можно проводить, в частности, в региональном разрезе [1, с. 130–148]. Граждане инициируют создание НКО на той территории, где существует нерешен-

ная социально значимая проблема. Это может быть сложная ситуация с недостаточным обеспечением инвалидов средствами реабилитации, отсутствие работы государства с лицами БОМЖ, угроза утраты объектов культурного значения и др. Остро стоящие жизненно важные вопросы порождают инициативу граждан по формированию механизмов самостоятельного разрешения проблемной ситуации или объединению для коллективного требования и принуждения органа власти к исправлению

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-03-00132 «Коллективные действия граждан по защите и реализации законных прав и интересов в современной России».

© Исаева Е. А., 2017

© Соколов А. В., 2017

сложившегося положения вещей. По динамике создания, количеству и тематическим приоритетам НКО в регионе можно отслеживать спектр проблемных точек. К примеру, резкое возрастание НКО, работающих в правозащитном поле [2, с. 34–48], может свидетельствовать о значительном числе нарушений прав граждан в субъекте России. Данные о вновь создаваемых НКО, их тематическая направленность – важный сигнал для органов власти региона.

Организационно-правовые формы НКО также могут свидетельствовать о том, как организации некоммерческого сектора планируют решать проблемы: путем объединения – в этом случае создаются корпоративные НКО (общественные организации, общественные движения); путем аккумуляции денежных средств и направления их на решение проблемы – тогда это фонды; или путем оказания услуг целевой группе – тогда это, вероятнее всего, будут автономные некоммерческие организации.

В настоящее время некоммерческие организации воспринимаются на федеральном уровне как институты, способные взять на себя решение вопросов, возникающих во всех социальных отраслях, – это защита прав граждан, социальное обслуживание, образование, культура и др.

Исследование спектра некоммерческого сектора Ярославской области демонстрирует незначительную долю зарегистрированных НКО, выбравших защиту прав граждан как свой основной приоритет работы. Особо отметим, что уровень гражданской активности в Ярославской области нельзя назвать низким [3, с. 59–64]. Правозащитных организаций и организаций юридической направленности зарегистрировано примерно 3 % от общего числа НКО в регионе [4, с. 39–43].

Если проанализировать нормативно закрепленные формы поддержки НКО, которые можно воспринимать как меры стимулирования гражданской активности, в том числе в области защиты прав граждан, то одной из основных форм финансовой поддержки выступает предоставление грантов Президента России. В 2017 г. этот конкурс проводится Фондом президентских грантов в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 3 апреля 2017 г. № 93-рп «Об обеспечении в 2017 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и про-

екты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина». Характерно, что проектов, направленных сугубо на защиту прав граждан, подано на конкурс менее 400 (общее число проектов, допущенных до конкурса, – 5933). Наиболее востребованными темами в этом конкурсе в 2017 г. оказались охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни (976 заявок), поддержка проектов в области науки, образования, просвещения (937 заявки), социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан (817 заявок), сохранение исторической памяти (681 заявка), поддержка проектов в области культуры и искусства (579 заявок) [5].

В 2016 г. 18 проектов Ярославских СОНКО стали победителями в Открытом конкурсе по выделению грантов некоммерческим организациям, проводимом в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации. НКО привлекли в регион 23 685 372 млн руб. Из них правозащитной тематике были посвящены 8 (табл.).

В Ярославской области основным нормативным актом, предусматривающим финансовую поддержку НКО в регионе, является Региональная программа «Государственная поддержка гражданских инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области» на 2016–2020 гг., утвержденная постановлением Правительства области от 28.04.2016 № 513-п «Об утверждении региональной программы “Государственная поддержка гражданских инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области”» на 2016–2020 гг. Ежегодные конкурсы поддержки НКО проходят по большому числу номинаций, в том числе конкурс проектов СОНКО в сфере оказания юридической помощи гражданам и НКО и их правового просвещения, деятельности по защите прав и свобод человека и гражданина. В реализации программы участвуют 10 органов власти региона. На реализацию программы в 2016 г. было заложено 28 458,19 млн руб. В 2016 г. в рамках программы было поддержано 187 проектов СОНКО, лишь один из которых был правозащитным.

Департаментом общественных связей Ярославской области в рамках реализации региональной программы «Государственная поддержка гражданских инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области» на 2016–2020 гг. оказывается транспортная поддержка руководителям и членам социально ориентированных некоммерческих организаций Ярославской области.

**Проекты-победители НКО Ярославской области
конкурса грантов Президента России по правозащитной тематике**

№	Наименование НКО	Проект	Сумма, руб.
1.	Ярославская региональная общественная организация «Единый молодежный Союз»	Комплексный центр социальной поддержки молодых семей «Доступное жилье»	1 019 584
2.	Ярославская общественная региональная организация «Центр социально-информационного и правового содействия»	Общественная приемная по защите прав потребителей в сфере недвижимости и ЖКХ	256 956
3.	Общественная организация Ярославской области «Общество по защите прав потребителей»	Защита прав населения в сфере качества и безопасности продуктов питания	2 321 063
4.	Межрегиональная общественная организация «Общество защиты прав потребителей “Единство”»	«За права потребителей»	2 000 000
5.	Частное учреждение дополнительного профессионального образования «Институт повышения квалификации “Конверсия”» – Высшая школа бизнеса	«Обеспечение конституционных прав и свобод лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, расположенных на территории Республики Крым (анализ состояния законности на основе мониторинга правоприменительной практики и мнения осужденных)»	740 204
6.	Ярославская областная общественная организация «Центр защиты прав автовладельцев»	Безвозмездная юридическая помощь водителям автотранспортных средств	1 000 000
7.	Общественная организация социально-правовой поддержки населения Ярославской области «Социум»	Социально-правовая поддержка семей, имеющих детей-инвалидов	647 400
8.	Ярославское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»	Правовое просвещение граждан: актуальные вопросы распоряжения недвижимостью	462 594

Транспортная поддержка предоставляется социально ориентированным некоммерческим организациям Ярославской области (далее – СОНКО, общественная организация) в соответствии с Порядком организации транспортной поддержки для участия руководителей и членов социально ориентированных некоммерческих организаций Ярославской области в международных, всероссийских и межрегиональных мероприятиях (утвержденным постановлением Правительства области от 24.10.2011 № 814-п) на следующих условиях:

- регистрация общественной организации на территории Ярославской области менее 1 года на момент подачи заявления;

- осуществление СОНКО видов деятельности, указанных в Федеральном законе от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и статье 4 Закона Ярославской области от 6 декабря 2012 г. № 56-з «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области», на территории Ярославской области;

- отсутствие задолженности перед бюджетами всех уровней бюджетной системы Российской Федерации и государственными внебюджетными фондами.

Транспортная поддержка осуществляется в форме предоставления автотранспортных средств

СОНКО с целью участия руководителей и членов СОНКО в международных, всероссийских и межрегиональных мероприятиях, проходящих на территории Центрального федерального округа [6].

В 2016 г. четыре СОНКО получили транспортную поддержку.

Информационная и консультационная поддержка предоставляется на основании Постановления Правительства области от 04.09.2013 № 1198-п «Об утверждении Порядка оказания информационной и консультационной поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям в Ярославской области».

Органами государственной власти Ярославской области оказывается информационная поддержка деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в следующих формах:

- освещение деятельности общественных объединений в СМИ, в том числе учредителями (соучредителями) которых являются органы государственной власти Ярославской области;

- предоставление площадей для печати, времени телевизионного и радиовещательного эфиров в СМИ.

Размещение информации осуществляется Управлением массовых коммуникаций Правительства области на безвозмездной основе в следующих СМИ:

- Газета «Северный край Ярославский регион»;
- «Первый Ярославский» (телеканал);
- сайт (интернет-портал) «Ярославский регион»;
- портал органов государственной власти Ярославской области.

СОНКО имеет право на размещение информационного материала в СМИ не более трех раз в год, при этом не более двух раз в печатных СМИ и не более одного раза на телевидении или радио. Объем размещаемого СОНКО в СМИ материала не должен превышать:

- 1/4 полосы формата А3 в печатных СМИ;
- 90 секунд эфирного времени на телевидении или радио.

Для получения информационной поддержки заявителем (социально ориентированной некоммерческой организацией) необходимо заполнить заявление на оказание поддержки и техническое задание (контент-задание) по подготовке информационного материала, предлагаемого к размещению в СМИ.

В 2016 г. 5 НКО получили информационную поддержку.

Авторами статьи была сформулирована гипотеза о том, что если в Ярославской области зарегистрировано и действует незначительное по сравне-

нию с общей массой число правозащитных НКО, то это показатель наличия относительно благоприятной ситуации в сфере соблюдения прав граждан. Для проверки гипотезы в январе 2017 г. был проведен опрос жителей Ярославской области в возрасте 18 лет и старше. Опрос проводился методом телефонного интервью по месту жительства респондентов по заранее разработанной анкете. В опросе приняли участие 632 человека – представители различных социально-демографических групп, проживающие в различных населенных пунктах Ярославской области. Выборка репрезентативна для области в целом. Уровень достоверности данных составляет в целом по области 95 %, статистическая погрешность находится в рамках диапазона 5,0 %. Результаты опроса сравниваются с результатами аналогичных исследований, проведенных авторами в 2012–2016 гг. по аналогичной методике.

Ежегодно участникам настоящего лонгитюдного исследования задается вопрос: «Сталкивались Вы или Ваши знакомые когда-либо с ситуацией, когда возникала необходимость защищать свои законные права перед местными или региональными органами власти?». В 2016 г. утвердительно на этот вопрос ответили 26,0 % респондентов. Еще 8,5 % слышал о таких случаях в целом. Тех, кому не приходилось сталкиваться с такими ситуациями (в т. ч. в кругу друзей и знакомых), почти в два раза больше – 51,1 %. Среди первых чаще встречаются жители крупных городов, обладателей высшего образования и ученой степени, а также представителей возрастной группы 40 лет и старше. Реже остальных с необходимостью защищать свои законные права перед местными или региональными органами власти сталкивались жители малых городов и сельских населенных пунктов области. Таким образом, в настоящее время в Ярославской области с различного рода нарушениями прав со стороны органов власти сталкиваются, во-первых, люди предпенсионного возраста и социально-незащищенные группы населения, во-вторых, образованные граждане: они больше знают о своих правах и чаще фиксируют факты их нарушения.

Согласно опросу в 2016 г. особенно часто необходимость защиты своих законных прав возникла у жителей Ярославской области в сфере ЖКХ (58,7 %). Далее следуют: сфера трудовых прав (12,8 %), сфера социальной поддержки и пенсионного обеспечения (11,5 %), сфера точечной застройки (11,5 %) и сфере здравоохранения (10,6 %). В других сферах жизнедеятельности с необходимостью

защиты своих законных прав обыватели сталкиваются заметно реже. Представленные данные позволяют сделать следующий вывод: на сегодняшний день жители Ярославской области готовы отстаивать свои права лишь только в тех случаях, когда они затрагивают личные интересы членов локального сообщества, в остальных же случаях о консолидации населения говорить не приходится.

Принадлежность человека к той или иной социальной группе и территории в большинстве случаев определяет степень риска нарушения его прав в различных сферах жизни. Например, пенсионеры и респонденты предпенсионного возраста чаще остальных жалуются на необходимость защищать свои права перед службами жилищно-коммунального хозяйства, пенсионного обеспечения. Молодежь в большей степени обеспокоена нарушениями экологических прав. Работающие жители области, утверждающие, что нарушения их прав имели место, чаще остальных упоминали в этой связи сферу трудовых прав.

Динамика числа нарушений законных прав граждан органами региональной и местной власти позволяет сделать вывод об улучшении ситуации с соблюдением прав граждан в регионе. Так, в 2013 г. о нарушении своих конституционных прав со стороны чиновников и необходимости их защиты говорили 42,0 % опрошенных, в 2016 г. – уже 26,0 %. В прошедшем году жители области, согласно данным исследования, в два раза реже сталкивались с необходимостью защищать свои законные права в сфере трудовых прав, социальной поддержки, здравоохранения, защиты материнства и детства.

В целом, как показал опрос, большинству жителей Ярославской области, когда-либо прибегавших к каким-либо способам защиты своих прав (63,7 %), удалось добиться справедливости, т. е. их претензии к органам региональной и/или местной власти были обоснованы.

Исследование подтвердило поставленную гипотезу о корреляции числа правозащитных НКО с существующей ситуацией в сфере защиты прав в регионе. При этом был выявлен интересный факт: правозащитные НКО Ярославской области, не получая достаточную поддержку на региональном уровне, обращаются за нею на федеральный. И, будучи достаточно компетентными в своей сфере деятельности, ее получают.

В связи с этим при разработке механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области необхо-

димо обратить внимание на правозащитные НКО и расширить государственную поддержку некоммерческих организаций, работающих в сфере защиты прав граждан. Также считаем необходимым:

- упростить доступ НКО к транспортной и информационной поддержке в Ярославской области (снизить объем запрашиваемых документов);

- рассмотреть возможность возмещения расходов на проживание, понесенных представителями НКО региона в связи с участием организации в межрегиональных и общероссийских мероприятиях, в случае если для участия в указанном мероприятии организацией получена транспортная поддержка;

- расширить перечень помещений для предоставления СОНКО в рамках имущественной поддержки СОНКО в Ярославской области;

- сформировать перечень и разработать порядок передачи НКО в пользование движимого имущества;

- предусмотреть в региональной программе «Государственная поддержка гражданских инициатив и СО НКО» мероприятие по информационному освещению в СМИ успешной деятельности НКО региона по оказанию услуг в социальной сфере.

Ссылки

1. Исаева Е. А., Соколов А. В., Тарусина Н. Н. Гражданская активность россиян: тенденции законодательства и общественной практики // Социально-юридическая тетрадь. 2015. № 5. С. 130–148.

2. Сунгуров А. Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества (Некоторые проблемы политической организации России) // Политические исследования. 1999. № 6. С. 34–48.

3. Исаева Е. А., Соколов А. В., Тарусина Н. Н. О тенденциях гражданской активности: благодаря и вопреки праву // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 59–64.

4. Исаева Е. А. Некоммерческий сектор региона как характеристики уровня развития гражданской активности (на примере Ярославской области) // Власть. 2016. С. 39–43.

5. Фонд президентских грантов. URL: http://президентскиегранты.рф (дата обращения: 02.06.2017).

6. О транспортной поддержке. URL: http://www.yarregion.ru/depts/dos/Pages/transp_pod.aspx (дата обращения: 02.06.2017).

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.95

В данном исследовании рассматривается процесс преодоления тупика как один из ключевых моментов инсайтного решения. В работе показано наличие диссоциации осознаваемых и неосознаваемых процессов, протекающих на стадии тупика. Доказано отдельное существование двух типов тупика: объективного и субъективного.

Ключевые слова: инсайт; объективный и субъективный тупик; инкубация.

In this study the process of overcoming the impasse is considered as one of the key moments of the insight problem solving. The existence of dissociation of conscious and unconscious processes occurring at the stage of the impasse is demonstrated in the work. The separate existence of two types of impasse – objective and subjective – is proved.

Key words: insight; objective and subjective impasse; incubation.

И. Ю. Владимиров, П. Н. Маркина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail:kein17@mail.ru

Объективный и субъективный тупик в процессе инсайтного решения*

Научная статья

I. Yu. Vladimirov, P. N. Markina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Objective and Subjective Impasse in Insight Problem Solving

Scientific article

Со времен Пуанкаре [1] существует традиционное представление о феноменологии инсайтного решения: ознакомление с задачей и попытки ее решения сменяются стадией тупика, осознанием невозможности нахождения решения. Это событие ведет к откладыванию решения, наступает стадия инкубации, во время которой человек сознательно не работает с материалом задачи и уже затем происходит «озарение», внезапное обнаружение решения. Из такого очевидного описания феноменологии, как правило, делается вывод о том, что главным центральным моментом инсайтного решения является то самое озарение, а стадия инкубации – это период, на котором происходит неосознаваемый поиск решения. Такой взгляд на природу инсайтного решения доминирует в большинстве работ, посвященных проблеме инсайта от Дункера [2] до Ольссона [3]. Однако в тех же работах говорится и о роли преодоления фиксированности в поиске инсайтного

решения. Возникают вопросы: действительно ли внезапное нахождение решения – единственный ключевой момент инсайта? Не является ли преодоление затруднений в решении, субъективно осознаваемых как тупик, столь же важным процессом в инсайтном решении, как и новое внезапное пере-структурирование репрезентации задачи? Чтобы ответить на эти вопросы, нам необходимо понять, а что же происходит в тот период, когда человеку кажется, что он ничего не делает с задачей. Таким образом, понимание процессов, происходящих на стадии инкубации, необходимо для понимания природы инсайтного решения. Действительно ли весь период инкубации занимает неосознаваемый поиск решения или в этот период могут происходить и другие процессы, связанные с преодолением тупика и разрушением фиксированности?

На сегодняшний день существует большое количество работ, направленных на изучение

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00672

© Владимиров И. Ю., 2017

© Маркина П. Н., 2017

инкубации. Исследователи расходятся в представлениях о феноменологии, механизмах, функциях и месте инкубации в инсайтном решении задач. Сно и Ормерод [4] в мета-анализе, посвященном инкубации, обнаружили только два универсальных феномена: наличие общего положительного эффекта инкубации и значимый положительный эффект длительности подготовительного периода, предшествующего инкубации. Все остальные эффекты зависели от конкретных особенностей экспериментальных факторов и их взаимодействия (тип задачи, длительность инкубации, тип инкубационного задания и т. д.).

Рассмотрим наиболее распространенные модели процессов, происходящих на стадии инкубации. Кэмпбелл и Саймонтон фактически развивают классические представления о процессах инкубации как о процессах переработки и поиска информации. Они предполагают существование эволюционных бессознательных механизмов, которые включают создание случайных рекомбинаций идей и последующий отбор лучших из них [5, 6]. Эта же идея прослеживается и в модели внешних ключей. Лэнгли и Джонса, Зейферт, Янивь и Майер говорят, что роль перерыва заключается в том, чтобы позволить сознанию обратить внимание на ключи к решению задачи, которые могут присутствовать в окружающей среде. До перерыва такие ключи способствуют решению задачи, так как сознание решателя не готово их воспринять, предыдущее решение задачи делает человека чувствительнее к случайным данным окружающей среды [7–9].

Однако существуют и другие взгляды на происходящие во время инкубации процессы. Такие взгляды предполагают не продуктивный характер процессов, а, напротив, их деструктивную природу. В этом случае деструктивная активность направлена на разрушение неадекватной репрезентации задачи или отказ от использования неэффективных операторов. Так, Вудвортс считал, что во время тупика неверное представление задачи может смениться верным, потому что в этот момент решатель сможет посмотреть на задачу «свежим взглядом» [10]. Модель Вудвортса развилась в гипотезу селективного забывания, в которой говорится, что в рабочей памяти происходит распад нерелевантного материала во время переключения внимания от проблемы, в то время как в долговременной памяти идёт накопление более существенной информации [11]. К этому

же классу теоретических построений, объясняющих природу инкубации, может быть отнесена и гипотеза отключения внимания (The attention-withdrawal hypothesis). Данная гипотеза рассматривает взаимодействие внешних и внутренних влияний на процесс решения. В ней говорится, что в ходе решения инсайтной задачи решатель изначально неверно организует элементы задачи, вследствие чего заходит в тупик, а последующая инкубация служит для того, чтобы разрушить неверную организацию элементов задачи. Причём за время инкубации разрушается организация элементов, но сами они остаются, чтобы с большей вероятностью стать организованными верно при возобновлении решения после инкубации.

Как мы видим, представления о природе инкубации разделяются примерно поровну. Часть исследователей считает ее этапом, подготавливающим внезапное обнаружение решения, а часть – этапом, на котором осуществляется преодоление тупика.

Наше предыдущее исследование позволило получить аргументы в пользу того, что процессы на этапе инкубации скорее связаны с преодолением тупика [12]. Чтобы гарантировать, что испытуемые находятся именно в процессе инкубации, а не продолжают осознанно решать задачу, которую могли запомнить раньше, инкубационный период был заполнен решением дополнительных задач. В нашем прошлом исследовании мы прерывали решение инсайтных задач через фиксированные промежутки времени — 10 и 20 секунд после начала решения.

Данные этого эксперимента подтвердили фасилитирующее влияние прерывания, но только в случае, если воздействие оказывалось через 10 секунд после начала решения задачи. Гипотетический механизм такого влияния заключается в том, что дополнительная задача во время инкубации «перегружала» управляющий контроль рабочей памяти и таким образом приводила к тому, что неадекватная репрезентация, служившая причиной тупика, разрушалась. Перерыв, предполагавший наступление инкубации через 20 секунд после начала решения, не облегчал решение задач, потому что к тому времени испытуемый, по нашему мнению, самостоятельно выходил из тупика и инкубационное воздействие никак не сказывалось на времени решения инсайтных задач.

Таким образом, наши результаты и теоретические построения авторов анализируемой нами

литературы говорят о том, что процессы на стадии инкубации могут быть направлены на преодоление тупика. Из всего выше сказанного мы можем сделать два существенных заключения:

- стадия преодоления тупика в инсайтном решении является столь же значимой, что и стадия построения новой репрезентации задачи, приводящей к правильному решению;

- тупик, переживаемый решателем и действия, направленные на его преодоление, могут быть разведены во времени и иметь различные функции и механику.

Предположения о возможности диссоциации осознаваемых и неосознаваемых процессов в инсайтном решении высказывались и ранее. Так, Эллис описывает расхождение процессов нахождения решения и «ага-реакции» [13], а Рейнгольд и Шеридан показывают, что познавательная активность и субъективный отчет о ней могут отличаться при решении шахматных задач (испытуемый утверждает, что ищет новое решение, но при этом смотрит на участки доски, связанные с тупиковым вариантом) [14].

Тупик может быть рассмотрен двояко. С одной стороны, как проявление трудностей в переработке информации (объективный тупик). Так, согласно модели Ольссона, решатели заходят в тупик, когда ими была выбрана репрезентация, не позволяющая актуализировать нужные операторы [3], или, согласно теории критериев продвижения к цели, решатель заходит в тупик, когда он перебрал все возможные ходы [15]. С другой стороны, как переживание невозможности достижения решения (субъективный тупик). В этом случае переживание тупика может играть сигнальную функцию, в чем-то подобную функции «ага-реакции» при нахождении решения [16].

В настоящем исследовании мы поставили своей целью определить, могут ли указанные варианты проявления тупика (объективный и субъективный) проявляться независимо друг от друга. Классическое представление о тупике предполагает и специфическую методологию его выявления: наступление тупика регистрируется, когда испытуемый сам сообщает об этом. В этом случае получается, что субъективное переживание совпадает с информационным тупиком как стадией решения задач. Однако, как мы уже упоминали, данные варианты проявления тупика могут быть независимы друг от друга. Доказательством этому может послужить обнаружение субъективного тупика в зада-

чах, решение которых не предполагает возможности формирования неверной репрезентации, приводящей к тупику, или, наоборот, отсутствие субъективного тупика в задачах, требующих принципиального изменения репрезентации для решения. Еще одним вариантом доказательства может служить расхождение времени объективного и субъективного тупиков в обоих типах задач: предполагающих и не предполагающих захождение в тупик.

Была сформулирована **гипотеза**: субъективный и объективный тупик являются независимыми феноменами и не совпадают в проявлении.

Гипотеза операционализируется следующим образом:

Субъективный и объективный тупики не совпадают в том случае, если субъективный тупик наблюдается не только в инсайтном типе задач (как предполагающем попадание в тупик) и когда различается время захода испытуемых в оба вида тупика в этом типе задач.

Для проверки нашей гипотезы после субъективного тупика мы, так же как и после объективного тупика, погружали испытуемых в инкубацию, заполненную выполнением ресурсоёмких заданий.

Метод: в качестве испытуемых в нашем исследовании приняли участие 12 человек в возрасте от 18 до 25 лет (X ср. = 21,5 лет, $\delta=2,1$).

Материалы и процедура: в данном исследовании, как и в предыдущем, описанном ранее, использовались три типа задач: 1 — где для решения нужно переместить палочку из одного числа в другое ($X - VIII = IV$), 2 — где палочка перемещается из арифметического знака в число и наоборот ($VII = X + II$) и 3 — задачи на декомпозицию чанка, где для решения задачи из X нужно сделать V и наоборот ($X - XIII = II$). Первый тип задач неинсайтный, второй представляет некоторую переходную форму от неинсайтных задач к инсайтным, а третий — однозначно инсайтный. В нашем исследовании испытуемые нажимали специально обозначенную клавишу, когда считали, что они зашли в тупик. После этого им предъявлялись пять примеров на сложение двух двузначных чисел, после решения которых возобновлялось решение исходной задачи. В работах Ольссона освещена возможность многократного попадания в тупик [3], но нас интересовала сама возможность тупика, поэтому в нашем исследовании испытуемые в рамках решения одной задачи могли обозначить себя в тупике лишь однажды.

Результаты и обсуждение: как уже было сказано, неинсайтные задачи не предполагают попадания в тупик, так как они решаются точно в соответствии с условиями задачи; для их решения не требуется преодоления ограничений, характерных для инсайтных задач. Согласно теории критериев продвижения к цели, решатель заходит в тупик, когда он перебрал все возможные ходы [14]. Перебор всех возможных ходов в неинсайтных задачах неизбежно приведёт решателя к верному ответу. Соответственно, если субъективный тупик — это то же, что и тупик при переработке информации, испытуемые должны попадать в тупик только в инсайтных задачах. Чтобы проверить это предположение, мы сравнили количество субъективных тупиков в инсайтных и неинсайтных задачах с помощью критерия χ^2 . По наличию субъективных тупиков нет отличий между первым и третьим типами задач ($87 p = .35$), что говорит о присутствии субъективных тупиков в неинсайтных типах задач. Результаты попарного сравнения первого со вторым типами и второго с третьим значимо различаются ($4.18 p = .04$) и ($8.08 p = .005$) соответственно. Так как испытуемые равно заходят в тупик в инсайтных и (одном типе) неинсайтных задач, можно сделать вывод, что субъективный тупик может наблюдаться в задачах, структура которых не предполагает возникновения тупика объективного, а, следовательно, эти два феномена различны.

Рассмотрим вторую часть данных — о временном расхождении объективного и субъективного тупиков. Многие испытуемые находили верный ответ, не заходя в субъективный тупик. С помощью дисперсионного анализа (ANOVA) мы сравнили продуктивность решения задач, в которых решатель испытал и не испытал субъективный тупик. Среднее время решения без тупика составило 63.95 с, и это совпадает со временем решения задач в первом эксперименте. Другие решатели обозначали себя в тупике в среднем через 169 с после предъявления условий задачи, и их среднее время решения составило 370.25 с. $F(1,70) = 135.33, p < .001, \eta^2 = .66$.

Сравним время попадания в различные виды тупика: это возможно сделать, основываясь на данных двух экспериментов, так как материал задач идентичен.

Наблюдается значительное расхождение между проявлением объективного и субъективного тупиками: объективный (что было обнару-

жено в предыдущем исследовании [12]) наступает через 10 с после начала решения, субъективный — через 169 с.

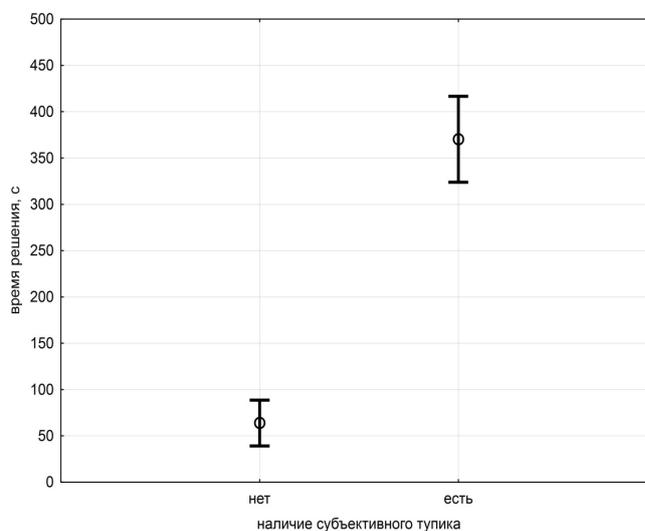

Рис. 1. Сравнение продуктивности решения задач, в которых решатель испытал и не испытал субъективный тупик

Итак, проанализировав данные двух экспериментов и сравнив по двум основаниям (наличие субъективных тупиков в неинсайтных задачах и времени попадания в субъективный тупик в инсайтном и неинсайтном типах задач) объективный и субъективный тупики, мы пришли к следующему **выводам:**

согласно литературе и данным наших исследований, процесс преодоления тупика является одним из ключевых механизмов инсайтного решения;

само явление тупика в решении инсайтной задачи неоднородно. Объективный и субъективный тупик наблюдаются как различные феномены.

Полученные нами данные позволяют предположить, что субъективный тупик может быть связан с затруднением в решении задач, а объективный отражает сложности переработки информации, определяемые структурой задачи. Дальнейшее уточнение функций тупика в процессе инсайтного решения требует дополнительных исследований, которые с необходимостью будут включать методы, позволяющие независимо регистрировать появление объективного и субъективного тупика.

Ссылки

1. Poincaré H. The Foundations of Science: Science and Hypothesis, The Value of Science. Science and Method, Science Press. Hardcover, 1913. 553 p.
2. Dunker K. On problem-solving // Psychological Monographs. 1945. Vol. 58, №. 5. P. 1–113.
3. Ohlsson S. Information-processing explanations of insight and related phenomena // Advances in the psychology of thinking. 1992. Vol. 1. P. 1–44.
4. Sio U. N., Ormerod T. C. Does incubation enhance problem solving? A meta-analytic review. NY. 2009. P. 94–120.
5. Campbell D. T. Blind variation and selective retentions in creative thought as in other knowledge processes // Psychological review. 1960. Vol. 67, №. 6. P. 380–400.
6. Simonton D. K. Foresight in insight? A Darwinian answer // The nature of insight. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. P. 465–494.
7. Langley P., Jones R. A computational model of scientific insight // The nature of creativity: Contemporary psychological perspectives. Cambridge, 1988. Vol. 177. P. 201–210.
8. Demystification of cognitive insight: Opportunistic assimilation and the prepared-mind hypothesis / Seifert C. M. [et al]. Cambridge, 1994. P. 65–124.
9. Yaniv I., Meyer D. E. Activation and meta-cognition of inaccessible stored information: potential bases for incubation effects in problem solving // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1987. Vol. 13, №. 2. P. 187–205.
10. Woodworth R. S. Experimental psychology // Journal of Consulting Psychology. 1954. Vol. 18, № 5. P. 386–387.
11. Simon H. A. Scientific discovery and the psychology of problem solving // Models of discovery. Cambridge: SpringerNetherlands, 1977. P. 286–303.
12. Маркина П. Н. Ослабление сознательного контроля как метод разрушения фиксированности и фасилитации инсайтного решения // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Калининград, 2016. С. 413.
13. Ellis J. J., Glaholt M. G., Reingold E. M. Eye movements reveal solution knowledge prior to insight // Consciousness and cognition. 2011. Vol. 20, № 3. P. 768–776.
14. Sheridan H., Reingold E. M. Expert vs. novice differences in the detection of relevant information during a chess game: evidence from eye movements // Frontiers in psychology. 2014. Vol. 5. P. 55–74.
15. Ormerod T. C., MacGregor J. N., Chronicle E. P. Dynamics and constraints in insight problem solving // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2002. Vol. 28, №. 4. P. 791.
16. Валуева Е. Ф. Сигнальная модель инсайта: основные положения и соотношение с научными взглядами Я. А. Пономарева // Психологический журнал. 2015. Т. 36, №. 6. С. 35–44.

В статье рассматриваются теоретические аспекты исследований понимания. Освещены три различных теоретических контекста исследований понимания: понимание в процессе усвоения информации, понимание в процессе решения задач и понимание в процессе передачи опыта. Предложена модель, в которой понимание рассматривается в качестве метакогнитивной оценки полноты информации. Обсуждается идея необходимости чувства понимания для переноса решения.

Ключевые слова: понимание; инсайт; решение задач; перенос.

Theoretical aspects of understanding research are considered in the article. Three different theoretical contexts of understanding research are covered: comprehension in the process of information assimilation, understanding in the problem solving process and understanding in the process of experience transfer. We proposed a model in which understanding is viewed as a metacognitive evaluation of the completeness of information. The idea of the understanding feelings for the solution transfer process is discussed.

Keywords: understanding; insight; problem solving; transfer.

И. М. Морозов, С. Ю. Коровкин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: 20448@mail.ru

E-mail: korovkin_su@list.ru

Модели понимания в решении задач

Научная статья

I. M. Morozov, S. Y. Korovkin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Understanding Models in Problem Solving

Scientific article

Феномен понимания не имеет устойчивого общепринятого содержания в психологии, что выражается в размытости центрального понятия и разработке с трудом сопоставимых друг с другом традиций [1]. В английском языке для описания понимания используются, как минимум, два разных термина: *comprehension* и *understanding*. Первый выступает в качестве процесса и расшифровывается как способность полностью охватить изучаемый предмет, описать его свойства и отношения, а второй описывает состояние и отражает знание о чем-то. В русском языке термин «понимание» включает в себя все указанные значения, что является основанием для его критики, как довольно абстрактного и размытого понятия. В то же время субъективное чувство понимания может играть важную роль во многих процессах, одним из которых является процесс мышления, рассматриваемый нами как процесс решения задач и проблем. Для того чтобы конкретизировать феномен пони-

мания, в данной статье мы рассмотрим его в трех разных контекстах решения задач: в процессе усвоения информации, в процессе решения задач и поиска решения, в ходе передачи опыта успешного решения. Также нами будут высказаны основные положения одной из разрабатываемых нами моделей понимания: понимание как метакогнитивная оценка полноты информации.

Понимание в процессе усвоения информации

В процессе решения задачи субъект первоначально сталкивается с текстовыми или вербальными инструкциями задачи, которые могут быть заданы как им самостоятельно, так и извне, например экспериментатором.

В данном случае под процессом понимания подразумевается вычленение информации из предъявленных условий, что позволяет субъекту сформировать определенную ограниченную репрезентацию задачи. Этот этап является первоначальным

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, № 17-06-00672

© Морозов И. М., 2017

© Коровкин С. Ю., 2017

в ходе решения любой задачи. В основе процессов формирования репрезентации задачи могут лежать те же процессы, что и в основе понимания любого высказывания. Наиболее успешной и разработанной моделью понимания высказываний на сегодняшний день является модель конструирования–интеграции (*Construction–Integration*) [2]. Данная теория имеет множество модификаций и реализаций в форме вычислительных моделей (см. подробнее в [3]). Долгое время в зарубежной психологии исследование текстов строилось на основе воспоминания, воспроизведения из памяти, изучалось их представление в памяти. Появление такой модели сместило имеющийся акцент с исследований припоминания текста на его понимание.

Согласно модели конструирования–интеграции в процессе чтения репрезентация задачи формируется благодаря анализу на трех уровнях:

1. Буквенный уровень — отвечает за успешность усвоения информации способность субъекта к распознаванию символов языка;

2. Пропозициональный уровень — ответствен за формирование в репрезентации отдельных утверждений или идей, представленных в тексте;

3. Уровень ситуационной модели — репрезентирует ситуацию, представленную в тексте, а также релевантные ей собственные знания субъекта.

Понимание текста достигается благодаря вычлениению всех законченных идей в тексте и репрезентации их в ситуационной модели. В некоторых случаях, может быть выстроена неверная ситуационная модель (ментальная модель) сообщения. Если высказывание, например текст задачи, подразумевает возможность существования нескольких интерпретаций, то неверная интерпретация (неверная репрезентация задачи) не приведет к успешному решению задачи, то есть будет найдено неверное решение или не будет найдено никакого решения задачи. Таким образом, понять задачу в процессе усвоения информации — значит выстроить верную исходную репрезентацию (модель) задачи для дальнейшего её решения.

Понимание в контексте решения задач

Однако субъект не всегда может сразу выстроить полностью верную репрезентацию задачи. На следующем этапе процесса поиска решения задачи субъект должен поставить цель и выстроить программу по достижению этих целей, включающую в себя ряд последовательных действий (операторов), которые должны обеспечить достижение

цели. В то же время как неверная репрезентация задачи, так и предшествующий опыт решения схожих задач (процедурализация решения) могут оказывать влияние на постановку неверной цели или использования неверных процедур решения (операторов и эвристик). Так, например, в решении комбинаторных задач, таких как «Ханойская башня», заранее известно целевое состояние и набор операторов для его достижения [4]. Для задач, известных как «инсайтные задачи», какой-то из компонентов в силу ряда причин остается неизвестен. Так, например, в задаче «9 точек» целевое состояние полностью неизвестно (известны только критерии правильного решения). В теоретических моделях решения задачи «9 точек» неконкретность целевого состояния реализуется в виде своеобразного «поиска вслепую» [5].

Принципиальным психологическим аспектом, отличающим инсайтное решение от решения по имеющемуся алгоритму, является тупик. Тупик возникает в решении задачи с неверной изначальной репрезентацией в силу невозможности применить актуальный набор операторов и эвристик. При такой постановке вопроса под инсайтом понимается преодоление тупика, или переструктурирование репрезентации. Другими словами, решить творческую задачу — значит заново понять ее на этапе усвоения информации (постановки задачи). С. Олссон в своей теории инсайта как преодоления тупика описывает три механизма, которые позволяют переструктурировать информацию: перекодирование, ослабление ограничений и разработку [6]. Остается загадкой то, под воздействием каких факторов запускаются эти процессы. Решение задачи с самого начала, то есть с этапа понимания формулировки задачи, как правило, не дает результатов в силу того, что неверная репрезентация имеет большую очевидность для решателя.

Не отрицая тот факт, что решение инсайтной или малой творческой задачи может быть найдено в результате случайных действий или случайного влияния внешней среды на переструктурирование, мы склонны считать, что преодоление тупика также может сопровождаться пониманием задачи или «проникновением в суть». Изначально термин *Einsight*, введенный В. Келером, означал вовсе не мгновенное решение задачи, а решение задачи путем понимания ситуации через схватывание ее сути в противоположность нахождению ответа методом проб и ошибок [7]. Идея проникновения в суть задачи была развита К. Дункером и сформулирована

в виде поиска основного конфликта задачи, то есть решения специальной подзадачи по поиску причины, из-за которой основная задача не решается [8].

Несмотря на то что поиск конфликта задачи может быть осуществлен сознательно, в некоторых случаях обнаружение конфликтных элементов задачи может осуществляться неосознанно [9]. Процесс поиска конфликта может осуществляться без осознания в течение времени, которое принято называть «инкубационным периодом» [10]. Однако в течение этого периода одновременно могут происходить множество взаимно не исключających друг друга процессов, таких как изменение перцептивной репрезентации, изменение связей в семантических сетях, снятие контроля, снятие эффекта серии, забывание неверных решений и т. д. Каждый из этих процессов может привести к преодолению тупика, но только детекция и осознание причины трудности решения задачи, на наш взгляд, может рассматриваться как «схватывание», то есть понимание инсайтной задачи. Таким образом, мы считаем, что в основе понимания в процессе решения задач лежит вычленение основного конфликта задачи, т. е. осознание противоречия между начальным и конечным состоянием задачи.

Понимание в процессе передачи опыта

В результате успешного решения творческой задачи, как нам кажется, должно что-то оставаться в остатке для решателя. Переживание эмоции озарения иногда рассматривается как такой остаток, позволяющий закрепить успех в памяти и вознаградить решателя за потраченные усилия [11]. Возникает достаточно сложный для психологии мышления вопрос о том, возможен ли перенос решения с задачи на задачу при решении творческих (инсайтных) задач. Попытки экспериментально исследовать эту проблему всегда натываются на ряд проблем. Во-первых, повторное решение инсайтной задачи в течение короткого промежутка времени превращает задачу из инсайтной в рутинную, но при достаточно большом промежутке времени, несмотря на узнавание, инсайтная задача становится такой же трудной. Во-вторых, перенос решения с одной инсайтной задачи на другую (структурно изоморфную), как правило, оказывается неэффективным, но при этом длительная тренировка большого массива сходных задач в целом повышает эффективность решения (что характерно, например, для игроков передачи «Что? Где? Когда?»).

Ранние исследования переноса строились под влиянием гипотезы, что субъект в процессе эксперимента перенесет структурный принцип решения по аналогии на следующую задачу, что приведет его к решению быстрее. Однако результаты этих работ показывали довольно низкий шанс такого переноса [12]. Мы предполагаем, что перенос решения осуществляется благодаря осознанию конфликта, содержащегося в задаче, т. е. противоречия между начальным и конечным состоянием задачи и способностям вербализовать этот конфликт. Впоследствии субъект формирует на основе вербализованного знания последовательный алгоритм решения или эвристику и при столкновении с новой задачей, сознательно вычленяет сходства и различия с уже имеющимися в системе знаний связками задача–решение.

Возможность улучшения успешности решения инсайтных задач с течением времени должна быть связана с имплицитным научением и развитием когнитивных навыков решения этого класса задач. Такой ответ не дает нам полной картины процесса, поскольку неясно, какой именно навык тренируется, чему учится решатель со временем. Хотелось бы обратить внимание на два аспекта этой проблемы. Во-первых, если верны наши рассуждения о необходимости детекции конфликтов, то тренируется именно процесс обнаружения потенциально противоречивых («податливых») элементов задачи. Во-вторых, задача, решенная через понимание благодаря обнаружению конфликта задачи так, что решатель может отчитаться об этом конфликте вербально, в остатке после решения имеет, кроме чувства успеха, еще и знание о том, как преодолевать затруднение в этой и сходных по структуре задачах. Другими словами, решение инсайтной задачи, решенной благодаря пониманию (сверху вниз) в отличие от задачи, решенной благодаря случайному переструктурированию (снизу вверх), может быть перенесено на сходный класс задач. Это следствие наших рассуждений может быть проверено экспериментально. Таким образом, в контексте передачи опыта понять задачу – значит знать, как ее перенести на другую задачу этого же класса. Говорить, что «задача была понята» можно только в случае, если решатель впоследствии может вербализовать знание о конфликте задачи. В этом заключается разница между пониманием и навыком: автоматизм, не вынесенный в эксплицитный план, не может быть, строго говоря, понят.

Понимание как метакогнитивная оценка полноты информации

Рассматривая процессы понимания на разных этапах решения задач, несложно видеть, что процессы их функций весьма различны. В то же время, на наш взгляд, среди всего прочего, общим для описанных процессов является субъективное переживание понимания. Мы предлагаем рассматривать понимание в качестве метакогнитивной оценки полноты информации. Субъект отвечает на вопрос: «насколько полно я владею информацией в данной ситуации?» Целью такого процесса понимания является остановка процесса поиска решений. Однако стоит сказать, что субъект в ходе решения задачи не сразу прибегает к использованию данной метаоценки. Мы считаем, что она активируется в случае, если сенсорные системы сообщают противоречивую информацию или в условиях задачи обнаруживается противоречие. В данном случае понимание как метакогнитивная оценка относится к категории аутоноэтических мета-оценок [13], она связана с оценкой собственных представлений вне зависимости от физического присутствия или отсутствия объекта понимания. Сталкиваясь с незнакомой задачей, при условии обнаружения в ней противоречия, субъект способен оценить собственные способности и знания, которые можно было бы применить для решения, что приводит к различным критериям понимания внутри одной задачи между людьми. Мы считаем, что именно индивидуальная разница в оценке собственных способностей делает невозможным выработку единого стандарта или критерия для того, чтобы гарантировать, что при обучении одного субъекта другим произошло полное понимание, поэтому даже при существовании отдельного механизма переноса успешного решения в межсубъектном взаимодействии перенос всегда будет неполным. Таким образом, понимание можно рассматривать как метаэвристику, позволяющую избежать поиска решения задачи вслепую.

Заключение. Таким образом, мы приходим к необходимости более четкого разграничения термина «понимание» в зависимости от этапа в процессе решения задач. Когда мы говорим о столь обширном феномене, нам всегда следует указывать его контекст. Рассмотрение функций понимания открывает перед психологией мышления новый вопрос: происходит ли перенос понятого решения инсайтных задач? Понимание может рассматриваться как метакогнитивная оценка полноты знания

у решателя, что может быть использовано как метаэвристика при решении сходного класса задач.

Ссылки

1. Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: ИПРАН, 2016. 488 с.
2. Kintsch W., Welsch D. M. The construction-integration model: A framework for studying memory for text // *Relating theory and data*. NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. P. 367–385.
3. Коровкин С. Ю., Морозов И. М. Проблема понимания при передаче опыта // *Технологии сохранения и воспроизведения когнитивного опыта*. М.: ИП РАН, 2016. С. 116–143.
4. Ньюэлл А., Шоу Дж. К., Саймон Г. А. Процессы творческого мышления // *Психология мышления*. М.: Прогресс, 1965. С. 500–530.
5. MacGregor J. N., Ormerod T. C., Chronicle E. P. Information processing and insight: a process model of performance on the nine-dot and related problems // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2001. Vol. 27, № 1. P. 176–201.
6. Ohlsson S. Information-processing explanations of insight and related phenomena // *Advances in the psychology of thinking*. 1992. Vol. 1. P. 1–44.
7. Кёлер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1930. 206 с.
8. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // *Психология мышления*. М.: Прогресс, 1965. С. 86–234.
9. Коровкин С. Ю., Савинова А. Д. Детекция противоречий в процессе решения инсайтных задач // *Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов*. Калининград, 2016. С. 341–342.
10. Валуева Е. А., Ушаков Д. В. Инсайт и инкубация в мышлении: роль процессов осознания // *Сибирский психологический журнал*. 2017. № 63. С. 19–35.
11. Aha! experiences leave a mark: Facilitated recall of insight solution / A. H. Danek [et al] // *Psychological Research*. 2013. Vol. 77, № 5. P. 659–669.
12. Спиридонов В. Ф., Логинов Н. И. Феномен переноса в решении мыслительных задач // *Избранные разделы психологии научения*. М.: Дело, 2017. С. 277–303.
13. Metcalfe J., Son L. K. Anoetic, noetic, and auto-noetic metacognition // *The foundations of metacognition*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2012. P. 289–301.

В статье представлен опыт организации групповой психотерапевтической работы с людьми, переживающими острый страх смерти в связи с тяжелыми хроническими заболеваниями. Выделены основные принципы, позволяющие снижать интенсивность переживания в пространстве метафоры «служба проката». Авторы обосновывают целесообразность и продуктивность использования психологического механизма децентрации для совладания с хронической психотравмирующей ситуацией.

Ключевые слова: экзистенциальный опыт; конфронтация; страх смерти; децентрация; психотравмирующая ситуация.

This article is devoted to the organization of the group therapy for the clients with the acute fear of death due to serious chronic illnesses. The authors define main principles of therapy to decrease the intensity of the feelings in the metaphoric context “Renting. They substantiate the psychological mechanism of decentration as a way to cope with the chronic psychotraumatic situation.

Keywords: existential experiences; confrontation; fear of death; decentration; psychotraumatic situation.

Л. Г. Жедунова, И. А. Голубев, О. С. Голубева

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

E-mail: lzhedunova@mail.ru

E-mail: golian@bk.ru

E-mail: golian@bk.ru

Переживание страха смерти в условиях интенсивного группового экзистенциального опыта

Научная статья

L. G. Zhedunova, I. A. Golubev, O. S. Golubeva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

Experiencing Fear of Death in Conditions of Intense Group Existential Practice

Scientific article

Тема смерти в психологической науке и психотерапевтической практике занимает особое место. Наиболее широко она исследуется в рамках экзистенциальной психологии, однако, поскольку личность невозможно рассматривать вне экзистенциального измерения, становится очевидной актуальность темы смерти для психологии в целом. Исследователи подчеркивают, что, являясь неотъемлемой данностью бытия, эта тема с определенной периодичностью актуализируется в сознании каждого человека, порождая базовую тревогу (А. Лэнгле, С. Л. Рубинштейн, Г. Фейвел, В. Франкл, Э. Эриксон, И. Ялом).

Страх смерти может порождаться реальными причинами, связанными с переживанием тяжелых психотравмирующих обстоятельств, сопри-

косновением со смертью. В то же время он может актуализироваться при переживании одиночества в процессе осознания индивидуальных смыслов и ценностей. По мнению И. Ялома, ужас смерти является настолько сильным и всеобъемлющим, что на отрицание смерти и соответственно подавление страха смерти расходуется значительная доля жизненной энергии человека. Избегание конфронтации со смертью равносильно отрицанию смерти и ведет к развитию тревоги смерти. Тревога является не локализованным, неопредмеченным страхом, порождающим чувство беспомощности и безысходности. Страх, который нельзя понять, является неизвестностью, от чего становится еще страшнее, т. к. противостоять неизвестности невозможно. И. Ялом определяет основные тезисы, имеющие

базовое значение для психотерапевтической практики, ориентированной на оказание помощи по преодолению экзистенциального страха смерти:

- жизнь и смерть взаимосвязаны; они существуют одновременно, а не последовательно; смерть, непрерывно проникая в пределы жизни, оказывает огромное воздействие на наш опыт и поведение;

- смерть является первичным источником тревоги, имеющим фундаментальное значение, как причина психопатологии;

- сознание смерти может служить фундаментом для эффективной психотерапевтической стратегии;

- кризисная ситуация, вызванная угрозой смерти, может использоваться личностью как стимул к изменению [1].

Настоящая работа направлена на изучение динамики переживания страха смерти у людей с тяжелыми хроническими заболеваниями (онкология, СПИД, рассеянный склероз и т. д.). Тяжелое хроническое заболевание обладает большим потенциалом психического травмирующего воздействия. В жизни человека такой диагноз является событием интенсивным, внезапным, не поддающимся контролю и чрезвычайно негативным по воздействию. Остроэмоциональные стрессовые переживания, связанные с тяжелыми хроническими заболеваниями, способны приводить к соматическим и невротическим расстройствам. Основой переживаний является интенсивная по воздействию и продолжительности угроза жизни. В отличие от переживания разового «зашкаливающего» напряжения, связанного с угрозой жизни при аварии, катастрофе, насилии, переживание угрозы жизни при тяжелом хроническом заболевании способно сохранять свою интенсивность длительное время на протяжении лечения и в ремиссии.

Люди, проходящие лечение и находящиеся в ремиссии, испытывают острый страх перед возможным возвращением болезни. На это переживание расходуется значительная доля жизненной энергии человека.

Мы полагаем, что групповая психотерапевтическая работа, направленная на переживание экзистенциального опыта, позволяет снизить интенсивность переживания страха смерти и улучшить качество жизни в условиях тяжелого хронического заболевания. Выявление закономерностей динамики переживания страха смерти в психотерапевтической группе позволит расширить и уточнить возможности психологической поддержки

человека, переживающего хроническую психотравматизацию.

На биологическом уровне страх смерти связан с инстинктом самосохранения и необходим при угрозе жизни. Страх смерти не различает реальную и мнимую угрозу жизни. Это естественный процесс, который не может носить оценочных суждений (хорошо или плохо). На физиологическом уровне он отключает все энергозатратные системы человека, концентрируя организм на выживание. В первую очередь блокируются чувства и эмоции, затем телесные ощущения. Инстинкт самосохранения выполняет задачу поиска или создания безопасного места. С биологической точки зрения безопасным местом можно считать пространство, где отсутствует угроза жизни [2].

Мы считаем, что интересубъективное пространство группы может рассматриваться как психологически безопасное место, где может быть «размещено» индивидуальное переживание страха смерти. Каждый участник группы получает возможность озвучивать свой страх, предъявлять эмоции и чувства, будучи услышанным и принятым. В обычных условиях онкобольные люди неизбежно сталкиваются с уклонением окружающих от обсуждения их эмоциональных состояний, связанных со страхом смерти. Невозможность разделенности переживания может усиливать тревогу, добавляя к диапазону переживаний чувство изоляции и одиночества перед лицом смерти. Приведем в качестве примера высказывание одной из участниц психотерапевтической группы:

«Я про свою болезнь вообще ни с кем не говорю. Тяжело об этом рассказывать. С родными я тоже не говорю. Они не в курсе, что у меня настолько плохое состояние, что через год я уже буду на диализе, они не в курсе, что у меня никогда не будет детей. На самом деле, с чувствами у меня все сложно, потому что, когда болеешь, все чувства притупляются. Просто нет необходимости их выражать. Врач тебя о чувствах не спрашивает, дома тоже не спрашивают. Спрашивают только хорошо или плохо, скорую помощь вызывать или нет. А о чувствах как-то не спрашивают».

Таким образом, основной идеей групповой работы, направленной на снижение интенсивности страха смерти, является создание особого пространства, позволяющего размещать переживания, связанные со страхом смерти. Такая группа позволяет участникам не только предъявлять свои чувства, но и соприкасаться с чужим опытом пере-

живания страха смерти. Все участники проходили лечение или находились в ремиссии с диагнозом онкозаболевание и рассеянный склероз. Группа состояла из 5 человек в возрасте от 27 до 40 лет. Продолжительность занятий – 8 встреч по 3 часа.

Следующая идея, положенная в основу работы группы, состоит в необходимости трансформации тревоги смерти в страх. Справиться с тревогой можно, сместив ее от «ничто» к «нечто». Тревога как неопредмеченный страх вызывает более сильное страдание. Опредемечивание тревоги смерти мы осуществляли, используя психологический механизм децентрации. Децентрация (лат. de — от + centrum — центр) — преодоление центрации, т. е. видения мира только со своей точки зрения и невозможности учитывать другие возможности, например увидеть ситуацию с другой стороны. Децентрация позволяет выделить болеющее тело как отдельный элемент и взаимодействовать с ним, преодолевая зависимость, не впадая в слияние с соматическими симптомами. Децентрация в данном случае может рассматриваться в качестве механизма совладания в отличие от защитного механизма диссоциации, актуализирующегося в условиях психотравмирующей ситуации [3]. При диссоциации происходит отчуждение от тела, сопровождающееся подавлением эмоциональной сферы, и полноценное переживание становится невозможным.

С этой целью нами была разработана игровая терапевтическая модель «Служба проката». «Служба проката» является достаточно универсальной и нейтральной метафорой, не противоречащей социокультурным, религиозным традициям и убеждениям. Участникам группы предлагалась следующая инструкция. «Представьте, что тело — это просто вещь, выданная напрокат. Вы приходите в службу проката, и вам выдают ее в пользование. Получение вещи в службе проката — значимое событие в жизни каждого человека. Вещь выдается бесплатно, и за пользование ею не предполагается никакой платы».

По существу данная метафора позволяет человеку воспринимать процесс собственной жизни и смерти со стороны, в результате чего открывается возможность разместить переживания в отношении самого себя, но «как будто» со стороны, находясь в безопасном месте (децентрация). Это, в свою очередь, приводит к тому, что на физиологическом уровне перестают блокироваться телесные ощущения, включаются чувства и эмоции. Телесные ощущения выполняют важную функцию:

указывают индивиду на необходимость восстановления сил, необходимость удовлетворения базовых потребностей. Не менее важную функцию выполняют чувства и эмоции — реакции, необходимые для полноценного социального взаимодействия. Возможность задействовать чувства и эмоции способствует получению экзистенциального опыта и последующей интеграции его в виде правил, установок, приоритетов, соответствующих жизненной ситуации.

Логика игрового группового действия предполагает первоначальное принятие участниками группы перечня правил «службы проката», которые невозможно изменить или отменить, например: «Вы не можете выбирать вещь, и она не подлежит обмену». И на каждое правило службы проката мы с участниками группы разработали дополняющее правило, например: «Я определяю достоинства и недостатки моей вещи». Дополняющее правило не является жестко регламентированным, и каждый участник формулирует правило так, как сможет его принять. Правила «службы проката» для участников группы были сформулированы следующим образом:

- Вы не можете выбирать вещь, и она не подлежит обмену.
- Вы можете делать с полученной вещью, что захотите.
- Вашей вещью могут пользоваться другие люди.
- Вы можете пользоваться вещью другого человека.
- Ваша вещь не имеет определенного размера.
- Срок возврата вещи не известен.
- Вы должны вернуть свою вещь.

Дополняющие правила, сформулированные участниками группы в ходе группового психотерапевтического процесса:

- Я сам определяю достоинства и недостатки моей вещи.
- Я сам решаю, что мне делать с моей вещью.
- Я сам решаю, кому давать пользоваться моей вещью и каковы правила пользования для них.
- Я могу пользоваться вещью другого человека, но могу это делать с его разрешения, соблюдая установленные им правила пользования.
- Я определяю, сколько места занимает моя вещь и какое оно.
- Я определяю, чему посвящать время.
- Я могу оставить другим то, что я приобрел, пользуясь моей вещью.

На завершающем этапе работы у участников группы появляется возможность выбора: «Правила

службы проката я не выбираю, но использовать наши правила или нет – это мой выбор».

Правила необходимы, чтобы сделать действительность в восприятии человека более контролируемой.

Приведем примеры выбранных участниками метафор тела:

- «Тело как цветок». Заключительные переживания в конце работы (надежда): *«У цветка еще голый стебель без листьев, который падает все время, который нужно подвязывать. Может, там и были листья, но они опали. Что-то такое болезненное, безжизненное. Скорее всего, если там и были листья, то они опали из-за неправильного ухода или их жизненный цикл закончился. Есть два вида жидкостей. Одна пьет меня, другая окружающую. Но вот жидкости, которая пьет меня, пока не хватает. Для себя я отметила, что раньше я себя позиционировала, как что-то очень болезненное, процентов на сто. А сейчас ощущение болезни не такое всеобъемлющее. Можно жить и без нее, можно жить и вместе с ней».*

- «Тело как ежик». В результате групповой работы произошло принятие диагноза. *«Я чувствую, что-то я поняла, я пытаюсь поймать это. Служба проката дала вещь, и ее надо отдать. Я вроде сопротивляюсь, но это правило я принимаю, что вещь надо будет отдать. Я не воспринимала свою болезнь, но сейчас... Сейчас произошло, наверное, какое-то принятие внутри меня. Я принимаю эти правила и принимаю свой диагноз. Сейчас у меня даже облегчение произошло. Получается, что все это время я отрицала. А сейчас мне даже как-то легче стало. Как это здорово определять все самому, определять, как проводить время.*

У меня воодушевляющие эмоции от этого. У меня внутри все хорошо. Не обязательно считать себя больной, но принимать, что болеешь, надо».

- «Тело как храм». В результате групповой работы повысилась готовность принять ответственность за свои решения. *«Получается не служба проката и не другой человек определяет мои достоинства и недостатки, это делаю я. Я решаю, что делать с моим храмом. Это приятно, появляется чувство освобождения, облегчения и удовольствия. Независимость и свобода. Поняв, что у меня есть права на мой храм, я замечаю, как уходит обида и приходит чувство уважения к себе. Люди, у которых есть право на свою вещь, достойны уважения. И вдруг я поняла, так это же я решаю, много меня или мало».*

Таким образом, использование психологического механизма децентрации метафоры «служба проката» в групповой работе позволяет снизить интенсивность переживания страха смерти как психотравмирующего фактора у людей с тяжелыми хроническими заболеваниями.

Ссылки

1. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Драбкиной. М.: РИМИС, 2008. 608 с.
2. Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций / пер. с нем. С. В. Кривцовой. 3-е изд. М.: Генезис, 2013. 235 с.
3. Жедунова Л. Г. Личностный кризис и образ мира (субъективная реальность кризиса). Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. 135 с.

УДК 159.

В статье рассмотрены вопросы формирования личности (заинтересованной в научно-исследовательской деятельности) сопряжено с анализом качественных изменений в структуре личности, таких как мотивационная сфера, творческие способности и метакогнитивные компоненты. Учет выделенных феноменов позволяет обеспечивать целенаправленное психолого-педагогическое сопровождение развития структуры личностных возможностей, а самим обучаемым помогает осуществлять самоконтроль научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: метакогнитивные процессы; творчество; мотивация; наука; научная деятельность; студенты.

A personality formation (who is interested in research activities) is associated with qualitative changes in the structure of personality: development of the motivational sphere, creative abilities and metacognitive components. They help to build a structure of personality abilities and to get the self-control research activity.

Keywords: metacognitive processes; creativity; motivation; science; science activity; students.

М. М. Кашапов, Ю. С. Медведева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: smk007@bk.ru

E-mail: yuliamed26@gmail.com

Специфика креативности, мотивации и метакогнитивных процессов студентов разных научных направлений*

Научная статья

М. М. Kashapov, Yu. S. Medvedeva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Specificity of Creativity, Motivation and Metacognitive Processes of Students of Different Scientific Fields

Scientific article

На современном этапе развития общества особо остро стоит вопрос о сохранении кадрового потенциала российской науки. Одной из основных задач при решении данной проблемы является создание условий для развития российской науки, что предполагает адекватное стимулирование мотивации научных работников. Очевидно, что особое внимание необходимо уделить разработке системы внешней и внутренней мотивации субъектов научно-исследовательской деятельности (НИД) с учетом специфики их мотивационной сферы [1, с. 4]. Кроме того, необходимо учитывать специфику мотивации студентов и аспирантов в контексте конкретного направления научного творчества [2].

На формирование компонентов мотивационной сферы студентов особое влияние оказывает педагогическое мышление преподавателей [3]. В проведенном в ЯрГУ психолого-педагогическом экс-

перименте, направленном на совершенствование профессионального педагогического мышления (ППМ) преподавателей вуза, установлена закономерность, в соответствии с которой уровень ППМ преподавателя вуза умеренно и прямо влияет на их метакогнитивную активность: преподаватели вуза с надситуативным ППМ характеризуются более высоким уровнем метакогнитивной активности, чем преподаватели с ситуативным ППМ. Показано, что не все компоненты метапознания взаимосвязаны с профессиональным педагогическим мышлением. Уровень ППМ связан с развитыми и активно используемыми навыками управления собственными когнитивными процессами и практически не зависит от имеющихся у субъекта метакогнитивных знаний [4, с. 66].

Обобщение результатов другого эмпирического исследования взаимосвязи мотивации и креатив-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-06-00196а).

© Кашапов М. М., 2017

© Медведева Ю. С., 2017

ности как основы научно-исследовательской деятельности учащихся [5] позволило установить, что формирование мотивации НИД не может быть самоцелью. Оно выступает средством интеллектуального развития личности. Важными условиями успешной реализации данного средства являются, на наш взгляд, интегративность, метакогнитивизм и метасистемность [6].

В самом широком смысле предметом интегративной психологии является процесс самораскрытия, самодвижения, саморазвития, самораспаковывания индивидуального свободного сознания в континууме времени–пространства [7, с. 209]. Метакогнитивный опыт состоит, по мнению М. А. Холодной из произвольного интеллектуального контроля, произвольного интеллектуального контроля, метакогнитивной осведомленности и открытой познавательной позиции. «Ибо интеллект – это не только способность к адаптации к требованиям социальной ситуации, но и способность к неадаптивному (надситуативному) поведению, когда человек способен изменять наличные обстоятельства на основе выявления некоторых скрытых закономерностей и прогноза будущих событий» [8, с. 183]. А. В. Карпов в рамках метасистемного подхода к организации личности обосновывает фундаментальную идею о метапознании как интегративном процессе регуляции психологической системы деятельности [9].

Необходимопсихологическое сопровождение научно-активных, креативных и внутренне мотивированных молодых людей. Они же, в свою очередь, должны быть готовы не только принимать и усваивать знания более опытных специалистов, но и успешно проводить самостоятельные научные исследования.

Цель работы — исследование связей между креативностью, мотивацией и метакогнитивными процессами студентов гуманитарного, технического и естественнонаучного направлений.

Объект исследования — научно-исследовательская деятельность.

Предмет исследования — связь креативности, мотивации и метакогнитивных процессов студентов, заинтересованных НИД.

Гипотеза — существуют специфические связи креативности, мотивации и метакогнитивных процессов студентов гуманитарного, технического и естественнонаучного направлений, заинтересованных НИД.

Методики: 1. Методика «Мотивация научно-исследовательской деятельности» (МНИД); 2. Опросник способностей творческой личности; 3. Опросник «Самооценка творческих характеристик личности»; 4. Тест дивергентного (творческого мышления); 5. ТЕСТ «Мотивация профессиональной деятельности»; 6. Методика диагностики ценностных ориентаций в карьере «Якоря карьеры»; 7. Методика самооценки метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности; 8. Анкета участника исследования.

Эмпирическая база. В исследовании приняли участие 216 студентов 2–4 курсов ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Студенты технического направления изначально ориентированы на свои научные интересы, которые связаны с дальнейшим профессиональным развитием. Личные интересы в науке укрепляют желание быть полезным, представители технического направления перестраивают свои взгляды и убеждения, учитывая особенности и специфику потребностей общества. Это подтверждается наличием корреляций у студентов технического направления по показателям «Внутренняя мотивация» и «Профессиональная компетентность» ($r = 0,45$, $p < 0,001$), а также «Внутренняя мотивация» и «Служение» ($r = 0,39$, $p < 0,001$). Проявляются перспективы применения своих идей и возможные трудности, связанные с их деятельностью и нереализованностью ожиданий, в связи с чем между показателями шкал «Служение» и «Материальное благополучие» есть отрицательная корреляция ($r = -0,22$, $p < 0,05$).

Можно заключить, что студенты технического направления стремятся проявить себя в своих научных разработках. Их идеи направлены на улучшение жизни общества, но в качестве руководителей исследовательской группы они допускают возможность вариативности и своей свободы в выборе пути развития научного проекта [2]. Они также имеют отрицательную связь по показателям мотивации научной деятельности и метакогнитивными процессами: «Карьера» и «Приобретение информации» ($r = -0,256$; $p = 0,029$). Данная корреляция объясняется тем, что получение дополнительной информации может привести к заблуждениям при выполнении работы, а, следовательно, нужный результат не будет достигнут. Возникает опасность того, что из-за этого человек сможет реализовать в своей деятельности, только про-

двигаясь по карьерной лестнице, т. к. нет алгоритма, проверенного пути исследования, не допускающего рисков и ошибок.

У субъектов технического направления НИД выявлена корреляция «Метакогнитивных знаний» с показателем «Уровень креативности» ($r = 0,309$; $p < 0,01$). Специфика данной взаимосвязи связана с тем, что деятельность профессионалов технического направления направлена на производство вещественных продуктов труда и реализацию «полезной вещественной придумки». И для творческого продуцирования предметов техники необходима осведомленность о своих творческих и когнитивных особенностях.

Четко прослеживается взаимосвязь метакогнитивных процессов с мотивацией: «Метакогнитивные знания» прямо коррелируют с «Внутренней мотивацией» ($r = 0,309$; $p < 0,01$). Это может быть связано с самореализацией в выбранной профессии (а также с социально-практической ориентацией): возможность реализовать свои склонности, способности связана с осведомленностью о своих способностях.

Корреляция показателя «Метакогнитивные знания» и «Метакогнитивной активности» с параметром «Социальная полезность» ($r = 0,238$; $p < 0,05$) и ($r = 0,267$; $p < 0,05$) обуславливается ориентацией студентов технического направления на изменение и улучшение окружающей действительности, поиск эффективных способов решения поставленной задачи. Осознание полезности своей научно-исследовательской деятельности и способность ее реализовать стимулируют поиск более креативных способов решения исследовательских задач.

Структура характеристик **студентов естественнонаучного направления** имеет свою специфику. «Социальная полезность» имеет отрицательную связь с показателем «Менеджмент» ($r = -0,32$, $p < 0,05$). Социально важные исследования не дают возможности ученым реализоваться в качестве руководителей. Тем самым теряется продуктивность ученых, занимающих руководящие посты.

Студенты уделяют внимание профессиональному творчеству в своей научной деятельности, стремятся выделиться за счет малоизвестной темы. Для этого необходимо проявить любопытство к интересующему вопросу, в связи с чем появляется корреляция показателя «Творчество» с показателями «Оригинальность» и «Любозна-

тельность» ($r = 0,29$, $p < 0,05$) и ($r = 0,28$, $p < 0,05$). При этом хороший специалист должен владеть различными способами решения научных проблем, уметь прорабатывать идеи сначала в уме, а затем реализовывать их на практике («Профессиональный уровень» и «Воображение» ($r = 0,28$, $p < 0,05$)). Это также способствует продвижению по карьерной лестнице, т. к. специалист, умеющий работать в различных условиях, учитывать все возможные детали, способен справиться практически с любой научной задачей, а это гарантирует карьерный рост, что подкрепляется положительной корреляцией показателей «Карьера» и «Разработанность» ($r = 0,31$, $p < 0,05$); при этом общение не способствует глубокой работе, вероятно отнимая время, которое можно потратить на детали исследования. С точки зрения студентов естественнонаучного направления, нельзя, прорабатывая детали, уделять большое время общению. Помимо этого, излишний поток информации мешает сосредоточиться на искомом решении. По этой причине существует отрицательная связь «Общение» – «Разработанность» ($r = -0,28$, $p < 0,05$).

Студенты естественнонаучного направления склонны, так же как и технического направления, работать в заданных рамках, но в отличие от вторых возможно нестандартное применение уже известных методов работы. Они готовы к вынужденным переездам. Предпочитают прорабатывать все детали исследования, не тратя лишнего времени [2]. Им характерны корреляции параметра «Внутренняя мотивация» с параметрами «Оригинальность» ($r = 0,294$; $p < 0,05$), «Разработанность» ($r = 0,293$; $p < 0,05$) и «Название» ($r = 0,33$; $p < 0,05$), т. е. студенты этого направления подходят более творчески к решению поставленных задач, если заинтересованы в учебной или научно-исследовательской деятельности. Данная взаимосвязь, с одной стороны, связана с особенностью предмета естественнонаучного направления — невозможностью непосредственного его изучения, что стимулирует к придумыванию новых и нестандартных способов исследования предмета. С другой стороны, это сопряжено с неопределенностью и нестандартностью ситуации, в которой работает субъект естественнонаучного направления.

Специфична корреляция показателя «Творчество» методики и параметра «Оригинальности» ($r = 0,375$; $p < 0,01$). Это указывает на стремление

студентов более творчески подойти к решению поставленных перед ним задач, что отражается в оригинальности и уникальности уже самих продуктов деятельности.

Осознание неопределенности, сопряженное с осведомленностью о своих способностях, побуждает ориентироваться на интегральный, уравновешенный стиль жизни («Метакогнитивные знания» с параметром «Интегральный стиль жизни» ($r = 0,307$; $p < 0,05$)).

Студенты гуманитарного направления видят в научных исследованиях возможность помогать как обществу в целом, так и каждому человеку в частности. Причем многое будет направлено не на удовлетворение их интересов, а на потребности социума — «Социальная полезность» и «Служение» ($r = 0,26$, $p < 0,01$).

Опираясь на свои знания, они готовы использовать предложение разработать свой проект, исследование и т. д., т. е. уверены в себе настолько, что не боятся рискнуть — «Профессиональный уровень» и «Риск» ($r = 0,18$, $p < 0,05$). Опасность такого риска заключается в том, что им несвойственно соотносить свои силы с реальными требованиями задачи, что может вылиться в неуспех и разочарование в своей деятельности. Но если задача поставлена и желание ее решить присутствует, то ничто не должно мешать и отвлекать, в том числе и излишнее общение во всех его проявлениях (обмен информацией, конференции и т. д.), т. к. требуется полное сосредоточение на исследовании, — «Общение» и «Риск» ($r = -0,21$, $p < 0,05$). Серьезные социальные проекты крайне сложно реализовать, ничего не нарушив и не допустив неточностей, а в случае ошибки сам ученый несет ответственность, в том числе материальную. Проект сложный для исполнения чаще всего остается только теорией и не приносит ученому материального поощрения — «Материальное благополучие» — «Сложность» ($r = -0,25$, $p < 0,01$).

Студенты гуманитарного направления обладают способностью гибко решать поставленные задачи, адаптироваться к изменяющимся условиям, получать информацию, нужную в социально важных проектах. Их можно мотивировать внешними факторами, т. е. со стороны общества. Они готовы работать над сложным проектом, если он принесет реальную пользу.

Студенты данной группы обладают отрицательной корреляцией показателей «Общение» и «Кон-

центрация» ($r = -0,394$; $p = 0,001$). Общение не способствует умению управлять собственным вниманием, концентрироваться на задании, уменьшать влияние отвлекающих стимулов на процесс выполнения задания, т. е. концентрироваться на своей исследовательской работе в целом.

Общение воспринимается как отвлекающий фактор, а не дополнительный ресурс к получению информации. Возможно, это связано с тем, что гуманитарные знания крайне обширны и могут вносить в научную работу данные, отвлекающие от основной цели. Усиленная концентрация внимания студентов на задании может снизить эффективность самой работы, т. к. есть риск учесть при анализе лишь наиболее явные результаты. В то же время социально полезные проекты требуют учета всех возможных сторон разработки и способов внедрения результатов исследования. Этим можно объяснить наличие отрицательной связи между показателями «Социальная полезность» и «Концентрация» ($r = -0,330$; $p = 0,020$).

Положительная корреляция между «Уровнем креативности» и «Автономностью» ($r = 0,291$; $p < 0,05$) объясняет то, что обучающиеся гуманитарного направления характеризуются ориентацией на освобождение от правил, предписаний и ограничений, способны легко отказываться от шаблонных способов мышления. Для них характерна связь креативности и творческой направленности. Чем больше они стремятся творчески подходить к решению задач, тем выше их уровень креативности, т. е. представители гуманитарных профессий часто имеют дело с нестандартными ситуациями, что неизбежно приводит к формированию и развитию творческого склада ума.

Таким образом, были обнаружены взаимосвязи между метакогнитивными процессами, креативностью и мотивацией студентов гуманитарного, естественнонаучного и технического направлений.

Ссылки

1. Мазалецкая А. Л. Динамика мотивации научно-исследовательской деятельности на этапах профессионализации: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2011. 181 с.
2. Медведева Ю. С. Связь креативности и мотивации субъектов научно-исследовательской деятельности на довузовском и вузовском этапах

профессионализации: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2015. 141 с.

3. Филиппова Ю. В. Мотивация учебной деятельности студентов в процессе обучения в вузе // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 67–70.

4. Кашапов М. М., Пошехонова Ю. В. Роль метапознания в профессиональном педагогическом мышлении // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 3. С. 57–65.

5. Кашапов М. М., Огородова Т. В., Медведева Ю. С. Взаимосвязь мотивации и креативности как основа научно-исследовательской деятельности учащихся // Психология – наука будущего:

материалы V Международной конференции молодых ученых / отв. ред. А. Л. Журавлев [и др.]. М.: Институт психологии РАН, 2013. С. 255–257.

6. Кашапов М. М. Психология творческого мышления: учеб. пособие М.: ИНФРА-М, 2017. 436 с.

7. Козлов В. В. Движение за развитие человеческого потенциала. Ярославль, 2017. 215 с.

8. Холодная М. А., Гельфман Э. Г. Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся. М.: Институт психологии РАН, 2016. 200 с.

9. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. М.: Институт психологии РАН, 2004. 503 с.

Эффективность любой деятельности обеспечивается регуляцией в форме направленной психической активности, которая обусловлена как внешними условиями, так и внутренними причинами. В качестве внешних условий выступают социально-экономические факторы. Внутренними условиями становятся психодинамические характеристики индивидуальности и свойства личности. Трансформация и изменения психической регуляции происходит прежде всего под влиянием внешних условий. Внутренние характеристики обладают большей устойчивостью. Особое значение изучение психической регуляции приобретает в профессиональной сфере. Проблема «человеческого фактора» в значительной степени раскрывается через форму психической регуляции. Исследование динамики и профессиональной специфики психической регуляции позволяет решать проблемы профессиональной пригодности и ее трансформаций.

К л ю ч е в ы е с л о в а : психический регулятор; регулятивная функция; рефлексия; профессионал; регулятивные психологические типы; потребностная психическая активность; мотивационная психическая активность; целевая психическая активность; доминирование.

The effectiveness of any activity is provided by regulation in the form of directed psychological activity determined either by external conditions or internal factors. External conditions are the socio-economic factors. Internal conditions are psycho-dynamic characteristics of individuality and properties of the individual. Transformation and change of psychological regulation is primarily influenced by external conditions. The internal characteristics are more resistant. Study of psychological regulation gets a particular importance in professional sphere. A problem of the “human factor” is mostly revealed through a form of psychological regulation. The study of the dynamics and specifics of professional psychological regulation is helpful for solving the problem of professional competence and its transformations.

K e y w o r d s : psychological control; regulatory function; reflection; professional; regulatory psychological types; requirement of psychological activity; motivational psychological activity; target psychological activity; dominance.

Л. Ю. Субботина

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: sublara@mail.ru*

Профессиональная специфика регулятивных функций у психологов*

Научная статья

L. Y. Subbotina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Professional Specifics of Regulatory Functions of Psychologists

Scientific article

За последние годы проблема взаимоотношения личности и профессии стала одной из самых популярных в психологии. Необходимо всесторонне исследовать сферу профессионального становления человека с целью помощи в нахождении адекватных способов и путей овладения профессией. Профессионализация должна приводить к удовлетворению своим трудом и способствовать всестороннему развитию и самореализации личности. Одним из важнейших механизмов профессионализации является психическая регуляция деятельности. Психические регуляторы как единицы анализа субъектно-объектных взаимосвязей, складывающихся у человека в трудовой деятельности, раскрывают особенно-

сти отражения субъектом объективной реальности и позволяют определить степень адекватности этого отражения [1, 2].

Поскольку всякое психическое явление — это и отражение действительности, и звено в регуляции деятельности, то в зависимости от деятельности психические регуляторы будут приобретать свою специфику. Но любая деятельность развивается в социальной среде, а значит, на психической регуляции будут отражаться и социальные изменения. Связь психических процессов с движением, действием существенно не только для практической деятельности, которая посредством этих психических процессов регулируется,

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, № проекта 16-06-00960.

но и для самих психических процессов: действия человека, изменяя обстоятельства, в которых протекают психические процессы, объективно обуславливают их содержание и направление [3]. Система регуляторов человеческого поведения своеобразна и представляет собой сложнейшую психическую структуру. Основные группы психических регуляторов выявил Е. А. Климов [1]. Это «образ субъекта», «образ объекта» и «образ субъект-объектных и субъект-субъектных отношений». Психическая регуляция неизбежно включает в себя учет среды через последнюю группу регуляторов. Образы самосознания человека (наряду с образами окружающего мира) — необходимая основа целесообразной регуляции, саморегуляции его трудовой деятельности и взаимодействия с окружающими людьми. Что именно для данного человека является «окружающим», зависит не просто от того, что физически его окружает, а от того, как он категоризирует и как видит это окружающее. В результате разные люди живут в разных «мирах». Социальная среда настолько сложна, изменчива, многофакторно обусловлена, что природа не могла в ходе эволюции создать для ориентировки и поведения в «социуме» подходящую систему «готовых» регуляторов. Такая система должна прижизненно сложиться, и она начинает складываться в ходе непростых кризисов развития. Существуют самые разнообразные регуляторы. Широкий класс внешних регуляторов занимают все социальные явления с определением «социальный», «общественный». Сюда относятся: общественное производство, общественные отношения, социальные движения, общественное мнение, социальные потребности, общественные интересы, общественные настроения и т. д. Однако на уровне механизмов они трансформируются в систему внутренних духовных, личностных, психических, субъектных регуляторов. В. С. Мерлин экспериментально показал, что для выполнения социального требования («социальной схемы», по словам автора) индивидуальные психические особенности личности (как, например, интравертированность или экстравертированность, свойства темперамента) взаимодействуют таким образом, чтобы обеспечить поведение, отвечающее социальному требованию. «Индивидуальность личности, — заключает В. С. Мерлин, — представляет собой одновременно индивидуализацию обобщенных социально-типичных отношений (социальных схем) и подчинение, регулирование проявлений индивидуума социальными схемами» [4, с. 213].

В действительности между объективными (внешними) и субъективными (внутренними) регуляторами существует постоянная взаимосвязь. Внешние регуляторы выступают как внешние причины социального поведения личности, а внутренние регуляторы выполняют функцию призмы, через грани которой преломляется действие этих внешних детерминант [5].

Один из аспектов рассмотрения проблемы регуляции поднимает в своем исследовании Н. А. Государев. Автор описал ряд психологических типов человека по критерию детерминант психической активности [6]. В данном случае психическая активность понимается как внутренняя деятельность, произвольно детерминирующая, регулирующая деятельность внешнюю. В качестве базовых психических регуляторов, иницирующих, направляющих и организующих поведение и деятельность, выделяются потребность, мотив и цель. На уровне нейропсихического анализа механизмов регуляции в парадигме формирования функциональной системы (по П. К. Анохину) Н. А. Государев предлагает выделять системы потребностной, мотивационной или целевой психической активности (сокращенно П-, М-, Ц- активности). Доминирование той или другой формы психической активности обуславливается соответствующими внешними и/или внутренними условиями. П-активность претворяет в жизнь смысл получения процессуального удовольствия здесь и сейчас. Внешним фактором, стимулирующим мотивационную психическую активность, является дефицит условий удовлетворения потребностей здесь и сейчас. Ц-активность, связанная с планированием и программированием деятельности, направлена на реальное обладание предметом удовлетворения потребности, следовательно, должна учитывать сложившуюся обстановку, обладать полной информацией, рассчитывать всевозможные варианты действий.

Переход от одной доминантной формы активности к другой может быть затруднен, поскольку означает перемену ведущего способа деятельности, режима нервной регуляции, требует соответствующих условий, наличия или наработки специфических психологических качеств. В этой связи были разработаны положения концепции о переходах между доминантными состояниями потребностной, мотивационной, целевой активности [6]. Переходное состояние может протекать стремительно (революционно) или постепенно (эволюционно), бесконфликтно или затягиваться

(в случае конфликта необходимости и возможности смены доминирования психической активности). В итоге можно сделать вывод, что регулятивный психологический тип — это интеграция структур интеллекта и характера, когнитивных и коммуникативных функций посредством особенностей структуры регулятивных функций психики. В целом все данные регуляторы позволяют исследовать субъекта труда как сложно организованную динамичную иерархичную функциональную структуру. Наряду с этим появляется и новая трактовка такого сложного явления, как профессионализм [7].

Проблема регуляции имеет важнейшее значение в любой профессиональной деятельности, но ее структура специфична для конкретной профессии. На основе нашего пилотажного исследования, проведенного в 2012 г. (20 студентов факультета психологии 5-го курса университета им. П. Г. Демидова), мы выяснили специфическую роль психических регуляторов в профессиональной деятельности психолога. Они — связующее звено, мост от когнитивных процессов к исполнительским действиям. Регулятивные процессы тесно связаны с некоторыми важнейшими личностными качествами. Эта связь проявляется в том, что индивидуальная мера развития каждого из них сама по себе выступает как личностное качество. У психологов таким личностным регулятором выступает рефлексия (методика «Диагностика рефлексии» А. В. Карпова). Следовательно, особенности регуляции связаны не только с внешними факторами, но и с внутренними, т. е. человек, еще не вступив в ту или иную профессиональную среду, уже обладает определенной спецификой регулятивных функций. Процесс профессиональной подготовки должен предусматривать формирование системы психических регуляторов профессионального поведения. Целью нашего исследования и явилось

изучение профессиональной специфики регулятивных функций у психологов.

Мы расширили исследовательскую программу по сравнению с 2012 г., включив в нее диагностику регуляции по опроснику «Особенности регулятивных функций» Н. А. Государева [8]. Для анализа специфики психической регуляции нами был введен показатель ДПА — «Доминирование психической активности». Данный показатель высчитывался по формуле:

$$\text{ДПА} = (\text{П-активность} - \text{М-активность}) + (\text{П-активность} - \text{Ц-активность}) + (\text{М-активность} - \text{Ц-активность}).$$

Таким образом, суммируя разницу между всеми формами активности, мы получим интегральный показатель активности с выявлением ее доминирующей формы. Чем более уравновешены формы активности, тем более ДПА будет стремиться к 0.

Выборка состояла из 80 человек профессиональных психологов (19 — муж., 61 — жен.; возраст — 27–54 лет) и 80 человек представителей технических профессий (32 — муж.; 48 — жен.; возраст — 22–53 лет). Статистическая обработка проведена с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Полученные результаты подтвердили предположение о принципиальном различии психической регуляции у представителей разных профессий (см. табл. 1).

Кроме М-активности, по всем фиксируемым параметрам психологи и представители технических наук имеют значимые различия. Дальнейший анализ показал, что представители технических специальностей обладают доминирующей П-активностью. Человек с преобладанием данной активности живет исключительно в настоящем, общителен, социально смел, не терпит стеснения в своей внешней направленности, экспансии, агрессивно устремлен против всех сил, ее огра-

Таблица 1

Корреляционные отношения между показателями психической активности и рефлексии

Показатели	Средние значения		U	Z	Уровень значимости	
	Психологи	Не психологи			p	
П-активность	8,45	9,13	2590	-2,10	0,03	*
М-активность	7,89	7,60	2764,5	1,50	0,13	
Ц-активность	7,66	7,28	2497,5	2,42	0,01	*
ДПА	12,55	31,04	504	-9,27	0,00	***
Рефлексия	133,85	116,71	942	7,71	0,00	***

ничающих извне, прорастая из «негативизма» (как сопротивления чужой воле, по Л. С. Выготскому). Потребностная психическая активность, обусловлена сенсомоторной одаренностью, развитостью первой сигнальной системы, подкорковых образований мозга, что проявляется в видах деятельности, конгруэнтных указанным способностям, в бессознательной творческой сенсорной интуиции и моторной импровизации.

Психологам также присущи свойства П-активности, но она не имеет выраженной доминантности и сбалансирована с другими формами активности. С незначительным преобладанием у психологов фиксируется Ц-активность. Для Ц-активности характерна осмотрительная рациональная выдержка. Целевая психическая активность, связанная с планированием и программированием деятельности, требует учета сложившейся обстановки, обладания полнотой информацией, расчета всевозможных вариантов действий. В данном случае отмечается тот факт, что психологическая деятельность в той или иной сфере не всегда связана с непредсказуемостью и импровизацией. Для успешного решения определенной задачи требуется тщательное изучение ее нюансов, фактов. Ведущим способом деятельности становится рационально-интеллектуальный. Ц-активность, обязанный учитывать реальность для получения приспособительного результата, закладывает объективно-оценочное отношение к жизни, формирует черты осторожности, хитрости, деловитости, ответственности, дисциплинированности. Данные черты у психологов преобразуются в такие ПВК, как наблюдательность, аналитичность мышления, эмпатия.

Вместе с тем «негативные» стороны П-активности (не терпящая стеснения, требующая удовлетворения потребности здесь и сейчас, агрессивно устремлена против всех внешних сил) сдерживает проявление Ц-активности. Это наглядно проявляется у представителей технических специальностей.

По М-активности значимых различий в группах не зафиксировано. Но ее наличие придает деятельности эмоционально-волевой потенциал, мобилизующий в стрессогенных условиях резервы организма.

Достоверные различия на уровне значимости $p < 0,001$ выявлены по показателям «ДПА» и «Рефлексия». Как и при диагностике 2012 г., у психологов уровень рефлексии выше, чем

у не психологов. При этом общий показатель ДПА выше у представителей технических специальностей ($p < 0,001$). Высокий уровень рефлексии у психологов связан с тем, что уже в процессе обучения студент стремится чувствовать свои состояния, объяснять себе, как они возникли и почему, осваивает способы их контроля и по мере профессионализации делает это все осознаннее. В результате этого обращения к себе и формируется рефлексия в целом, которая в дальнейшем закрепляется в профессиональной деятельности и становится ПВК. Вместе с тем анализ индивидуальных результатов позволил сделать вывод, что у профессиональных психологов уровень рефлексии соответствует средним значениям стандартной шкалы методики (хотя и значимо выше, чем у не психологов). Рефлексия профессиональных психологов описывается инвертированной «U-образной» кривой, т. е. наиболее оптимальными становятся средние значения интенсивности рефлексии как регулятора деятельности. Данный вывод согласуется с результатами исследования рефлексии у профессиональных управляющих [9]. Это позволяет выдвинуть предположение об общности данной динамики у представителей «субъект-субъектного» типа деятельности.

Дальнейший анализ результатов привел нас к выводу, что у психологов отсутствует яркое доминирование какой-либо психической активности как преобладающего регулятора деятельности. Гармония личности обусловлена интегративным слиянием в единую систему специальных, духовных и общих интеллектуальных способностей. В первую очередь это обеспечивается объединением П-, М-, Ц-активности. Уравновешенность и сбалансированность форм психической активности позволяют сформировать адекватную и эффективную психологическую систему деятельности.

Совершенно особые феномены, объясняющие регуляцию профессиональной деятельности, выявлены на внутривидовом уровне. На уровне значимости $p < 0,001$ выявлена обратная корреляция между П-активностью и всеми другими показателями (ДПА, рефлексией, М-активностью и Ц-активностью). Обратные корреляции между всеми формами психической активности указывают на то, что при доминировании одной формы снижают свою активность оставшиеся психические активности. Данные результаты мы объясняем «принципом доминанты» (по А. А. Ухтомскому) [10]. Вместе с тем

у современных профессионалов (как психологов, так и представителей технических специальностей) наблюдается некоторое преобладание П-активности. Современные технологии стимулируют получать результат немедленно (мобильные телефоны, интернет и т. д.), а это, в свою очередь, трансформируется в стремление к моментальному удовлетворению любых желаний. А деятельность П-активности как раз и заключается в претворении в жизнь получения процессуального удовольствия здесь и сейчас.

Эта общая закономерность у специалистов технического профиля деформируется в направлении прямой корреляции ДПА и П-активности. Следовательно, при повышении общего уровня психической активности начинает доминировать П-активность, что согласуется с общей характеристикой структуры функциональной регуляции профессионалов.

Корреляции между всеми формами психической активности в группе психологов зафиксированы только обратные ($p < 0,001$). Это свидетельствует о том, что в данной группе почти с равной вероятностью может доминировать любая из форм психической активности. Соответственно, у профессиональных психологов потребностная, мотивационная и целевая психические активности уравновешены между собой и обеспечивают сбалансированную регуляцию деятельности. У психологов интегральным регуляционным механизмом выступает рефлексия, которой подчинены все формы психической активности [11]. В совокупности это обеспечивает психологу высокий уровень психической регуляции, адекватной условиям внешней среды и внутриличностному состоянию.

Ссылки

1. Климов Е. А. Введение в психологию труда. М.: Культура и спорт; ЮНИТИ, 1998. 350 с.
2. Темпоральные характеристики профессиональной карьеры как объект и предмет психологического исследования / В. А. Толочек, Л. В. Винокуров, Н. И. Иоголевич, Е. В. Маркова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 93–97.
3. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
4. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.
5. Журавлев А. Л. Социальная психология: учеб. пособие. М.: ПЕР СЭ, 2002. 351 с.
6. Государев Н. А. Практическая психодиагностика. М.: Ось-89, 2006. 238 с.
7. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 312 с.
8. Государев Н. А. Психодиагностика. Методологии и методики исследования психологических типов: учеб. пособие. М.: Ось-89, 2009. 144 с.
9. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. М.: РАО, 2012. 476 с.
10. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
11. Саковская О. Н. Направленность рефлексии в кризисе профессионального развития // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 114–116.

В статье исследуются ценностные основания выбора предпочитаемых копинг-стратегий. Описывается связь основных групп ценностей и стратегий совладающего поведения. Приводятся результаты исследования детерминации копинг-стратегий ценностями. Описывается влияние экзистенциальной исполненности на выбор стратегий совладания.

Ключевые слова: копинг; копинг-стратегии; ценности; ценностные ориентации; экзистенция; смысло-жизненные ориентации.

The article explores the value bases for choosing preferred coping strategies. The connection between the main groups of values and coping strategies is described. The results of the study coping strategies determination by values are presented. The influence of existential fulfillment on the choice of coping strategies is described.

Keywords: coping; coping strategies; values; value orientation; existential; life-meaning orientation.

О. Н. Саковская

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: orisona@gmail.com*

Ценностные детерминанты предпочитаемых копинг-стратегий

Научная статья

O. N. Sakovskaya

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Value Determinants of Selected Coping Strategies

Scientific article

Разрешение кризисной ситуации — от повседневной до глобальной — неизбежно связано с выявлением направляющих ценностей, отражающих взаимодействие между объективными законами реальности и субъективными качествами личности [1]. Поскольку вид совладающего поведения в преодолении трудных ситуаций является выбором человека, то вопрос о том, что лежит в его основании, является, несомненно, актуальным.

Ранее [2] мы показали связь ценностей личности с предпочитаемыми копинг-стратегиями. Взаимосвязь между ценностями личности и копинг-поведением наблюдается при выборе испытуемыми копинга, ориентированного на решение проблемы, который является наиболее продуктивным вариантом поведения в ситуации стресса.

Эмоционально-ориентированный копинг имеет отрицательную корреляцию с разным уровнем значимости, со всеми показателями, связанными с теми или иными ценностями жизни. Если человек не видит ценностей в своей жизни, не понимает ее смысла, считает ее «ненастоящей», не чувствует «полноты жизни», то он все чаще будет прибегать к эмоциональному стилю реагирования на стрессовую ситуацию, проявляющемуся в виде погруже-

ния в собственные переживания, самообвинения и вовлечения других в свои переживания. Этот стиль поведения является не самым продуктивным при решении проблемных ситуаций.

Практически отсутствует взаимосвязь между ценностями личности и копинг-поведением при выборе испытуемыми такого способа избегания стрессовой ситуации, как отвлечение. Исключением является только результативность жизни как показатель удовлетворенности прожитым этапом. Можно сделать предположение, что человек, довольный достигнутыми на данном этапе жизни результатами, уже имеет успешный опыт выхода из стрессовой ситуации, поэтому, стараясь избежать нового травмирующего события, он будет предпринимать попытки уйти от травмы, например через уход в работу или другую деятельность, перекладывание ответственности за происходящее на других и т. д. При всей очевидности связи ценностей и копинг-стратегий остаётся открытым вопрос об основаниях использования тех или иных копинг-стратегий.

Гипотеза исследования: *ценностно-смысловые детерминанты личности являются предиктором предпочитаемых копинг-стратегий.*

Для решения поставленных задач и подтверждения или опровержения выдвинутой гипотезы были использованы стандартизированные методики:

1. Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» [3] (КПСС) (Д. Ф. Эндлера и М. И. Паркера в адаптации Т. Л. Крюковой) — позволяет определить доминирующие копинг-стрессовые поведенческие стратегии;

2. Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [4] — позволяет оценить «источник» смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс), либо в прошлом (результат), а также позволяет определить два аспекта локуса контроля;

3. Шкала экзистенциальной исполненности, субъективную ценностную наполненность жизни.

Исследование проводилось среди жителей города Ярославля. В исследовании принимали участие 60 человек (10 мужчин и 50 женщин) в возрасте от 18 до 47 лет.

Для проверки гипотезы о том, что ценностно-смысловые детерминанты влияют на выбор копинг-стратегий используем однофакторный дисперсионный анализ (One-Way) ANOVA. Он позволяет проверить гипотезу о том, что изучаемый фактор оказывает влияние на зависимую переменную. В нашем исследовании в качестве независимых переменных будут выступать ценностно-смысловые ориентации личности, а в качестве результирующего признака (зависимых переменных) — стили копинг-поведения в стрессовых ситуациях. В результате проведенного анализа на достоверном уровне значимости выявлено влияние отдельных ценностей на выбор копинг-стратегий (табл. 1–4).

Результативность жизни — показатель, с помощью которого измеряется удовлетворенность прожитой частью жизни, оценивается пройденный отрезок жизни, определяется ощущение того, насколько продуктивной и осмысленной была прожитая ее часть; оказывает значимое влияние на выбор таких стилей поведения в трудной ситуации, как проблемно-ориентированный копинг, эмоционально-ориентированный копинг, копинг, направленный на социальное отвлечение.

С увеличением результативности жизни, ощущением ее продуктивности и насыщенности испытуемые начинают больше использовать проблемно-ориентированный копинг как адаптивный способ

решения трудной ситуации. Человек, уверенный в том, что он живет «правильно», что его действия приносят результаты, использует самый продуктивный стиль поведения, позволяющий признать проблему и направить действия на ее разрешение. В случае с эмоционально-ориентированным копингом мы наблюдаем обратный результат, т. е. с увеличением показателя «результативность жизни» уменьшается использование эмоционального стиля поведения в стрессовой ситуации.

Таблица 1

Расчеты однофакторного дисперсионного анализа (предиктор – «результативность жизни»; зависимые переменные – предпочтение определенных копинг-стратегий)

<i>F</i>	<i>p</i>	<i>Копинг-стратегии</i>
2,089	0,025	Проблемно-ориентированный копинг
2,556	0,006	Эмоционально-ориентированный копинг

При возникновении сложной ситуации эмоции, в случае если они выступают на первый план, мешают четко направить действия на разрешение возникших затруднений. Поэтому у человека, удовлетворенного результатами своей жизни, нет необходимости использовать этот непродуктивный стиль поведения.

Локус контроля — Я-показатель, характеризующий представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, контролировать события собственной жизни; оказывает значимое влияние на выбор такого стиля копинг-поведения, как проблемно-ориентированный копинг.

Таблица 2

Расчеты однофакторного дисперсионного анализа (предиктор – «Локус контроля – Я»; зависимые переменные – предпочтение определенных копинг-стратегий)

<i>F</i>	<i>p</i>	<i>Копинг-стратегии</i>
2,365	0,013	Проблемно-ориентированный копинг

Наиболее часто копинг, ориентированный на решение проблем, используют испытуемые с самыми высокими показателями локуса контроля — Я. Чем больше человек уверен, что он «хозяин

жизни», что он сильная личность, живущая в соответствии со своими целями и представлениями, тем больше он использует эффективный вид копинга, направленный на решение трудностей. Мы можем отметить, что у отдельных испытуемых с низкими показателями локус-контроля – Я уровень использования проблемно-ориентированного копинга достаточно высок, и предположить, что это связано с нестабильностью кривой. В целом наблюдается тенденция: с увеличением уверенности испытуемых, что они «хозяева жизни», растет количество случаев использования проблемно-ориентированного копинга.

Таблица 3

Расчеты однофакторного дисперсионного анализа (предиктор – «свобода», зависимые переменные – предпочтение определенных копинг-стратегий)

F	p	Копинг-стратегии
1,952	0,035	Эмоционально-ориентированный копинг

Показатель «Шкалы экзистенции» «свобода» измеряет способность решаться, находить реальные возможности действовать и чувствовать уверенность в решении. Он оказывает значимое влияние на выбор эмоционально-ориентированного копинга. При низких значениях свободы, когда человек не уверен в своей способности правильно принять решение, сделать выбор, решиться на какие-то действия, возрастает частота использования эмоционально-ориентированного копинга, проявляющегося в виде погружения в собственные переживания, самообвинения и вовлечения других в свои переживания. С ростом ощущения, что ты свободен, что у тебя получается сделать свободный выбор, снижается потребность в эмоциональном реагировании на ситуацию.

Таблица 4

Расчеты однофакторного дисперсионного анализа (предиктор – «экзистенциальная наполненность жизни», зависимые переменные – предпочтение определенных копинг-стратегий)

F	p	Копинг-стратегии
2,089	0,025	Проблемно-ориентированный копинг
2,556	0,006	Эмоционально-ориентированный копинг
3,035	0,001	Копинг, ориентированный на избегание

Показатель «экзистенциальность» «Шкалы экзистенции» Лэнгле, измеряющий способность

решительно и ответственно идти в мир, включаться в жизнь, оказывает значимое влияние на выбор проблемно-ориентированного копинга, эмоционально-ориентированного копинга, копинга, направленного на избегание и социальное отвлечение.

С увеличением показателя экзистенциальности больше используется проблемно-ориентированный копинг для разрешения стрессовых ситуаций. С ростом экзистенциальности растет и способность конструктивно обходиться с внешним миром, решительно и ответственно с ним справляться, применяя наиболее продуктивный вид копинга, не пасуя перед проблемой, а направляя свои действия на ее разрешение.

В ситуации с эмоционально-ориентированным копингом выявляется обратная тенденция, т. е. с увеличением уровня экзистенциальности уменьшается потребность в использовании эмоционального копинга. Если для человека принятие решений дается с трудом, из-за чего он может находиться в состоянии бездействия, если он не способен выдерживать нагрузки и очень чувствителен к помехам, то для него эмоциональное реагирование на ситуацию, проявляющее в виде протеста, эмоциональной разрядки, самообвинения, возложения на себя вины за ситуацию, будет привычным способом выхода из стресса. С ростом способности ориентироваться в мире, приходить к решениям и ответственно воплощать их в жизнь потребность в использовании эмоционально-ориентированного копинга уменьшается.

Влияние экзистенциальности на копинг, ориентированный на избегание, имеет волнообразную тенденцию. При низком значении и постепенном росте уровня экзистенциальности наблюдается средний уровень использования копинга, ориентированного на избегание, т. е. увеличение уровня экзистенциальности до определенного предела не приводит к изменению частоты использования этого вида копинга. Только когда испытуемые достигают роста экзистенциальности выше среднего, наблюдается скачок использования стратегии избегания. У испытуемых, уровень экзистенциальности которых продолжает расти, показатель использования избегания в качестве решения стрессовой ситуации снижается. Этот вид копинга является непродуктивным для использования, поэтому человек, уверенный в своих решениях и способный воплощать их в жизнь, будет опираться на другие более выигрышные стили поведения и последовательно решать проблему.

Таким образом, к ценностным-смысловым детерминантам личности, оказывающим влияние на выбор стиля копинг-поведения, относятся:

- результативность жизни — оказывает влияние на выбор копинга, ориентированного на решение проблем, эмоционально-ориентированного копинга;
- локус контроля – Я — влияет на выбор проблемно-ориентированного копинга;
- свобода — влияет на выбор эмоционально-ориентированного копинга;
- экзистенциальность — оказывает влияние на выбор проблемно и эмоционально ориентированных копингов, а также копинга, направленного на избегание.

Совладающее поведение представляет собой сложное явление, детерминированное несколькими группами факторов:

- особенностями личности субъекта,
- реально изменяющейся жизненной ситуацией,
- характером социального взаимодействия и взаимоотношений субъекта.

При этом наиболее важной является третья группа факторов, к которой относятся такие переменные, как культурный контекст, социальные представления и установки, гендерные особенности, качества межличностных отношений и взаимодействия субъекта. Не меньшее значение имеет реальная и ожидаемая (воспринимаемая) социальная поддержка, в зависимости от которой человек может поступать более решительно или, наоборот, избегать столкновения с реальностью.

Копинг-поведение используется индивидом сознательно, избирается им и изменяется в зависимости от ситуации и направлено на активное преобразование ситуации или собственного состояния. Поэтому в отношении стратегий копинг-поведения можно говорить, что они зависят от ценностно-смысловой структуры личности, локуса-контроля личности, а также от типичных способов поведения и эмоционального реагирования, личностных черт, способностей и т. д.

Ценностно-смысловую сферу личности образуют две главные составляющие: система ценностных ориентаций и система личностных смыслов. Личностные смыслы отражают субъективную зна-

чимось всех предметов, вещей и явлений для человека, а система ценностных ориентаций отвечает за направленность личностной активности.

Таким образом, можно сказать, что ценностно-смысловая сфера личности является центральным регулятором жизнедеятельности человека. Она обуславливает не только то, в какой мере человек воспринимает вызовы жизни как стрессовые для него, но и может быть ресурсом совладания, определять его способы.

Полученные результаты позволяют сделать следующий основной вывод: гипотеза о ценностно-смысловых детерминантах личности как предикторах предпочитаемых копинг-стратегий подтвердилась для отдельных составляющих ценностно-смысловой структуры личности. Показатели смысло-жизненных ориентаций «результативность жизни» и «локус контроля – Я», а также показатели шкалы экзистенции «свобода» и «экзистенциальность» являются предикторами по отношению к выбору предпочитаемых копинг-стратегий.

Ссылки

1. Баева Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: монография. М.: Прометей; МГПУ, 2003. 240 с.
2. Саковская О. Н. Взаимосвязь копинг-стратегий и ценностных оснований личности // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV Междунар. науч. конф. Кострома, 22–24 сент. 2016 г.: в 2 т. / отв. ред.: Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. Т. 1. С. 375–377.
3. Крюкова Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. 2-е изд., испр., доп. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 64 с.
4. Леонтьев Д. А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
5. Лэнгле А. Фундаментальные мотивации экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии // Экзистенциальный анализ. Бюллетень. 2009. N. 1. С. 9–31.

В статье поднимается проблема принятия решений в контексте субъективной оценки вероятности событий. Принятие решения рассматривается как результат процесса преодоления неопределенности проблемы, а оценка вероятности — как степень уверенности индивида в каждой из альтернатив. Подчеркивается роль эвристических средств принятия решения в ситуациях, когда вероятность альтернатив не может быть оценена рационально. Проверяется гипотеза о влиянии временной локализации события на оценку его вероятности. Подтверждается эффект, в соответствии с которым локализованные в прошлом (гипотетические) события могут оцениваться как менее вероятные, чем относимые к будущему.

Ключевые слова: субъективная вероятность; принятие решений; имплицитные стратегии снижения неопределенности; эффект формулировки.

The article raises the problem of decision making in subjective probability evaluation context. Decision making is regarded as a result of overcoming the uncertainty, associated with the problem, while the probability evaluation – as a subjective confidence level in each proposed alternative. The role of heuristic means for decision making is emphasized, especially in cases when the probability of alternatives can't be evaluated by rational means. The hypothesis of the time localization impact on evaluation of event probability was examined. Consequently the time localization effect on probability evaluation was confirmed. According to it the probability of the events associated with the past can be underestimated versus some others, attributed to the future.

Keywords: subjective probability; decision making; implicit strategies of uncertainty overcoming; framing-effect.

А. П. Карabanov

*Институт психологии им Л.С. Выготского, Российский Государственный Гуманитарный Университет
E-mail: pacaraban01@gmail.com*

Влияние временной локализации события на оценку его вероятности как фактор принятия решений

Научная статья

A. P. Karabanov

L. S. Vygotsky Institute for Psychology, Russian State University for the Humanities

Time Localization Impact on Evaluation of the Event Probability as a Decision-Making Factor

Scientific article

Введение

Проблема регуляции принятия решения или выбора является одной из ключевых в когнитивной психологии. В ее рамках на разных уровнях поднимается вопрос взаимодействия индивида с окружающей средой, границы его способности преобразовать ситуацию в эффективный поведенческий акт.

Осуществление выбора в пользу наилучшей альтернативы представляется интуитивно понятным, однако, в силу ограниченности человеческого познания [1], любая репрезентация проблемы является неполной и процесс принятия решения строится на основе двух механизмов: имплицитных стратегий поиска информации и базирующихся на них эксплицитных стратегиях [2]. Значение имплицитных стратегий заключа-

ется в отборе релевантной информации и построении репрезентации проблемы, в ходе чего субъект решает задачу оптимизации условий проблемы [3]. Посредством этого достигается снижение неопределенности проблемы, что, по мнению Р. Голдсмита и Н. Салина, можно выделить как самостоятельную стадию ее решения [4].

Вопрос принятия решения долгое время разрабатывался в психофизиологии в рамках теории обнаружения сигнала [5]. В этой парадигме была предложена *идеальная модель принятия решения и оценки вероятности его правильности*, в которой уверенность идеального наблюдателя в правильности решения выступает этапом определения вероятности события. В этой модели наблюдатель обладает точным знанием всех априорных вероятностей событий, поэтому не нуждается в

© Карabanov А. П., 2017

субъективных критериях их оценки [6, 7]. В реальной же ситуации, когда речь о точном знании вероятности событий не идет, именно основанные на уверенности эвристические методы заменяют знание априорных вероятностей и обуславливают принятие решений [8].

В результате серии экспериментов было показано, что при возможности отказаться от выбора в силу сомнений в его правильности наблюдатель реже осуществляет выбор, но эти выборы чаще оказываются правильными [8]. Таким образом, субъективная оценка вероятности события (т. е. уверенность) предполагает некий минимальный порог уверенности в альтернативе, превышение которого будет приводить к однозначному выбору. Если же однозначный выбор не может быть осуществлен, то согласно модели предпочитается наиболее правдоподобный результат, либо происходит отказ от выбора вовсе.

Однако процесс принятия решения в условиях невозможности оценки вероятности альтернатив остается неоднозначным и предполагает либо избегание выбора, либо случайный выбор. Их альтернативой могут быть эвристические стратегии выбора, предлагающие выход за рамки или игнорирование слишком неопределенного ситуативного контекста. В своих исследованиях Д. Канеман и А. Тверски [9] предложили ряд таких средств, как доступность, репрезентативность, эффект формулировки проблемы. Доступность и репрезентативность оперируют субъективным опытом наблюдения за причинно-следственными связями событий и коннотатами, тогда как эффект формулировки демонстрирует влияние на выбор акцентов, которые ставятся на различных характеристиках одной и той же задачи.

В совокупности реализация этих стратегий приводит к изменению равновесного состояния правдоподобности альтернатив, тем самым обуславливая большую или меньшую их правдоподобность, необходимую для принятия решения. Но является ли этот набор средств преодоления неопределенности исчерпывающим?

В ходе исследования была поставлена цель оценить роль временной локализации события на суждение о его вероятности. Основная гипотеза заключалась в том, что локализованные в будущем события оцениваются как более вероятные, чем локализованные в прошлом. Помимо этого мы проверили предположения о влиянии на выбор ситуативного фактора неопределенности, а также

гипотезу о связи оптимизма в оценке вероятности событий с дифференциальными особенностями испытуемых.

Материалы и методы

В качестве стимульного материала мы предложили испытуемым оценить по аналоговой шкале от 0 до 100% вероятность следующих событий:

1. Как вам кажется, какова вероятность того, что Иван попадет в ДТП, если сегодня после работы он будет возвращаться домой в состоянии сильного алкогольного опьянения с существенным превышением скорости?

2. Вчера Сергей, возвращаясь с работы, попал в ДТП. Как вы думаете, какова вероятность, что он ехал в состоянии сильного алкогольного опьянения с существенным превышением скорости?

3. Вчера Николай удачно добрался до дома. Оцените вероятность того, что он бы попал в ДТП, если бы ехал в состоянии сильного алкогольного опьянения с существенным превышением скорости?

Перечисленные задачи не имеют правильного решения, т. к. не содержат достаточной информации для рациональной оценки вероятности. В условии № 1 идет речь о локализованном в будущем событии, в условии № 3 – о локализованном в прошлом. Оба этих события являются равновероятными и описывают вероятность наступления одного и того же события в одинаковых условиях. В условии № 2 идет речь о реально произошедшем событии и суть задачи заключается в оценке роли потенциально опасного фактора.

Помимо этого мы предлагали испытуемым заполнить два опросника, а именно Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности [10] и Мельбурнский опросник принятия решений [11].

В исследовании приняли участие 108 человек — студенты дневного и вечернего отделений Института психологии им. Л. С. Выготского, из которых 97 девушек (возраст: $M = 18$, $sd = 3,5$).

Исследование было организовано в два этапа. На первом — мы предложили стимульный материал двум группам испытуемых: одна выполняла методики перед экзаменом в ситуации неопределенности ($n = 68$), вторая — без воздействия фактора неопределенности ($n = 40$). На втором этапе, через полтора месяца, мы повторно предложили задачи испытуемым из первой группы ($n = 41$), получив возможность сопоставить результаты решения задач во внутрисубъектном плане.

Результаты

Во внутрисубъектном плане мы сравнивали результаты первого и второго предъявления методик при помощи критерия знаковых рангов Уилкоксона, однако каких-либо различий нами выявлено не было.

В ходе сравнения средних оценок потенциально опасного фактора (условие № 2) в группах, подвергшихся и не подвергавшихся воздействию фактора неопределенности при помощи U-критерия Манна-Уитни, оказалось, что, находясь в ситуации неопределенности, испытуемые были склонны преувеличивать детерминирующую роль причинных факторов ($P_1=0.5$; $P_2=0.36$; $p<0.05$).

В отношении оценок вероятности событий, локализованных в будущем или прошлом, нами были получены распределения с экстремумами на $P=0.5$ и $P \in [0.75; 0.8]$ для каждого и значениями медианы, соответствующими высоким оценкам вероятности ($M_1=0.8$, $sd_1=0.19$; $M_3=0.73$, $sd_3=0.21$). Несмотря на то что возможное и гипотетическое события являлись равновероятными, испытуемые только в 54.6% случаев ($n=59$, с учетом погрешности в $\pm 4\%$) давали им равные оценки. Гипотетическое событие оценивалось как более вероятное в 8.3% случаев ($n=9$), тогда как возможное в будущем — в 34.3% случаев ($n=37$). Мы произвели кластеризацию наблюдений (двухступенчатый метод) по оценкам вероятностей двух событий и фактору их согласованности, в результате чего получили трехкластерную модель хорошего качества.

В первый кластер вошли испытуемые, по-разному оценившие вероятность гипотетического и возможного в будущем события. Гипотетическое событие оценивалось как менее вероятное ($n=49$; $M1=0.83$; $M2=0.67$). Испытуемые, попавшие во второй кластер, были склонны давать высокие оценки обоим событиям ($n=37$; $M1=0.85$; $M2=0.86$), тогда как попавшие в третий давали низкие оценки вероятности обоих событий ($n=20$; $M1=0.49$; $M2=0.49$).

Для сравнения кластеров по измеряемым опросниками показателями мы применили критерий Краскала-Уоллеса, выявили значимые различия только для субшкалы «Бдительность» опросника МОПР ($\chi^2=8.9$; $p<0.05$). Парные сравнения (U-Манна-Уитни, поправка Бонферрони) показали различия между 2-м и 1-м кластерами ($p<0.017$), а также 2-м и 3-м кластерами ($p<0.017$) — в обоих случаях балл по шкале бдительности в среднем был выше у испытуемых из второго кластера.

Обсуждение результатов

В ситуации неопределенности, ассоциируемой со стрессом, наблюдается больший пессимизм в оценке роли негативных факторов в наступлении нежелательных событий в прошлом, что может указывать на аффективную коннотацию, влияющую на оценку вероятности события посредством ее связи с субъективной нежелательностью данного события.

Было показано, что временная локализация событий может приводить к различной оценке их вероятности, что наблюдалось примерно в 45 % случаев. На основе оптимистичности и согласованности обеих оценок были выделены три кластера наблюдений: первый, характеризовавшийся существенным различием оценок вероятности события, локализованного в будущем или прошлом; второй и третий, характеризующиеся большим и меньшим пессимизмом, но в обоих случаях согласованными оценками тех же событий.

Разница в оценке равновероятных событий заслуживает отдельного обсуждения. С одной стороны, она может рассматриваться как проявление альтернативного варианта эффекта постановки проблемы. С другой — более убедительным выглядит предположение, что причина различий заключается в большей репрезентативности представлений о том, что событие, локализованное в будущем, является более реальным, а потому и более вероятным, в отличие от события, локализованного в прошлом, которое точно не произойдет.

Обнаруженные дифференциальные различия между испытуемыми, отнесенными к различным кластерам наблюдений, свидетельствуют о больших показателях по шкале бдительности (МОПР) у участников исследования, дававших согласованные пессимистичные оценки вероятности обоих событий, что характеризует этих испытуемых как лиц, склонных к анализу альтернатив и преодолению неопределенности посредством уточнения информации о целях и задачах решения.

Выводы

1. Реализуемые человеком способы оценки вероятности событий являются устойчивыми во времени и кросситуативными характеристиками.
2. Фактор временной локализации события может влиять на оценку вероятности событий. Событие, локализованное в будущем, выступает как более реальное, поэтому более вероятное, чем локализованное в прошлом.

3. В ситуации неопределенности, ассоциируемой со стрессом, нежелательный исход оценивается как в большей степени детерминированный, что выражается через оценку причин, вероятно повлиявших на исход.

4. Испытуемые, дающие согласованные оценки событиям, характеризуются как лица, в большей степени склонные к преодолению неопределенности посредством уточнения информации о целях и задачах решения.

Ссылки

1. Simon H. A. The sciences of the artificial. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1969. 95 p.

2. Klauer K. C. Charge and discharge in problem solving. A theory of declarative simplification: Belastung und Entlastung beim Problemlösen. Eine Theorie des deklarativen Vereinfachens. Göttingen: Hogrefe, 1993. 118 p.

3. Сухих Н. А. Вероятностные репрезентации информации в задачах принятия решения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 1999. 22 с.

4. Goldsmith R. W., Sahlin N. E. The role of second-order probabilities in decision making // Analysing and aiding decision processes. Amsterdam–Budapest: North-Holland and Akadémiai Kiadó, 1983. P. 455–467.

5. Иган Дж. Теория обнаружения сигналов и анализ рабочих характеристик. М.: Наука, 1983. 216 с.

6. Шендяпин В. М., Барабанщиков В. А. Использование теории обнаружения сигнала для разработки модели принятия решения человеком // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 3, т. 5. С. 145–156.

7. Математическое моделирование уверенности при принятии решения в сенсорных задачах / В. М. Шендяпин, И. Г. Скотникова, В. А. Барабанщиков, В. Б. Тарасов // Психологический журнал. 2008. № 4. С. 84–97.

8. Уверенность в решении: моделирование и экспериментальная проверка / В. М. Шендяпин, В. А. Барабанщиков, И. Г. Скотникова // Экспериментальная психология. 2010. № 1, т. 3. С. 30–57.

9. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. 632 с.

10. Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. № 6, т. 30. С. 140–152.

11. Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. № 31, т. 6. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.01.2017).

Дополнительные сведения об авторах

- Марасанова Виктория Михайловна* – доктор исторических наук, профессор
Борисова Алина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент
Тихомиров Николай Владимирович – кандидат исторических наук, доцент
Рябинина Наталья Валерьяновна – кандидат исторических наук, доцент
Соловьев Кирилл Алексеевич – кандидат культурологии
Хохолькова Надежда Евгеньевна – аспирант
Обидозие Афамефуна Эндрю Океке – аспирант
Медяков Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент
Мудров Семён Николаевич – кандидат исторических наук, доцент
Гурьянчик Виталий Николаевич – кандидат исторических наук, профессор
Марина Владимировна Лушникова – доктор юридических наук, профессор
Иванчин Артем Владимирович – доктор юридических наук, профессор
Тарусина Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор
Соловьев Олег Геннадиевич – кандидат юридических наук, доцент
Соколова Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент
Барахоева Алла Руслановна – кандидат юридических наук, старший преподаватель
Исаева Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент
Соколов Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент
Владимиров Илья Юрьевич – кандидат психологических наук, доцент
Маркина Полина Николаевна – аспирант
Коровкин Сергей Юрьевич – кандидат психологических наук, доцент
Морозов Илья Михайлович – аспирант
Жедунова Людмила Григорьевна – доктор психологических наук, профессор
Голубев Илья Андреевич – магистрант
Голубева Ольга Сергеевна – магистрант
Кашапов Мергаляс Мергалимович – доктор психологических наук, профессор
Медведева Юлия Сергеевна – кандидат психологических наук, ассистент
Субботина Лариса Юрьевна – доктор психологических наук, профессор
Саковская Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, доцент
Карabanов Артём Петрович – старший преподаватель
-

Contributors

- Marasanova Victoria Mikhailovna* – Doctor of Historical Sciences, Professor
Borisova Alina Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Tikhomirov Nikolay Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Ryabinina Natalia Valeryanovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Solovyov Kirill Alekseevich – Candidate of Cultural Studies
Khokholkova Nadezhda Evgenevna – Postgraduate student
Obidozie Afamefuna Andrew Okeke – Postgraduate student
Medyakov Alexander Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Mudrov Semen Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Guryanchik Vitaliy Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Professor
Marina Vladimirovna. Lushnikova – Doctor of Juridical Sciences, Professor
Ivanchin Artem Vladimirovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor
Tarusina Nadezhda Nikolaevna – Candidate of Juridical Sciences, Professor
Solovyev Oleg Gennadievich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Sokolova Olga Vladimirovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Barakhoeva Alla Ruslanovna – Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer
Isaeva Elena Alexandrovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Sokolov Alexander Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Vladimirov Ilya Yuryevich – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Markina Polina Nikolaevna – Postgraduate student
Korovkin Sergei Yurevich – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Morozov Ilya Mikhailovich – Postgraduate student
Zhedunova Lyudmila Grigoryevna – Doctor of Psychological Sciences, Professor
Golubev Ilya Andreevich – Student for Master's Degree
Golubeva Olga Sergeevna – Student for Master's Degree
Kashapov Mergalyas Mergalimovich – Doctor of Psychological Sciences, Professor
Medvedeva Yulia Sergeevna – Candidate of Psychological Sciences, Teaching Assistant
Subbotina Larisa Yurievna – Doctor of Psychological Sciences, Professor
Sakovskaya Olga Nikolaevna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Karabanov Artem Petrovich – Senior Lecturer